

*Александр
Таразанов*

АНГЕЛ НАТАША

рассказы

Томск – 2018

УДК 821.161.1

Т19

Об авторе.

Александр Сергеевич Таразанов родился в 1954 году в Томске. Служил в рядах СА (стройбат). Закончил Томский коммунально-строительный техникум. Работал электриком, кочегаром и т. д. Стихи публиковались в коллективных сборниках Томска, в журналах «Сибирские Афины» и «Начало века». Первая публикация прозы состоялась в интернет-журнале «Наша улица» Юрия Кувалдина в апреле 2015 года, – рассказ «Игнат и попугай». Живет в Томске.

© А. Таразанов – повести и рассказы

© В. Вайнштейн – макет, вёрстка, рисунки

АНГЕЛ НАТАША

Районный посёлок затерян в самой глуши Красноярского края. Он цепочкой растянулся по берегу, там, где Ангара лениво несла свои воды. А с другой стороны за посёлком встала стеной тайга. В основном посёлок состоял из геологов и лесорубов, не считая другого люда. Сам райцентр ничем особенным не отличался, в нём имелись больница, две школы, и ходил каждый час автобус. В этом посёлке проживала она – героиня моего рассказа.

...Дунул лёгкий ветерок с реки, немножко растрепав пышные, рыжие волосы. Наташа сидела в кресле-качалке под большим зонтом и рисовала. Среди высокой травы в садике перед домом, где жило семейство Старковых, она выглядела каким-то неземным существом. Даже бледный цвет лица в веснушках её никак не смущал. Загар вообще к ней не приставал, да и здешнее лето – короткое. Она улыбалась, и ямочки проступали на щеках. Наташа, уютно примостившись в кресле, наклонив голову вправо, устремив взгляд на лист бумаги, рисовала. Наташа рисовала какие-то необыкновенные цветы в садах возле фантастических замков с фонтанами на берегу озёр, прудов. Сюда вписывались прекрасные красавицы с кавалерами, звери, птицы. Сказочные и довольно красочные полотна. Такой мир Наташа видела в своих рисунках. На этот раз её натурщицей была Мурка, пушистая трёхцветная кошка, постоянно сопровождавшая хозяйку. Кошка зажмурила глаза и лежала напротив кресла-качалки. В черёмухе послышался шум: подрались два воробья, да так, что от этого куст пошёл ходуном. Мурка открыла глаза, посмотрела на куст. Вытянулась, снова прикрыла веки, перевернулась на бочок и засопела. Наташа, сделав штрих карандашом, глянула на воробьёв. Она грустно улыбнулась: «Глупые птицы, и чего не поделили?»

Летайте, где хотите. Места всем хватит...». Пошумев немного, воробьи разлетелись кто куда. Неожиданно выдохнула природа свежим ветерком по верхушкам деревьев. Наташа перестала рисовать и глянула на слетевший с берёзы жёлтый листик. Покружившись плавно, он упал в траву. Тем временем кошка встала, выгнув спину, осторожно ступая, направилась в сторону дома. Подошёл муж Фёдор, молча взял на руки Наташу и аккуратно понёс её в дом.

А с того дня прошло три года. Молодые возвращались с покоса на мотоцикле. Фёдор рулил, а Наташа находилась в коляске. При спуске с горы Шанежной мотоцикл круто занесло, он перевернулся. Наташа не помнит, как она оказалась на больничной койке. Муж отделался синяками, она серьёзно повредила позвоночник. Куда только Фёдор Наташу не возил, даже ездили в Илизаровский центр, в город Курган. Казалось, вся жизнь в прошлом. Фёдор после аварии продал мотоцикл, не мог на него смотреть. Купил магнитофон, думал, ей будет не так скучно. По тем временам он был в диковинку. Пришла соседская девочка лет пяти, Кира, и прочитала стишок, его записали и прослушали. Наташа улыбалась, а Кира не узнала свой голос и подумала, что над ней просто пошутили. Заплакала и пошла домой. Фёдор догнал её и привёл обратно. Наташа обняла её и погладила. «Я тоже твой голос не узнала сначала, не обижайся, это всё правда». Девочка прислушалась к Наташиному разъяснению, и успокоилась.

Узнав, что Кира любит рисовать, Наташа попросила показать ей рисунки. Подправив кое-что, она вернула ей альбом. Оказалось, у Наташи талант художницы. Фёдор купил альбом и краски, и она начала рисовать. А в жизни нужно выжить, и она стала использовать клеёнку для своего промысла. Тогда в деревнях разрисованную клеёнку старушки вешали вроде прикроватных ковриков – то ли мода такая была, то ли просто бедность. Вот и занятие, и заработок.

Но вернёмся назад. Особенно в тот день, когда в доме Старковых появилась маленькая девочка. Что привлекло Наташу к юной соседке? Встретилась две женщины, большая и маленькая. Наташа в ней увидела саму себя маленькой. Маленькая Кира, на-

оборот, увидела в ней себя, но уже большую. Дело в том, как она первый раз встретилась с человеческой жестокостью, если можно так это назвать. Кирина семья только что перебралась из посёлка в райцентр, и через несколько дней после приезда она видела, как соседский мальчишка из рогатки стрелял в их кошку. Больше Сонька в доме не появилась, бесследно исчезла. Для Киры потеря любимой кошки была целой трагедией. После этого случая она с недоверием начала относиться к разным людям.

Наташа в детстве казалась обыкновенной девочкой. Завоდიлой никогда не была. А когда повзрослела, она не изменилась. К окружению относилась спокойно. Вела тихий образ жизни. И, как любая девушка того времени, мечтала о любви: выйти замуж и родить дочь. Даже на предложение Фёдора она долго думала, но в конце концов ему дала согласие.

А время шло. Ничего у Наташи не менялось, она практически находилась в лежачем состоянии. Фёдор как уйдёт с утра на работу, только к вечеру возвращается домой. Поэтому главная забота ложилась на плечи её матери, Натальи Кондратьевны. Однажды мать схватилась за сердце, да так и осталась сидеть на месте, прижимая ладонью грудь, с немым взглядом, видимо, хотела что-то сказать, и не успела. После смерти матери Наташа стала постепенно таять и чахнуть, и в скором времени тихо умерла. Кира в это время тяжело болела корью, и о смерти Наташи ей не сказали. На девятый день (Кире стало уже лучше) пришла от соседей баба Зина и принесла кусок пирога:

– Помяни Наташу. – Кира поняла, что больше не увидит Наташу, заплакала. Баба Зина погладила по головке:

– Что ж ты плачешь? Ей теперь там хорошо. Отмучилась.

И были ещё поминки. Первые в жизни Киры. Она вышла в палисадник с пирожком в руке, там сидел Фёдор и плакал:

– Ангел мой! Наташа! Зачем ты меня покинула. Больно и несправедливо.

Потом встал, шатаясь, вернулся туда, откуда пришёл, вскоре продал дом и уехал неизвестно куда. И перед отъездом принёс Кире альбом с Наташиными рисунками:

– Держи. На память. Она тебя любила.

БЕГЛЯНКА

Жаркий день. Лето в самом разгаре. Фельдшер настоял, чтобы Митрич с контузией полежал в госпитале.

Сегодня он выписывался. Чистое обмундирование на нём, а на гимнастёрке сверкает орден Красной Звезды рядом с гвардейским значком. Он пожимает руку каждому палатному. Прощается. Взял котомку. Вышел. За оградой лазарета поймал попутку, которая направлялась в сторону его части. Пока лежал, фронт так и не передвинулся. Затишье. Проблема, может, и не в этом, хотя кто его знает. А пока Митрич едет и ничего не подозревает – путь в десять километров ещё надо проехать. Проехали пару километров – с правой стороны у самой дороги стоял разбитый грузовик. Дымилась рядом с ним воронка. Грузовик с Митричем остановился. Трупы водителя и сидевшего рядом лейтенанта залиты кровью. Только что приняли смерть два молодых мужика. На них страшно глядеть. Усатый водитель грузовика, на котором ехал Митрич, залез в кузов. Подозвал Митрича и показал на ящики, накрытые плащ-палаткой. Вскрыли первый попавшийся. Тушёнка. Ящиков было тринадцать. В углу сидела и мяукала рыжая кошка. Рядом находился труп её хозяйки. Прошитая насквозь пулемётной очередью лицом в небо лежала старуха в чёрной длинной юбке и ситцевой блузке. На голове повязан белый платок. В глазах её застыл гнев. Лицо искажено до предела. Руки сжаты в кулаки.

– Нужно их похоронить по-людски, – предложил водитель Митричу. Где-то рядом заблеяла коза. Услышав человеческую речь, она пошла на голос. Выглядела коза изящной и бело-пуховой, с озорными глазами. На шее болтался кусок верёвки.

– Вот так подарок! – воскликнул радостно водитель. – Товарищ гвардии ефрейтор, у меня есть верёвка, мы её на рога накинем и привяжем, – разговорился водитель.

– Ты её ещё поймай, – высказал сомнение Митрич.

Ловить пуховую озорницу не пришлось. Коза сама подошла к Митричу и давай его рогами бодать играючи. Он только успел погладить бок, как она сама его подставила, и успокоилась. Видимо, хозяйка таким образом козу успокаивала. Открыв задний борт, козу приподняли и осторожно поставили на пол кузова. Она даже не сопротивлялась. Успев закинуть шесть ящиков в свой грузовик, они издали увидели впереди себя чёрную «эмку». Сразу прекратили загрузку ящиков.

– Спокойно! – обратился Митрич к водителю. Эмка приближалась быстро. Видимо, высокий чин, ехавший на ней, очень спешил. Поравнявшись с ними, машина резко остановилась.

– Что случилось? Кто вы такие? – выглянул из кабины генерал.

– Гвардии ефрейтор Чалкин, возвращаюсь после лазарета в свою часть. А тут немец подбил эту машину. Три трупа, кошка и коза. А ещё несколько ящиков тушёнки, – быстро отрапортовал Митрич.

– Так, говоришь, ефрейтор, тушёнка? – и генерал вопросительно посмотрел на Митрича. Митрич головой кивнул на подбитый грузовик. Генерал нехотя вылез из машины и пошёл проверить.

– Действительно, тушёнка, – высказал своё мнение генерал. – Закинь мне пару ящиков, а остальные сдай в свой пищеблок, и козу тоже. Козье молоко полезно для раненых и тяжелобольных бойцов. Солдат на войне должен хорошо питаться, чтоб отлично воевать. А этих похорони.

– Есть, товарищ генерал! – взяв под козырёк, отрапортовал Митрич.

Генерал залез в машину, а Митрич с водителем погрузили в

багажник тушёнку. Захлопнув багажник, Митрич махнул рукой, и генеральская машина тронулась с места. Сделав свою работу, они засобирались. Только на этот раз Митричу пришлось залезть в кузов – из-за козы, держать её за верёвку. Водитель пожалел кошку и забрал её к себе в кабину. Посадил в дырявую корзину. Проехав несколько километров, перед сожжённой деревней, где торчали, как головешки, печные трубы, грузовик остановился. Возле вырытой наспех землянки сидел на земле чумазый пацан. Водитель подозвал его, но тот не сразу среагировал.

– Малой, а ну-ка подойди сюда. – Пацан недоверчиво посмотрел на него и не тронулся с места. Вышла, вся в чёрном, старая женщина:

– Чего сидишь? Тебя зовут.

Только тогда пацан встал и подошёл к грузовику.

– На вот, держи, в хозяйстве пригодится, – и водитель сунул ему кошку. Пацан тут же расцвёл, схватил и уже было потащил кошку в землянку. – Погоди, вот тебе ещё гостинец, – и водитель протянул комковой сахар. Пацан повернулся к нему и взял кусок сахара. – Пожалуй, отдам им козу. Как-то этим горемыкам в этой жизни выжить нужно, – вслух проговорил Митрич, водитель промолчал и пожал плечами. Митрич открыл задний борт, и коза прыгнула на землю, водитель только и успел её поймать за верёвку. Митрич тут же прыгнул вслед за козой, взял её за обрывок и повёл к женщине. Вручил козу, повернулся к водителю:

– Ну, поедем, что ли? Вслед за водителем Митрич залез в кабину, и грузовик тронулся с места. Довольный таким событием, пацан помахал им рукой. Проехав немного, они увидели, как слева замелькало белое пятно. Пригляделись, беглянкой оказалась старая знакомая. Водитель остановил машину, коза подбежала и заблеяла. Митрич и водитель вышли из машины. Обошли её кругом и снова взяли козу, приподняв осторожно, поставили в кузов. Митрич полез за ней, и грузовик тронулся, подняв за собой пыль столбом. Весь остальной путь они проехали без приключений.

Наконец-то часть, и сразу заехали на пищеблок. Вызвал старшего повара и передал ему ящики согласно тому количеству, сколько было. Выгрузили козу и увели на верёвке в неизвестном

направлении. Митрич сразу пошёл к командиру, майору Свинцову.

– Разрешите войти, товарищ гвардии майор. Прибыл после лечения.

– А, Митрич, подлечился! Завтра жди пополнение. Я тебе дам пятнадцать человек. А теперь рассказывай, что с тобой произошло по дороге. Мне уже звонили из штаба.

– А чего рассказывать, как было, так и было, – усмехнулся Митрич.

– С тушёнкой ладно, а с козой?! – серьёзно посмотрел майор на Митрича.

– Приказ генерала! – отрапортовал он.

– Действительно, его приказ. Только где изволите держать козу? Ни вольеров, ни больших ящиков. Одна проблема с ней, – недовольно проговорил майор.

– Пока на верёвке. Может, не убежит, – ответил майору Митрич.

– Ладно, ступай. Отдыхай сегодня, а завтра приступишь к своим обязанностям, – посмотрел майор на Митрича. Митрич отдал честь, развернулся и вышел.

Лёжа у стенки в блиндаже, Митрич думал о разном. Больше всего о козе. Даже генерал не стал возражать, а майор принципиально высказался против. Ладно, видно будет. Так мысленно он себя успокаивал. Клонило ко сну. Он не заметил, как уснул. Сквозь сон почувствовал, что кто-то его тормозит:

– Товарищ гвардии ефрейтор! Вставайте! – Он вскочил с топчана. – Что случилось?

– Выйдете и увидите, – всё тот же голос ответил ему где-то рядом, в тёмном блиндаже. Митрич встал в полный рост и пошёл на выход. У входа в блиндаж стояла коза с оборванной верёвкой на рогах.

– Ну вот, ещё тебя здесь не хватало, – проговорил вслух, поглядев на козу, Митрич. – И почему я тебя недооценил? Майор тебя точно отправит на живодёрню.

Взяв за обрывок верёвки, Митрич повёл козу на пищеблок. Коза не упиралась, а преспокойно пошла за ним.

– Хоть идёшь не упираешься, и то хорошо, – повернул голову и заговорил с ней Митрич.

А коза шла как ни в чём не бывало, и успела что-то по дороге зажевать. «Рассвет вот-вот должен наступить, надо поторопиться!» – про себя подумал Митрич и ускорил шаг.

– Пароль! – окликнул часовой. – Дон, – ответил Митрич. – Проходи! – разрешил часовой. Впереди показались очертания пищеблока: навес с длинным столом, закрытый маскировочным материалом. Рядом стояла палатка. Митрич подошёл к ней и открыл полог:

– Кашевар, вставай! – Внутри кто-то зашевелился. Вышел заспанный здоровый мужик в гимнастёрке нараспашку. – Чё надо? – Но, увидев козу, понял. – Дурная коза. На неё верёвок не напасёшься. Митрич спросил, в каком месте коза стояла на привязи.

– Пошли, покажу, – ответил кашевар, и повёл к уцелевшему телеграфному столбу. – «А место неплохое, трава есть», – подумал Митрич. Один конец пятиметровой верёвки был привязан к столбу, а другой валялся тут же на земле. Митрич развязал рога, а оборвыш верёвки откинул в сторону. А конец, который валялся на земле, подобрал и крепко привязал к рогам.

«Может, в этот раз не убежит», – подумал он, и не оглядываясь зашагал в свой блиндаж.

День стоял пасмурный. Ветер гонял тучки по небу, и разгонял их дальше, за серый горизонт. С востока тянуло гарью. Видимо, что-то горело рядом. Митрич ходил и проверял посты. Дошёл до своего блиндажа. Кроме него, там располагался фельдшер, сержант медицинской службы Семён Кузьмин, мужик среднего роста, серьёзный молчун родом из Донбасса. И ещё связист, рядовой Алексей Прокопьев. Высокий, обаятельный парень, говорливый волжанин из Астрахани. С ним скучно не бывает. Приоткрыв полог, Митрич вошёл. Из небольшого отверстия падал свет, и видно было, как на свету связист, рядовой Прокопьев, ковырялся в своём вещмешке, насвистывая себе под нос весёлый мотив про чижика. Фельдшер сидел на топчане и курил. Думал о чём-то своём. Они даже не обратили внимания, когда Митрич вошёл.

– Погодка сегодня скверная, – проговорил Митрич. Никто не ответил. Он присел на свой топчан. Вытащил из кармана кигет. Закрутил козью ножку и ловко высыпал внутрь её махорку, прикурил, затянулся. И с блаженным удовольствием выпустил струйку дыма. Прислонившись к бревенчатой стенке, задумался. Старшая дочь Варька написала, что мать родила девчонку. И ещё корова отелилась, и что бригадир, который бабами командует, дурак дураком, его прислали из района вместо ушедшего на фронт Мишки Жаткина. Вот такие пришли новости из дома. Закончив курить, он затушил окуроч. Распотрошил и высыпал остатки в коробочку из-под леденцов. Кинув вещмешок под голову, прилёг и укрылся шинелью. Закрыл глаза. Уснул.

Проснулся, тряс его Прокопьев.

– Митрич, вставай. Коза опять сбежала, и стоит за пологом у входа. Мёдом, что ли, здесь для неё намазали. Бегаёт, не сидит, – недовольно высказался он в адрес козы.

Митрич откинул шинель, сел. Встал. Пошёл на выход. Только открыл полог, коза тут же его начала бодать. – Ишь ты, разошлась, – проговорил спокойно Митрич и начал гладить ей бок, та и успокоилась. Взяв за обрывоч верёвки, Митрич снова повёл козу туда, откуда она сбежала.

Они спокойно дошли до места. Митрич хотел отвязать обрывоч на козе, та резко дёрнулась – решила убежать, что и сделала. Коза ломанулась через дорогу в кусты и быстро засемила к болоту. Митрич с досады плюнул и пошёл за ней, пройдя немного, он чуть было не наткнулся на торчащую авиационную бомбу. Встал перед ней, осторожно повернулся назад, пошёл по своим следам. Только вышел с опасного места, коза стояла и ждала его. Митрич взял её за верёвку, повёл к месту, и там крепко привязал.

– Стой смирно и не сбегай. – Ласково погладив ей бок, Митрич отправился к майору – доложить о бомбе. Оттуда пошёл в свой блиндаж.

* * *

В блиндаже Прокопьев разговаривал с Кузьминым:

– Ты вот не представляешь, как всё это было. Я, значит, выхожу, а здесь она стоит. А чего стоит? А мне нужно по-маленько-

му сходить. И никак не обойти, не обойдёшь. И что у неё на уме, не понять. Пришлось Митрича будить. – Он замолчал. Вошёл Митрич.

– Мог бы и не будить, погладь бок козе, та и успокоится. Умная животина, – высказал свою точку зрения Митрич и поглядел на Прокопьева.

– А мне что, из-за неё и в туалет нельзя сходить?

– Штаны сухие? Какие вопросы?

– Ну, скажет тоже! – тихо засмеялся Прокопьев и хитро посмотрел на Митрича.

– У нас ещё пара часов на отдых. А сейчас спать! – скомандовал Митрич.

Все трое улеглись, каждый на своём топчане. Так они лежали до рассвета.

* * *

Уже и день подходил к концу. Митрич с самого утра находился в землянке майора. Того вызвали в штаб, откуда он ещё не возвращался. Так за весь день Митрич ничего не сделал, хотя надо основательно просмотреть всё обмундирование вновь прибывших новобранцев. Сам лично хотел проверить, а тут застрял, ожидая майора. Правда, пообедал.

Смеркалось. Затянуло. Закапал мелкий дождик. Зашуршало за дверью. Дверь распахнулась, и возник майор. Отряхиваясь у порога, он присел на табурет.

– Хорошо-то как, дождик всё смое. И самое главное – скоро на нашем участке начнётся наступление, а именно с твоей позиции мы и начнём. – И он внимательно посмотрел на Митрича. – Время и дату мне в штабе не сказали. А теперь разойдись по своим местам, – скомандовал майор.

Митрич отдал честь и вышел из майорской землянки, направляясь к своей позиции. Шёл, шёл, вроде оступился, как ему показалось. Повернулся, а сзади стояла коза и тихонько заблеяла.

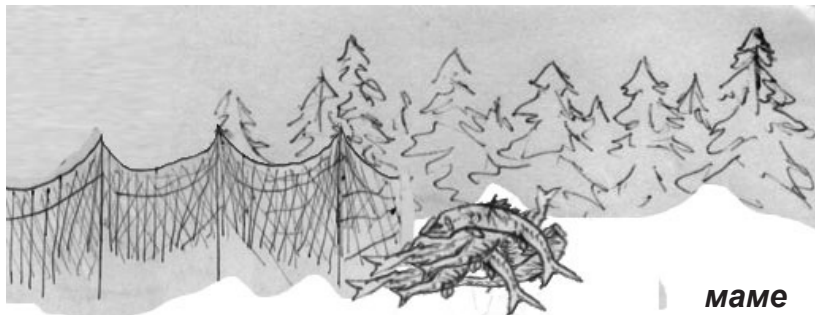
– Вот чего тебе-то опять не сидится на месте? – И, взяв козу за верёвочный оборвыш, повёл её обратно. Прошли спокойным шагом до пищеблока. У пищеблока стоял кашевар и курил. Уви-

дев Митрича с козой, он тут же выкинул окурок на землю и затоптал его сапогом, пошёл не оглядываясь. Они подошли к столбу, куда козу привязывали.

И в этот момент у Митрича что-то оборвалось в душе. Беспокойство какое-то одолело.

Неожиданно земля пошла ходуном. Митрич только и успел лечь на землю. Вой, визг и канонада смешались в кучу. Этот ужас длился всего несколько минут, но казалось, что длится целую вечность. Наша сторона не успела дать ответный удар.

Когда всё закончилось, на наших позициях наступила гробовая тишина, как и у немцев. Основной удар получил Митрич со своими бойцами. В подразделении у Митрича недосчитались нескольких солдат. Двое убиты, четверо ранены. Причём один – тяжело. В других подразделениях незначительные потери. Снарядом разнесло полевую кухню и осколком убило козу. Война никого не щадит.

маме

ВАРЕНЬКА-РЫБАЧКА

Июньский полдень. За окном тишина, будто вымерла деревня. Близко скрипнула калитка. В избу шумно вошёл отец. Прямо с порога выпалил, словно из ружья:

– Мать! Война началась с немцами... – громко чертыхаясь, прошёл и сел за стол. Мать его не поняла, спросила:

– Отец, какая война? Ты недавно говорил, что Сталин заключил с Гитлером мир, – и недоверчиво глянула на отца.

– Да, говорил... Завтра тех, кто подлежит призыву, я обязан отправить в райцентр. Я, например, один из первых записался. Кого-нибудь да пришлют вместо меня. Свято место пусто не бывает, – нахмурившись, серьёзно ответил отец.

– А мы как здесь без тебя? У меня на руках останется малышня. Наташка – та совсем мала. Санька слабак. С Варьки толку мало... – Мать расхныкалась и отвернулась.

– Цыц, разнылась. Ещё неизвестно, у меня бронь. Пока. Найдут замену и сразу пошлют на фронт. А насчёт Вари ты, мать, зря наговариваешь, да и Санька не слабак, пуцай оба помогают...

– отец нервными движениями зашарил по карманам. Вытащил пачку папирос, закурил. Услышав родительский разговор, вышла из соседней комнаты старшая дочка, семнадцатилетняя голубоглазая Варенька. Прислушалась. – Советская власть поможет, если что, – уже начал расплываться отец на мать... «Сходить, что ли, к Шурке, с ней поговорить, та наверняка расскажет что знает. Не зря таскает почту...» – прислонившись к дверному косяку, подумала, и молча вышла из избы.

Солнечно. Не жарко. С реки дул ветерок. Во дворе рыбзавода с десяток баб сидели на перевёрнутой рыбацкой лодке. И, между собой тихонько переговариваясь, посматривали на открытые ворота. Походив по двору, присел на завалинку, дымя трубкой, сторож, древний дед Трофим Жаткин. Все ждали бригадира Чалкина. Вошёл во двор и оглядел людей:

– Начну с того, чтоб на работе не сачковали, а работали нормально. Сегодня должны подготовить две сети и законопатить лодку на завтра. Вопросы?.. – В ответ молчание.

– Тогда расходимся... – Чалкин подошёл к лодке и внимательно её осмотрел, недовольно покачал головой:

– Много гудрона уйдёт? А, дед? – обратился к сторожу. Тот не сразу ему ответил:

– Есть такой кусок на складе, лично при мне Клавка получила год назад, с неё и спрашивай.

– Что-то я не вижу её среди нас. – Бабы тут же загудели:

– Сына завтра провожает на фронт. Сегодня ему стукнуло восемнадцать годков. День рождения справляет, – за всех громко выкрикнула долговязая, русоволосая вдова-солдатка Капитолина.

– Всё равно должна присутствовать на собрании, или отпроситься. Ладно, прощаю. Варя! – обратился к дочери: – Сходи и позови тётю Клаву Шестакову с ключом от склада. Да поживей... – Варенька, выслушав отца, ответила:

– Хорошо! Тятя, я сейчас... – и немедленно отправилась за кладовщицей.

– А вы чего расселись, кто будет чинить сети?! – в приказном тоне обратился к бабам Чалкин. Они с неохотой встали и пошли...

Как и рассчитывал Чалкин, в складе нашёлся кусок гудрона и несколько мотков с «ниткой», чтоб «заштопать» дыры между ячейками. До позднего вечера бабам пришлось повозиться с лодкой. И с неводом...

Утро следующего дня. Погода как по заказу, тёплая. Ветер временами легонько раскачивал речные волны. Солнечные блики от воды слепили глаза. Без суеты рыбачить начали с Первых Песков. Закинув невод на середине Тагана, рыбачки немного подо-

ждали. Один конец тащили по суше возле воды, а потом по берегу к кустам, другой с помощью лодки подтягивали к берегу. Варенька с пятью бабами, взяв конец с лодки, тянули к другому концу невода. Пока шли, меняли руки, перебирая сырую сеть. Она врезалась с каждым разом в ладошки, скользкая и пропахшая рыбой и речными водорослями. Наконец, вытянув полностью из реки, стали выбирать рыбу с водорослями. Улов оказался небогатым, в основном попались скользкие чебаки с ельчиками и колючие ёршики с окуньками. Рыбёшка средних размеров. Подошёл Чалкин, посмотрел, сказал: – Не густо! Завтра нам пришлют катер, Фадей Кузнецов с Киреевска пригонит, остался от райпотребсоза. Нынче их организацию наполовину расформировали ввиду военного положения в стране. Так что станет вам полегче, бабоньки, таскать невод. С утра с Иринска приедут два парня и дед Кондрат вам на подмогу. Рыбу в лодку, траву в сторону. Ещё разок закиньте, может, да поймаете чего. Действительно, на этот раз рыбачки поймали более крупную рыбу. Они её рассортировали, загрузили и поплыли в деревню. Так закончился первый трудовой день для Вареньки и всех остальных рыбачек.

Утро следующего дня оказалось пасмурное, слегка лил дождик, где-то по западу ходили серые тучи, собравшийся народ ждал Чалкина в рыбзаводском строении. Варенька стояла возле входа и посматривала на калитку двора:

– Слышь, чего говорю, – обратилась к ней Капитолина, – отец сегодня будет? У нас дел дома знаешь сколько?

– С утра ушёл на Вторые Пески встречать катер, – она посмотрела на Капитолину, а в их разговор встряла баба Дуся.

– Я смотрю, тебе, Капитолина, неймётся болтовнёй заниматься, сходи к деду Трофиму. Может, до чего-нибудь договоришься с ним, – бабы тут же захохотали, лишь покраснела Варенька. Не обращая внимания на насмешки, Капитолина, как ни в чём не бывало, отошла в сторону. – Хм... – ухмыльнулся недовольно бородатый, похожий на старовера, дед Кондрат. – Мели, Емеля, твоя неделя.

– Вот-вот, я тоже об этом, дядя Кондрат, – стоял в проёме входа, почему-то улыбался Чалкин. – А чтоб не сплетнями заниматься, шли бы невод грузить в лодку. Время не ждёт.

Закинув невод, через некоторое время медленно его вытягивали к берегу. Вытянув полностью на сушу, стали собирать улов.

– Ну что такое, у тебя руки подо что заточены... – начала возмущаться и размахивать руками Капитолина на Посохина Женьку: собирая рыбу, он неловко кидал её в кучу. Зато у Гришки Кедрова за что бы ни брался, получалось ловчее. Варенька, видя неловкость горе-рыбака, приснула от смеха: – Хе-хе...

– Да дурака валяет этот Посохин. Старший брат Николай решил Женьку забрать в город, да ни куда там, а пристроить аж в горком комсомола, – высказался в его адрес рыжий увалень Кедров, смачно плюнул.

– А тебе завидно?! Смотри, пожалеешь, рыжий, – прошипел и показал кулак долговязый Посохин.

– Ты ещё пугаешь!? Ах ты, глист в обмотках, – отбросив рыбёшку в сторону, пошёл на него в атаку раскрасневшийся от гнева Гришка. Они сцепились, бабы заорали, дед Кондрат схватил весло и несильно ударил сперва одного, а потом другого драчуна:

– Ишь распетушились, а ну-ка прекратить драку. Мальчишки! Я вам шас... – сделав свирепое лицо, погрозил обоим кулаком. Они тут же расцепились, тяжело дышали, исподлобья поглядывая друг на друга, разошлись в разные стороны...

Вечером подсчитали, улов получился неплохим. Драка не прошла мимо Чалкина. О ней рассказала Капитолина. Дома решил на всякий случай расспросить Вареньку:

– Давай рассказывай!

– О чём это, тятя? – удивилась дочь.

– Как Посохин с Кедровым подрались.

– Посохин тот ещё сачок, так сказала тётка Капитолина.

Они с Гришкой подрались, что тот сказал ему при людях.

– А что ему сказал Гришка?

– Женин брат должен его взять на работу в горком комсомола.

– Ага, значит, вон куда метит этот Посохин. Пуцай катится к едрёне... – в горячке ругнулся Чалкин. – Чем быстрее, тем лучше.

ше... нам нужны здесь трудовые руки... Завтра отправлю с рыбой в город, пусть сдаёт и остаётся там.

На этот раз Варенька промолчала.

Ёжась в старой телогрейке, Варенька смотрела на закат. Выпавший под утро снежок лежал и не таял по всему огороду. Сзади скрипнула калитка, она обернулась.

– Вот что тебе скажу, дочка, – обратился к ней отец. – Скоро меня должны забрать на фронт, ты давай тут помогай матери. Сейчас конец октября, зима вот-вот настанет. Я на тебя надеюсь.

– Хорошо, тятя, – услышал её ответ.

– И ещё вы завтра с Санькой съездите и уберёте наши сети. Ты знаешь, в каких местах они находятся. – Варенька лишь кивнула ему. Отец ушёл, она осталась. Ещё раз окинула взглядом чёрные волны Тагана и пожухлый берег, за которым спряталось солнце, направилась к калитке: «Зима нынче будет лютой, на днях сказала баба Дуся».

Утром Варенька с Санькой отчалили от берега и поплыли на вёсельной лодке в сторону протоки, идущей вдоль полуострова Золотого. Холодный ветер с севера дул им в спину, они с ожесточением работали вёслами, чтоб не мёрзнуть. Наконец доплыли к цели. Здесь уже не чувствовали холода. Проплыв с десятков метров, Варенька скомандовала: – Стоп! Влево, к тем кустам... – Санька не стал возражать и вёслами начал как бы притормаживать. Лодка постепенно подплывала к нужному месту. Встали боком. Варенька сунула руку в воду, нащупав сеть, стала вытягивать её наружу. Санька с другого края затаскивал сеть на дно лодки. Улов оказался не очень богатым. Вытащили всю, поплыли дальше. Проплыв немного вперёд, остановились напротив куста черёмухи. Там стояла вторая сеть. Она оказалась короткой, с несколькими окунями. Вытащив её, развернулись назад, поплыли в деревню.

Доплывая к устью протоки, Варенька с Санькой увидели на берегу, как им махала Шурка. Подплыли. Забрали, она, сидя на носу лодки, сразу затараторила:

– Наш катер сломался, пришлось на моторке переплыть с той стороны на эту, – кивнула головой в сторону Кожевниково, заговорила: – Три повестки везу и одну похоронку, – вздохнув, поглядела на Варьку, как бы говоря: «Я не виновата, такая моя работа».

– А что замолчала? – спросила её Варенька, налегая на вёсла.

– На твоего отца и дядю Сашу Кадкина эти повестки, и ещё на Гришку Кедрова. А похоронку отдам Маньке Солдаткиной. – Шурка замолчала, подплывали к берегу.

Лодка только приткнулась к берегу, Шурка соскочила и топорливо направилась с неполной почтовой сумкой по тропинке. Варенька с Санькой стали вытаскивать всё содержимое из лодки. Развешивая сети во дворе, чтобы они просохли, Варенька размышляла: «Наконец-то тятенька дождался повестку. А вот как нам здесь без него? Он всегда сам всё решал. Кедрову, можно сказать тоже «повезло», на фронт уйдёт, а то участковый с Киреевска приезжал, им интересовался с подачи заявления Посохина. Хотел посадить Гришку, а отец его отправил в Могильники за рыбой. Дядя Саня Кадкин хоть хорошо стреляет, может, и возьмут в снайперы. Солдаткина не пропадёт, мужик сейчас живёт у неё на постое из ссыльных». Вышла мать и её окликнула: – Ты там не уснула? Айда в избу. – Она тут же очнулась от раздумий: – Я сейчас, мама.

Снег лежал, не таял. Синева. Во дворе районного военкомата очень оживлённо. Молодой, одноногий мужик-гармонист в телогрейке нараспашку, откуда была ещё видна гимнастёрка с нашивкой о тяжёлом ранении, с орденом, играл и тут же себе громко подпевал: «Три танкиста, три весёлых друга, экипаж машины боевой»... Чалкин стоял в окружении жены и Вареньки.

– Ну вот, отец, и пришёл твой черёд, – и у матери навернулись слёзы. Она уткнулась к нему в грудь: – Митя, я люблю тебя. Ты только возвращайся. Я, кажется, забеременела. – Чалкин сразу начал её гладить.

– Если вернусь живым, даю тебе слово, для меня семья – святое. Свидетель – Варя. Погодите, покурить надо на дорогу, – он легонько отодвинул мать от себя и направился к гармонисту.

– Прикурить дай! – Тот кончил играть и полез в карман гимнастёрки. Вынул коробок и протянул ему.

– Это где тебя так угораздило? – спросил гармониста Чалкин.

– Дай лучше закурить, – взяв гармонь под мышку, чуть хромая на протезе, прошёл к высокому крыльцу и боком к нему прислонился. Чалкин вытащил пачку и протянул. Гармонист достал одну папиросину, прикурил. С удовольствием затянулся. – Под Бродами меня зацепило. Я же танкист. Меня комбат вытащил из горящего танка. Вот, живой остался, – снова затянулся, взгляд его стал суровым. – Если бы не он, лежать мне там с моим экипажем. Я сам с Киреевска.

– погоди, ты не сын Кузьмы Воронова? Уж больно похож на него.

– Угадал!

– Ладно, передай ему, что Митьку Чалкина с Молчаново видел. Ладно, пойду к своим. Вот, возьми ещё одну папироску. – Он сунул её, и слегка хлопнул его по плечу. А в это время вышел крепенький на вид, среднего роста майор, и зычно заорал: «По машинам! Готовься!».

Толпа тут же зашевелилась. Чалкин подбежал к жене, дочери, обеих крепко обнял:

– Мать! Варя! Прощайте! Авось увидимся... – вскочил, ловко перемахнул через борт машины. Грузовики с призывниками заурчали, тронулись с места. Мать с Варенькой обнялись и горько заплакали, не стесняясь друг друга.

Прошёл ровно месяц, как отца забрали на фронт, Варенька чуть ли не каждый день спрашивала письмо у Шурки. Почтальонка постоянно от неё отмахивалась, а сегодня после обеда увидев её – «Давай пляши!» – подошла и сунула ей треугольник-письмо. Варенька не стала его вскрывать, а понесла показывать матери. Мать лишь сказала: «Читай!».

– Отец писал, что они пока находятся на сборах в Кривощёково. Мужики поговаривают, что должен через несколько дней приехать уполномоченный, и сразу начнёт набирать на передовую. Мать может приехать на свидание, есть место, где они смо-

гут встретиться на целых двенадцать часов. И на этом заканчивалось отцовское письмо.

На следующий день мать у временно исполняющего обязанности бригадира деда Кондрата взяла лошадь с санями и поехала через Киреевск в Кривощёково к отцу. Варенька осталась одна разбираться с малышами, а тринадцатилетний Санька пошёл за двоих отрабатывать трудовень. Через день к вечеру вернулась с красными глазами мать, видимо, когда ехала, постоянно плакала. Покоормив Наталью грудью, она с нею уснула.

Утром мать заговорила с Варенькой: – Отец как огурец. Всё у него в порядке. Нового бригадира прислали, я его с Киреевска забрала. Пока ехали, мне надоело: ох и нудный он, злой. В районе был помощником секретаря, на собрании не так высказался. И за это его к нам послали. Будет жить у Капитолины.

Варенька в ответ ей ничего не сказала, а только дёрнулась плечиками от нехорошей вести.

Выпавший снег, пушистый, хрустел под ногами. Погода нынче изумительная. Варенька торопилась на двор рыбзавода. Почти все бабы собрались, не хватало Капитолины. Пыхтя, торопясь, вошёл среднего роста усатый мужичок с крысиной мордочкой, в бурках, в белом тулупе и барашковой папахе, а сзади него выглядывала Капитолина:

– Здравствуйте, товарищи! Я Крысин Фёдор Павлович, – поздоровался вошедший. Собравшийся народ в ответ ему промолчал.

– С сегодняшнего дня командовать парадом буду я. Вы меня поняли?! – внимательно посмотрел, продолжая: – Сачки и прочий сброд здесь не нужен. Отправлю в Магадан. Так что вот таким образом. Вопросы есть?

Молчание.

– Ну, раз нет, расходись. Завтра в это время здесь я жду всех. Приму дела у исполняющего.

Бабы вышли и между собой начали переговариваться. Варенька заспешила домой, краем уха услышала, обходя их: – Этот нам такой свободы не даст, как Митька Чалкин. Партийный отморозок... – отборная матерная брань в его адрес.

Две недели бабы без отдыха рыбачили на Тагане, в эту обойму попала и Варенька. Крысин, как надзиратель, постоянно поторапливал баб, которые от его визга уши затыкали и молча прекращали работать. Новоявленный бригадир ещё сильнее начинал словесно воевать с ними. Вытащив весь невод на берег, бабы подбирали и тащили его сушиться к костру. Два костра нужно было жечь постоянно. На одном греть невод, на другом чтоб бабы обогрелись. Два человека уже выбыли из строя. Варенька и несколько баб ходили, чуть дыша, кашляли и чихали. Крысин ходил – руки за спину – и орал: «Вы враги народа, мать вашу... Да я вас, б... под трибунал отправлю. Сучки деревенские...» – Бабы не вытерпели:

– Чем орать, взял бы да помог нам, ты же видишь, что девка молодая, не может, болеет. Ангина. Встал и командывает... – Тётя Даша подтолкнула его к Вареньке и дала в руки невод. Крысин даже растерялся: – Вы не имеете права, я здесь главный... – поскользнулся, упал в прорубь. Тётя Даша не растерялась, подала попавшую ей под руку пешню:

– Держи! – Стала вытягивать горе-бригадира из проруби, подоспела Солдаткина и приняла участие в спасении. В конечном итоге Крысина вытащили и отвели к костру. Обогрели и обсушили. На сегодня работу решили закончить. Капитолина повела Крысина домой, на ходу они о чём-то переговаривались между собой.

Вареньку вместе с Крысиным повезли в Киреевск. Фельдшерница определила гнойную ангину и отправила девушку в город. Когда в городской клинике Вареньку осматривал доктор, спросил:

– Как ты себя довела до такой степени?

– Я здесь ни при чём, меня не отпускал бригадир.

– Я за такое его бы засудил, по нему тюрьма плачет! – Варенька промолчала.

Она долго лечилась, но всё же получила осложнение – болезнь сердца. И врачи запретили ей иметь детей.

...Прошли годы, и всё-таки я родился.

ИГНАТ И ПОПУГАЙ.

Запоздалая весна. Солнечный день. От обильного снеготаянья появились лужицы и ручейки. Свалка горела и воняла, перемешивала запахи отбросов, привезённых с городских улиц. «КАМазы»-мусоровозы только и успевали подвозить и высыпать содержимое в огромную кучу. И сразу отъезжали с поднятыми кузовами. Несколько больших бульдозеров тут же отпихивали в сторону хлам, привезённый мусоровозами.

Грязные, с прокопчёнными лицами, сновали то там, то здесь человекоподобные личности.

Они – завсегдатаи этих мест. Догадаться нетрудно. Бомжи. Контингент не очень опасный, но неприятный.

Среди них выделялся один – Игнат Потапов. Крепыш. Выше среднего роста. Одетый в цвета хаки одежду. Русоволосый, с открытым лицом мужик среднего возраста. Мичман в отставке. Лет двадцать назад приехал Игнат в родной город, в гости к матери, и застрял в нём.

Дарья Мефодьевна никогда не говорила о себе и о родных. Проработав всю жизнь преподавателем истории в университете, на контакт со своими коллегами шла плохо. Приятная женщина, хрупкая на вид, она всегда выглядела оптимистично. И родила случайно от приезжего заочника её возраста тридцать с лишним лет назад сына Игната. Красавец, будущий папаша Игната, Сергей, оказался непорядочным человеком, и после этого случая мама Игната уже не верила никому из мужчин. Перед приездом Игната Дарья Мефодьевна сильно заболела. Приезд сына для неё оказался временным праздником. Через какое-то время мать Игната вновь слегла.

* * *

После увольнения из рядов Военно-Морского Флота Игнат сразу поехал на родину. Ему повезло, устроился в речной порт помощником механика на земснаряд. Отработав навигацию, ушёл, как многие работники, на зимний отдых. Игнат не стал сидеть сложа руки. Дарья Мефодьевна уже не вставала. Правда, Игнат нанял женщину, чтоб та днём за ней ухаживала. Он аккуратно платил сиделке. А теперь решил ей не платить и самому заниматься матерью. Сходил в ЖЭК. Захотел там поработать дворником до весны.

Да всё бы ничего, но не дожидая Дарья Мефодьевна до Крещения. Буквально перед святым праздником она скорострительно скончалась.

От горя Игнат запил. Не вышел раз, другой на работу. И его попросили написать заявление на увольнение.

За год он окончательно спился. Продал всё, что находилось в квартире. Пить было уже не на что, и Игнат начал собирать пустые бутылки. А тут ещё долги за квартиру скопились. И пришлось ему продать «двушку» и купить на окраине насыпной домик. Домик стоял рядом с торговой базой, и в один прекрасный день сгорел. Там сгорели его документы и личные вещи. Причина пожара непонятна. По версии пожарных – от электрической проводки.

Так Игнат оказался на улице.

Уже шёл пятый час вечера, солнце висело на западной стороне. По синему небу плыли кучерявые облака. Игнат направился в свою землянку.

Только он отошёл от своей кучи, как его окликнул Сёма, лилипут, бывший проворовавшийся администратор когда-то заезжего цирка лилипутов. Кругленький, маленький человечек с цепким взглядом, аккуратно одетый на его ростик старый костюм.

– Игнат, стой!

– Чего надо?

– Да погоди ты! Дело есть.

Игнат остановился. Сёма вприпрыжку подбежал к нему.

– Говори, какое дело! – и Игнат недовольно посмотрел на лилипута.

Сёма подошёл вплотную и почти шёпотом завёл разговор.

– Я сегодня перед обедом подобрал попугая в клетке. Баба на крутой иномарке подъехала и его оставила рядом возле меня, там, где я копошился. Не желаешь пернатого балабола к себе забрать?

– А мне он на что?

– У тебя отдельная землянка есть. А у меня, сам знаешь, только место в вагончике.

– Ладно, неси, – буркнул Игнат, развернулся и пошёл к себе в землянку.

Землянку Игнат делал своими руками. Она у него получилась квадратной и просторной. Три на три и считать не надо. Два оконца выходили наружу. Стояла даже дубовая дверь. И внутри сложенная Игнатом небольшая печь. Столик и топчан стояли возле оконца. Вот так скромно выглядела игнатовская землянка внутри.

Одно время он жил со своими бомжами в вагончике. Его давно тут признали за главного. Много лет уже прошло, как Игнат пришёл на свалку. Другие бомжи приходили и уходили. Только Игнат оставался здесь. Даже сделал себе землянку. Сейчас, сидя на корточках возле печки, Игнат растапливал её, подкидывая внутрь ломаные части от старых стульев.

Стук в дверь.

Не ожидая приглашения, вошёл Сёма, в руке держал большую клетку, закрытую серо-грязной тряпкой.

– Проходи! – успел пригласить Игнат Сёму.

Сёма прошёл к столу. Поставил клетку и откинул тряпку с неё.

На жёрдочке сидел серый попугай и чёрным клювом чистил пёрышки.

Вид у него был взъерошенный и какой-то недовольный.

– Самец или самка? – спросил Игнат Сёму.

– Самец! – уверенно ответил Сёма Игнату.

– Вопрос следующий. Чем его кормить? – Игнат посмотрел на Сёму.

– Семечки. Можно фрукты, но в чистом виде. Вода должна быть для питья отстоянной, и каждый день убирать и чистить клетку, – ответил Сёма.

– Попробую разобраться. Если что, ты мне подскажи, – проговорил Игнат.

– Как смогу, так подскажу, – Сёма повернулся и вышел из землянки.

– Как тебя назвать? – вслух сказал Игнат, и в ответ услышал:

– На-на-звать – и попугай, как ни в чём не бывало, снова стал расчищать свои пёрышки.

– Так ты ещё и болтаешь? – в ответ молчание. – Да! С тобой скучать не придётся, – проговорил Игнат и посмотрел на попугая.

На дворе смеркалось.

Растопив печь сильнее, Игнат поставил небольшой чугунок с картошкой на печь, чтоб та сварилась в «мундире». И рядом на свободный кружок поставил чайник. Чайник быстро закипел. Игнат убрал его с печки и понёс на стол. Поставил на деревянный кружок. Согнулся. Руками выдвинул на себя большой ящик зелёного цвета из-под стола. Открыл крышку и вытащил цветную кружку с ручкой. Налил кипятка. Пошарился в ящике, вытащил из него мешочек с сухой травой. Развязал его и несколько листиков бросил в кружку, прикрыл лежащей на столе пластмассовой крышкой. Мешочек завязал и спрятал внутрь ящика, закрыл крышку и уселся на ящик.

– Ну, а теперь можно перекурить – спокойным тоном вслух проговорил Игнат, но в ответ услышал:

– Не ку-ри, мер-за-вец! – растянул фразу попугай.

– А больше ты ничего не хочешь? – возмутился Игнат. Попугай молчал, скосил головку набок и презрительно просверлил взглядом Игната, развернулся и уселся к Игнату задом.

– Во даёт! – воскликнул Игнат. Встал и вышел на свежий воздух. «Похоже, с этим попугаем весело стану жить», – прислонившись к двери, курил и думал Игнат. Затянувшись в последний раз, бросил окурочек под ноги и затоптал. Окинул взглядом сумрачное небо, вернулся в землянку.

* * *

Начало лета. Стоит холод. Почти каждый день идут промозглые дожди.

Отвал просто завален. Машины работают в режиме до двенадцати ночи. У Игната и его братвы здесь предостаточно работы. Пришли даже какие-то из города бомжи. Они когда-то тоже здесь промышляли тем, чем занималась Игнатовая компания. Многие из них ещё помнят Игната.

Среди них были три женщины, а заводилой была Валька. Худенькая и невысокого роста симпатичная молодуха с выбитым передним зубом. Когда-то она работала продавцом у нерусского хозяина-торгаша. Немножко провинилась перед ним в растрате денег. Хотела купить лекарство больной дочери, как потом она ему объяснила. Тот рассвирепел и сильно избил её, он знал, что никакой дочери у Вальки и в помине не было. Несколько дней Вальку держал в гараже. Добился, чтоб она подписала ему на куплю её хаты липовый документ. Денег дал и выгнал на улицу. Так Валька оказалась свободной и доступной, но без собственного жилья. А о других, двух сёстрах-двойняшках Свете и Оле, известно, что они бывшие детдомовки, и по стечению обстоятельств тоже оказались, как и Валька, на улице.

Вечерело. Многие персонажи отправились к себе на ночлег. Игнат тоже.

– Эй, подожди! – раздался сзади Валькин звонкий голос.

Игнат повернулся к ней:

– Ну?! Я слушаю.

– А правда, что у тебя есть попугай? – и она озорно глянула ему в глаза.

– Да. А что? – Игнат повернулся спиной к Вальке и отправился своей дорогой.

Она чуть ли не побежала за ним:

– Да постой ты! Я же не собака, – взмолилась Валька.

Игнат остановился. Валька забежала и встала перед ним.

– А можно на него посмотреть?

– Можно! – ответил ей Игнат.

– Сейчас? – спросила его Валька.

- Сейчас, – ответил ей Игнат.
- Ой...
- Ладно, пошли, – пригласил Игнат.

И они двинулись в сторону Игнатовой землянки. Пока шли, Валька немного рассказала о своей жизни. Спустились в ложбину. Подошли к землянке. Игнат открыл дверь и впустил вперёд себя Вальку.

Внутренняя обстановка землянки не изменилась, не считая того, что в ней появилась клетка с попугаем. Игнат об этом знал. Для вошедшей Вальки землянка показалась чуть ли не дворцом. Она молчком прошла, села на топчан и с интересом разглядывала обстановку землянки. В самом углу стояла печь. Игнат подошёл к ней. Открыл дверцу и приготовился растапливать печь. Клетка с попугаем стояла на краю стола, закрытая разноцветным сатином.

– Игнат, а мне у тебя нравится, – загадочно проговорила Валька. Игнат не ответил. Присев у печки, он смотрел, как огонь постепенно полз по сухим щепкам, вспыхивая и разгораясь, освещающая внутренность топки. Закрыв дверку, Игнат встал в рост и подошёл к столу.

Молчком откинул сатин.

И перед взором Вальки открылся вид. Попугай сидел в клетке и с любопытством рассматривал Вальку, крутя головкой то вправо, то влево. Попугаю, видимо, надоело рассматривать пришедшую гостью, и он начал чистить пёрышки.

- Красавец! – восхищённо проговорила Валька.
- Кр-ра-са-вец, – растянуто проговорил ей в ответ попугай.
- Он ещё и говорит!? – удивилась Валька.
- Говорит, – спокойно ответил ей Игнат.

Слышно, как близко загрохотало, и по стеклу окошка сильно забарабанил дождь. Игнат приблизился к окну и стал всматриваться. Там, за окном, хлынул ливень. Он отошёл немного назад и присел рядом с Валькой.

- Тебе лучше остаться, – Игнат внимательно посмотрел Вальке в глаза. Она даже немного смутилась.
- Да! Придётся, – и качнула головой.

– Тогда я поставлю чайник, что-то я проголодался. Будем ужинать. – Игнат встал и направился к печке.

* * *

Конец августа. Лето на исходе.

Сегодняшний день тёплый. На свалке никаких изменений. С того дня жизнь у Игната круто изменилась, когда появился у него попугай. А вслед за появлением попугая ещё знакомство с Валькой. Валька осталась у него жить. Все трое ладили меж собой. Жизнь текла в свободном русле.

Конец дня. Игнат с Валькой возвращаются со свалки в землянку. Уже за поворотом в лог их встречает с лаем рыжий кобелёк. Игнат схватил с земли палку и замахнулся на пса. Он как ошпаренный отскочил с лаем в сторону и побежал к неприятной старухе в цветастом одеянии, которая стояла возле землянки, опираясь на самодельную клюку, и скалилась Игнату.

– Ты чего моего пёсика так пугаешь? – промолвила старуха.

– Вообще-то это моя территория, – вежливо ответил ей Игнат.

– А ты её купил? Не твоя она, а государственная, – спокойно проговорила старуха. Пёс успокоился, высунул язык и улёгся у ног старухи. Валька не торопясь подошла и уткнулась в Игнатову спину.

– Тебе чего здесь надо? – задал вопрос Игнат старухе.

– Чё-чё! А ты вот её спроси... должок за ней, – и она заулыбалась, показывая Игнату передние чёрные корешки зубов.

Игнат повернулся к Вальке:

– Это правда?

– Да. Я ей должна всего пятьдесят рублей, – тихо ответила она Игнату.

– Нет не пятьдесят, а целую тысячу. За год скопились проценты, – ухмыльнулась старуха.

– Вот тебе пятьсот и вали отсюда, пока я не разозлился, – грозно проговорил Игнат. Старуха подошла и выхватила из руки Игната пятисотенную купюру. Отошла в сторонку. Стояла на свету и разглядывала купюру.

– Да не фальшивая. Я вчера за металл получил. – Игнат было начал объяснять суть купюры, откуда она взялась.

– Хе-хе. Доверяй, но проверяй, – хрипло засмеялась старуха.

– Ты получила и проверила своё. Вот и вали отсюда, – недовольно высказал Игнат.

– А ты меня не гони, вон и ночь на дворе – пробурчала старуха.

– Слушай, пошла вон, – и он с устрашающим видом направился на неё. Старуха поняла, что сейчас произойдёт что-то неприятное, и попятилась.

– Ой-ой! – запричитала она. Пёс вскочил и стал визжать возле старухи.

Вмешалась Валька:

– Игнат, не трогай. Пусть переночует до утра. А утром по-хорошему отсюда убирается.

– Ладно, не скули, – остановился Игнат, и уже не предпринимал никаких мер против старухи.

Прошло два дня после посещения той особы. Игнат начал замечать в поведении попугая признаки вялости. Он почти не говорил. Сидел нахохлившись, с закрытыми глазами. Даже пёрышки не чистил. Глядя на него со стороны, сразу можно было понять: попугай заболел. Игнат привёл Семёна. Семён внимательно осмотрел пернатого и сделал вывод.

– Я ничем ему не помогу. Он заболел, – такой диагноз высказал Игнату.

– Печально. Жалко его, – проговорил Игнат.

Через день попугая не стало. Игнат завернул трупик в сатин и унёс вглубь кустарника. Выкопал там ямку и похоронил попугая.

Вечером Валька и Игнат пили чай.

– Знаешь, тут мне предложил водитель с мусоровоза волнистого попугайчика, может, возьмём?! – обратился Игнат к Вальке.

– Не знаю. Тебе решать, – неопределённо ответила ему Валька.

– У него дочка умерла. Болела долго. А попугайчик при ней. А тут вот такое, понимаешь, получилось дело. Ну, в общем, я с тобой хотел посоветоваться. – Игнат с надеждой глянул Вальке в глаза.

– Хорошо, бери, – и она улыбнулась Игнату. За окном зашумел дождь. Первые капли стукнули в окно. Игнат и Валька одновременно повернули головы и посмотрели сквозь оконное стекло.

Дождь стал превращаться в ливень.

Крупные струйки потекли по стеклине, очертания кустов, деревьев свозь неё казались размытыми.

КАК-ТО РАЗ ОДНАЖДЫ БЫЛО...

Накануне Нового года Паша очень много суетился. Если не подсуетишься, то останешься ни с чем. Нужно было достать то да сё. В общем, не сидеть сиднем, а крутиться. Паша успел съездить и привезти тушку оленя от знакомых якутов-оленеводов. Правда, пришлось отдать за этот презент два литра чистого спирта. Паша не жалел, что так получилось. Сам начальник Константин Иванович приказал, надо провести Новый год, как положено в экспедиции. Короче, Паша старался и почти каждый день вносил свою лепту по доставанию продуктов. Причём всё делалось с его стороны чинно и благородно. Паша попал в снабженцы случайно, а получилось вот как: он приехал после службы из армии, позвал его сюда, в тмутаракань, дружок-сослуживец Игнат Порфирьев, у которого в экспедиции работал сам дядька Миша – материн родной брат. А работал он начальником отдела кадров. Так Паша с Игнатом попали в экспедицию, подсобными рабочими к Фатьянову. Сперва было трудновато, но потом они втянулись в процесс. Проработав сезон, уже перед самым отъездом Паша случайно оступился и повредил ногу. Походив немного, почувствовал сильную боль. Пришлось вызывать по рации вертолёт. Вертолёт прилетел и забрал Пашу. В посёлке, куда привезли его, находился медпункт. Заведовала им молодая фельдшерица Анна Борзова, она сюда попала после медицинского училища.

Паша, хромая, вошёл в кабинет. Никого там не было.

– И чего встал, проходи, – услышал позади себя бархатный голосок. Паша обернулся. В открытой двери стояла красивая, стройная девица-брюнетка в белом халатике и курила.

– Рассказывай, что тебя сюда привело. – И она пустила струйку дыма прямо в лицо Паше.

– Да вот нога. Меня из экспедиции привезли, – и он замолчал.

– Пройди вон туда на кушетку, – она кивнула головой в сторону. Паша прошёл и на ней начал разуваться. Скинув сапог, он сидел и ожидал. Фельдшерица подошла и сразу принялась осматривать ногу.

– Здорово ты её подвернул. Пару недель придётся полечить твою ногу. Ладно, надевай сапог, пошли. – Она вышла из кабинета. Паша на босу ногу пошёл за ней, прихватив с собой сапог и портянку. Она привела его в комнату, где стояли чисто заправленные три кровати. – Вот, выбирай любую, – и она вышла. После этого случая он остался в посёлке надолго. Подлечив, его оставили на базе помогать кладовщику дяде Паше. Игнат тем временем укатил к себе домой – невеста ждала. Так Паша пережил такое событие.

Пройдя по складу, Паша окинул взглядом, сколько осталось мешков муки, а самое главное – банок тушёнки. Дотянут они или нет? Запас нужен на полгода. Спирта маловато стало. Мужики на Новый год пообещали водки привезти пару ящичков и ещё чего-нибудь из съестного припаса. Насчёт денег здесь не могло быть и речи. Они на свои бы всё и купили. Паша вышел и закрыл за собой склад. Направляясь домой, к Анне, шёл не спеша. Проходя мимо конторы, он услышал звонкий стук из окна. Сивцов его звал.

Паша вошёл и ждал, чего скажет начальник.

– Так, рассказывай, как у тебя с новогодним запасом, несколько дней осталось! – Сивцов глянул на него.

– Константин Иванович, не переживайте! Стараюсь, что могу, то и достаю. Новый год нормально встретим.

– Смотри не подведи. А сейчас иди. – Сивцов, недовольный ответом, отвернулся, даже не посмотрел на Пашу. «Навязали мне эту работу. Сами вот бы подсуетились», – шёл и думал Паша. – «Ладно, как-нибудь переживём. Не расстреляют, не за что», – снова подумал он.

Новый год уже встретили. Второй час ночи пошёл. Шумно и весело в поселковой столовке. Никто не уходит. А водка кончилась. Пашу позвал за стол Фатьянов. Паша подошёл.

– Так, колись, где ещё взять можно. Может, у твоей Аньки есть спиртиска. Чего, говорю, молчишь? – и он опустил тяжёлую голову. – Ой, мужики, я вспомнил, тут в снегу я спрятал... – вновь оживился Прокоп. Мужики загалдели и стали одеваться и выходить на улицу. А на улице мороз за пятьдесят градусов. Стали рыскать по сугробам. Искали недолго. Нашли. Водка замёрзла совсем. В лёд. Вернулись в столовую. Бутылку сунули в котёл, и его включили. Отошли и заговорились, и забыли о бутылке. А когда спохватились, то было поздно. Бутылка лопнула, и жидкость расплылась в котле.

Жалко, конечно, но что поделаешь, а могло быть куда хуже. Мужикам ничего не оставалось, как идти по домам. Паша с чистой совестью пошёл к Анне. Она скоро станет матерью их ребёнка.

КОРЕШОК

Рыжий верзила лет под сорок, старший мичман Стас Бугров только что заступил на вахту. Вторые сутки, как подводная лодка «Катунь» вышла в поход к берегам Вьетнама. Стас вошёл в машинное отделение и внимательно осмотрел оборудование. На весь осмотр машинного отделения у подводника-профессионала ушло всего несколько минут.

Стас служил четырнадцатый год и хотел после этого похода уйти на пенсию. Причина, скажем, личная: закадычный дружок Ефим Кругляков уже несколько лет как ушёл с флота на «гражданку», и до сих пор не жалел об этом. Имея небольшой кооператив по ремонту двигателей, давно звал Стаса к себе. А тут ещё тётя Аня, родная сестра матери, больше года упрашивала его привезти попугая, объясняла, чтоб ей скучно не было, на что Стас ей говорил – попугай не игрушка, а серьёзная птица. В конце концов подумал и решил, что постарается привезти ей попугая.

Пока плыли, сделали одну остановку в одном из портов ЮАР, заправились и дальше пошли по намеченному курсу. Добрались до Вьетнама без приключений, казалось, что судьба им благоволит, однако пока стояли на одной из бывших военных баз США, оставшихся по наследству с ТЕХ времён, начался сильный шторм. Пришлось остаться и ждать его конца. Решение коман-

дира лодки капитана второго ранга Маршева Петра Степановича – после окончания шторма всему составу заняться как внутренним, так и поверхностным осмотром вверенного ему корабля. Как потом оказалось, один винт был сильно погнут с глубокой трещиной, никто из состава не мог объяснить, почему такой дефект получила лодка после шторма. И чтоб не идти на одном двигателе, решили загнать её в док и там приподнять корму, сменить винт. На всё про всё уйдёт целая трудовая неделя.

Стас сидел и обдумывал, как вырваться на берег, чтоб сходить на рынок. Подошёл молодой мичман Серёга Прохоров, красавец брюнет:

– Чего скучаем?

– На берег надо попасть.

– Тоже мне проблема!

– А кто меня отпустит? Аврал!

– А у тебя языка, что ли, нет? Так и скажи капитану: мне необходимо на берег. Тётка болеет, через межгород позвонить надо, узнать, что и как там с ней.

– Ты думаешь, отпустит?

– Уверен!

– А я сомневаюсь!

– Чтоб не сомневался, пойдём вместе. Я своей девушке подарок обещал привезти, ходим на рынок, рядом с ним почта, оттуда позвонишь. Я здесь был, когда первый раз в поход ходил на «Фрегате», правда, уже списанной лодке. Чего стоим, пошли к нему.

И действительно, Стаса и Сергея капитан отпустил в увольнение, уговорил его мичман.

Они шли по оживлённому рынку. Стас обратил внимание на беззубого и худого старика вьетнамца в соломенной шляпе, в белой рубашке и подвёрнутых штанах, он держал клетку, в ней находился попугай зелёного цвета с красной полосой вокруг шеи. Стас дёрнул Сергея, который увлёкся рассматриванием целого ряда из ожерелий: «Пошли!» – и потянул к торговцу. Они с ним договорились быстро, жестами.

Стас шёл довольный: нёс в клетке попугая, свои дела они провернули успешно. Заговорил Серёга:

– Со мной учился в нахимовском училище мой корешок Колька Рихтер. Прапрадед его служил когда-то на парусном корабле, у царя-батюшки, привёз в точь-точь такого попугая из Индии. Так он у них прожил почти сто лет, в блокаду умер, а жили Рихтеры на Васильевском острове. Зайдёшь к ним в гости, они такие вежливые. Баба Катя могла немного налить винца, когда садились за стол. Пять комнат имели, мебель – шик и блеск, я там во всех побывал, только в одну не пускали, в прапрадедов кабинет. Семья довольно-таки приличная. Колькина сестра Ольга мне уж больно нравилась, даже думал на ней жениться. Взяла выбрала жениха из Австралии, выскочила за маменького сынка русских эмигрантов. Сейчас Колька капитанит на торпедном катере во Владивостоке, кстати, дед Рихтера когда-то воевал на Порт-Артуре.

Только договорил Серёга, как высказался Стас:

– А назову попугая Корешком. А?

– Да хоть тазом. Я тебе не советчик.

– А что, приличная кличка.

Они прошли немного, вдалеке показался чёрный силуэт лодки с занесённой на сушу кормой.

* * *

Два месяца после службы Стас просто сачковал, одним словом, не работал. Попробовал у Ефима поработать, что-то не понравилось. Потом вспомнил, что у него остались советские права. Сходил в ГИБДД, показал свои права, там объяснили, что они уже не годные. Пришлось переучиваться. После учёбы устроился, и стал водить фуры в разные районы России и ближнее зарубежье из Питера, откуда был сам родом.

После очередной поездки Стас, проснувшись, встал и пошёл в галльон, так по привычке называл туалет на «гражданке», после чего вернулся в комнату, надел наушники от плеера и стал заниматься уборкой. Через некоторое время левый наушник перестал работать. Оказывается, Корешок подкрался сзади и клювом, как кусачками, перебил провод. Стас разозлился и хорошенько пнул его за проделку, тот перевернулся, вскочил на лапки, хромая, взвралку побежал, заорал что есть мочи:

– Иди в жжопу! Кошшшмаррр!

– Я тебе такой кошмар покажу, ты меня будешь долго помнить. Усёк, хвостатый?

Вечером за столом Стас завёл разговор с тётей Аней:

– Откуда Корешок нахватался таких слов?

– Я тебя поняла. Приходил сантехник, чинил кран, так попугай хотел у него прокладку украсть, вот он Корешка и обругал.

Они сидели, пили чай с печеньем, подлетел Корешок и стащил с тарелки печенюшку, Стас сразу кинулся за ним. Попугай юркнул за диван и оттуда не показывался допоздна. Когда всё угомнилось, Корешок, как ни в чём не бывало, взмахнул крыльями и залетел в клетку.

Утром Стас грозно глянул на попугая и показал тому кулак. Обиженный Корешок отвернулся.

С того случая прошёл почти месяц. Стас после очередной поездки лежал на диване, читал газету, вдруг услышал мяуканье, и с каждым разом всё ближе и ближе, причём громко. Появился чёрный кот Арам с выпученными глазами, и начал метаться по комнате. Мяуканье продолжалось до тех пор, пока Стас не увидел попугая. Тот сидел за креслом, выглядывая, издавал звуки, подражая коту, мяукал. Кот носился как угорелый. Стас не выдержал и запустил подушкой в попугая, мяуканье тут же прекратилось.

– Корешок, ты достал, в следующий раз я тебя запру в чулан.

Стас понял: попугаю скучно, вот он так и развлекается. Вскоре сам устроился механиком в автосервис.

Стал чаще бывать дома.

У Корешка появился собеседник, с кем можно обсуждать жизнь.

МИШКА И МАШКА

Зима в сибирской глуши. Лагерь Ш-879, затерявшийся в Приангарье. Прошла вечерняя переключка, и вся толпа эков змейкой расплзлась по баракам. Дверь четвёртого барака открылась, и с клубами пара предстал лейтенант Дцахиев, стройный молодой красавчик. И баритоном с акцентом прокричал:

– Хрулёв, на выход! К начальнику!

Мишка Хрулёв, худощавый шатен, молодой человек лет двадцати семи, встал и пошёл. «И зачем этому толстому борову я понадобился на ночь глядя?» – соображая, шагал он по территории, всё ближе приближался к домику, где находился начальник лагеря капитан Миронов. Подошёл и постучался. Без робости открыл дверь, вошёл, и с порога вымолвил:

– Гражданин начальник, заключённый номер одна тысяча семьдесят шестой прибыл по вашему приказанию, – снял с головы шапку, стал ждать, что скажет ему краснощёкий толстяк с короткими ногами, капитан Миронов.

– Вот что, Хрулёв, сходишь в соседнюю деревню и отремонтируешь леспромхозовский генератор-дизель до утра. Чем быстрее, тем лучше, – и капитан замолчал.

– Разрешите идти? – Хрулёв повернулся к выходу, ничего не услышав в свой адрес, вышел. Следом за ним вышел лейте-

нант Ддахиев, обогнав его, припустил до самого выхода из зоны. Там, на выходе, должен он отдать пропуск на Хрулёва, чтобы того выпустили за ворота.

Уже час как шёл Мишка Хрулёв по просёлочной наезженной дороге, которая вела к реке. Пока шёл, вспоминал как о себе, так и о своих родных. Отец его, Николай Степанович Хрулёв, когда-то окончил железнодорожный институт, и его как хорошего специалиста и российского поданного послали на обслуживание КВЖД в Харбин. В этом городе и родился Мишка. Две его сестры успели благополучно выскочить замуж и жили обе в Подмоскowie. Старшая, Варвара, высокая и худощая шатенка, работала учительницей. Муж её, Сергей Петрович, работал в райкоме партии. У них уже выросли две дочки, Лиля и Лена, они сильно походили на мать. Средняя сестра, Татьяна, крупная, высокая дама, жила с мужем, Евгением Филипповичем, который работал инженером на секретном заводе, там же работала она бухгалтером. Детей они не имели. Была ещё и младшая сестра, Ариша, которая заболела и умерла в младенчестве. Мать его Нина Сергеевна никогда не работала. Состояла домохозяйкой, хотя у них имелась прислуга. На выходные дни мать её отпускала, та уходила по своим делам, зато они всей семьёй отправлялись обедать в ресторан. Как помнит Мишка, для него это был большой праздник. Особенно когда ему покупали пирожное, в котором был особенный вкус. Так они и жили в Харбине.

Мишка подходил к реке. Смутно видно, как близлежащие деревья и кусты стояли в инее. Зима нынешняя суровая. Из черноты небесной выплыл молодой месяц, немного осветил землю. Блёстки серебра заблестели вокруг. Тишина обманчива. Мишка остановился и замер. Ему показалось, что вдалеке кто-то говорит. Он двинулся дальше.

Перешёл почти всю реку. Уже когда подходил к берегу, увидел: кто-то на нём копошился, говорил и плакал.

– Эх, язви тебя! Ну чего... встала? Давай, пошла, кому говорю! – услышал Мишка, когда перед ним встали сани с дровами, возле которых крутилась молодуха крепкого телосложения в старом полушубке и укутанная в платок. Она держала вожжи и

тянула на себя, лошадь стояла на месте, как вкопанная, и не двигалась ни взад, ни вперёд. Препградой перед ней являлся крутой дорожный взгорок, уходящий в таёжную глушь побережья.

– Так дело не пойдёт, – проговорил Мишка.

– Ой, напугал! – И молодуха к нему обернулась.

– Такую, как ты, напугаешь! – скривил губы Мишка.

– Слушай, помоги! А я тебя отвезу, мне ехать в Сухой Лог, – с надеждой глянула она на Мишку.

– И мне туда же, – и он взял вожжи. – А теперь уши заткни, я тебя прошу.

Он такой выдал мат и стеганул лошадку, что та пулей вылетела на вершину взгорка. Молодуха даже рот открыла.

– Ну ты даёшь! – восхитилась она Мишкиным поступком. – Раз ты идёшь в нашу деревню, залезай, я подвезу. – Мишке ничего не оставалось, как сесть рядом с ней, и сани тронулись в путь.

Пока ехали, молодуха всё о себе рассказала. Вдова, один ребёнок. Сегодня у председателя колхоза взяла лошадку, чтоб привезти дрова. Ездила на дальнюю деляну, и собрала что могла. До замужества жила в глухой деревушке. Пятым ребёнком была в семье. В шестнадцать с половиною лет вышла замуж. До войны успела родить. В первый год войны потеряла мужа. В общем, всё как у людей. Мишка не вытерпел и перебил свою спутницу: – А зовут-то как тебя? – И он искоса глянул на неё. Молодуха не сразу ответила. Она сидела, правила лошадкой.

– Почему не знаю, но в деревне меня зовут Машкой Ангаркой, мы потомственные ангарцы с верховьев Ангары, остальные пришлые, – неохотно ответила она.

– Гм, если тебя зовут Машкой, то меня в лагере называют Мишкой Профессором, – неодобрительно проговорил он. – Кстати, я еду к вам ремонтировать дизельный генератор, что и как, я не знаю, – на этом он замолчал.

Они выехали на чистое место. Вдалеке замаячили деревенские дома, в некоторых из них в окнах видны отблески от горящих свечек или лучин. – Ну вот мы и приехали! – вздохнула Машка. Они въехали в сонную деревню, даже не слышно было лая собак. Над ней висела пустая тишина. Они проехали по главной улице в самый конец, оставляя за собой след полозьев.

– Тпру... – Сани остановились у неказистого дома, Мишка соскочил, подошёл к двери и постучался. Ему никто не ответил.

– Марк Петрович, наверно, с Кузьмой на задах деревни, где стоит дизель-генератор, – решительно сказала Машка. – Окромя Кузьмы никто в деревне в дизеле не разбирается, – продолжила она. – Видимо, на этот раз что-то серьёзное в нём, раз тебя вызвали, – и она замолчала. – Знаешь что, поехали, тебя ждут. – Машка уселась, рядом с ней подсел Мишка, и сани тронулись вперёд. Выехали за околицу, буквально в нескольких десятках метров чернел сарай с открытыми воротами, где возле агрегата копались два мужика. Два факела горели с двух сторон, освещали внутренность сарая.

– А вот и я! – И Мишка предстал перед мужиками. Они подняли головы и посмотрели на него. Тем временем Машка развернула сани, и они тронулись в обратный путь.

– Марк Петрович, так это тот самый, который нас всегда выручал. Я его сразу узнал. – На обросшем лице Кузьмы появилась улыбка. – Да, вы не знаете, он, как профессор, в нём запросто разберётся.

– Так ты говоришь, что он, как профессор, разбирается? – ухмылка появилась на лице у Марка Петровича. – Подойди и посмотри, в чём причина. – И он отошёл в сторону. Мишка не раздумывая подошёл и стал осматривать весь генератор, ощупывать его своим взглядом. Взяв факел, произвёл тщательный осмотр электропроводки. На концах увидел окисление наконечников. Попавшимся ему под руку гвоздём соскобил этот налёт как мог. После чего тумблером включил, генератор завёлся, но, проработав несколько минут, заглох.

– Короче, Марк Петрович, мне от него нужна электросхема, и ещё понадобится несколько дней, чтоб с ним разобраться. Я потом объясню, и поясню Кузьме, – и Мишка внимательно посмотрел на Марка Петровича, а потом на Кузьму. Марк Петрович сразу понял ситуацию, в какой оказался он как заведующий леспромхозом.

– Мне нужно с твоим начальством переговорить насчёт тебя, – неохотно ответил он. – Сколько тебе ещё сидеть? – Марк Петрович посмотрел на Мишку.

– Три месяца осталось чалиться.

– Вот я тебя на три месяца и заберу. А перед тем, как отсюда уйдёшь, ещё и откормлю, вижу, какой ты худой. А сейчас пойдёшь к Машке на постой, я тебя к ней отведу, – и он уверенно вышел из сарая, следом за ним пошёл Мишка.

Они прошли почти половину деревни, Марк Петрович остановился возле небольшого аккуратного дома. Подошёл, постучался, занавеска на окошке колыхнулась. Скрипнула дверь, и они вошли в дом. Прошли сени и очутились в тёплой, натопленной комнате. Их встретила хозяйка.

– Слушай меня, Коноплёва, – официально обратился к ней Марк Петрович. – Я привёл к тебе постояльца, пускай у тебя поживёт. Дело, я тебе скажу, очень серьёзное, отнесись и ты серьёзно, я прошу, – и он вышел. Мишка остался.

– Ой, не знаю, куда тебя положить, если только на печь, – и она легонько его подтолкнула к печке. Мишка не выдержал и съязвил:

– А может, рядом с собой положишь и согреешь? – и заулыбался во весь рот.

– Ух ты, размечтался. Там, на печке, есть подушка, старенькое одеяло, и полушубок лежит. На него ложись. Если думаешь, я одинокая, так можно и понаглеть? Мне нужна любовь, а не то, что вы, мужики, хотите от меня. – И она ушла, легла на койку, где спал её пятилетний сынишка. Тем временем Мишка расстелил себе постель, разделся, лёг, и сразу заснул.

Утром Мишка сонный растянулся и открыл глаза. Во мраке избы стояла тишина. Аккуратно слез с печки и подошёл к окну. Оно выглядело обледенелым, Мишка протёр от льдинок стеклинку, через неё увидел, как рассветает январское утро в Сухом Логу. Заскрипела пружинистая кровать, Мишка оглянулся. На него пристально глядел сероглазый мальчуган лет пяти, он сидел на кровати, свесив босые ноги.

– Дядя, а ты кто?

– Дядя Миша.

– А я Серёнька. Мамка пошла в контору растапливать печку, а меня оставила дома.

Он только успел о себе сказать Мишке, как в сенках кто-то затопал, открылась дверь, и вошёл Марк Петрович, даже не отряхнул с валенок снег.

– Ох и упёртый капитан, кое-как его уговорил, оказывается, ты расконвоированный, остаёшься у нас до конца своего срока. Позавтракай, я жду тебя на месте, – и вышел. Только сейчас Мишка обратил внимание на стол, чайник и ломоть хлеба, оставленные посредине столешницы. Он подошёл, сел на лавку. Взял ломоть и стал его откусывать, понемногу жуя, проглатывая маленькие куски. Закончив, взял чайник и через носик запил. Тем временем мальчуган оделся, заправил койку. Мишка начал собираться, надел замызганную телогрейку, натянул на голову старую шапку. Подошёл к сапогам, намотал портянки и сунул поочерёдно в каждый сапог. У двери оглянулся и подмигнул мальчугану. Вышел. Пока шёл, вспомнил, когда его брали в Омске. (Сослали до ареста туда на пять лет.) Работал он там на местной фабрике электриком. Жил у пожилой хозяйки, она ему сунула мешочек табака. Он не курящий был и стал отказываться. Хозяйка прямо ему всучила, сказала, что пригодится...

Три часа Мишка возился с генератором. Наконец включил тумблер, и он заработал. Отработал несколько минут, отключился. Мишка снова полез в нутро генератора. Он внимательно осматривал каждый провод, особенно концы и их соединения. Кузьма хоть и крутился рядом, но попусту не затевал лишних разговоров. Уже начало смеркаться.

– На сегодня всё. Баста. – Мишка, вытерев чистой тряпкой руки, запачканные в масле, отошёл, глянул на генератор. Он и Кузьма вышли из сарая, закрыли дверь на засов. – Завтра понадобится электросхема к нему, скажи Марку Петровичу, – проговорил Мишка, шагая по тропинке.

Мишка вошёл в избу. Встал у двери и любовался Машкой. Синеглазая, высокая, статная брюнетка, лебедь-красавица из сказки. Только передвигалась она как-то странно, как бы ковыляла, но, несмотря на свой недостаток, выглядела для здешних мест просто ангарской красавицей. Она обернулась:

– Ой! Ты опять меня напугал. – Мишка промолчал. Разделся, прошёл, сел к столу. На улице стемнело.

Мишка сидел и ждал. Уложив сына спать и что-то успев ему сказать, она подошла к столу, зажгла лучину. Отошла к печи и принесла ломоть хлеба и три картошки в мундирах, положила их на стол. Снова отошла и принесла стакан самогона с капустным листом.

– Только не торопись. Самогон шибко сильный. Выпьешь, отогреешься с мороза, – и она ему улыбнулась, села напротив. Мишка залпом выпил и крикнул. Захрустел капустным листом. В голову сильно ударило, но понемногу в теле почувствовал блаженство. Мишка сходу съел две картофелины и ломоть хлеба. Одну картофелину решил оставить, встал, и уже было направился к печке. Ноги не слушались, Мишка чуть-чуть не упал. Машка подскочила и придержала его, крепко обняла, повела к печке. Помогла залезть наверх. Лёжа на печке, почувствовал тёплое дыхание: рядом с ним легла Машка. Мишка провалился и уже ничего не помнил. Уснул быстро.

Утром Мишка открыл глаза, Машка лежала с ним рядом и крепко его обнимала, она открыла глаза и сладко поцеловала его в губы.

– Мама! – донёсся голос Серёжи. Она молча слезла с печки и прошла к нему. Что-то ему шепнула, поцеловала в лоб. Легла рядом. Наступила тишина. Мишка снова закрыл глаза. Уснул. Через какое-то время открыл глаза, в избе светлее стало. И никого не было дома. Мишка слез с печи и начал одеваться. Открылась дверь, и появилась улыбающаяся Машка.

– Ну и как спалось со мной?

– А ты думаешь, я помню? Самогон всю память отбил.

– Подожди, я рассола капустного дам.

– Так давай, чего болтать.

Машка прошла к печке, оттуда принесла полную крынку рассола, подала Мишке. Он взял и несколько глотков выпил, вернул крынку Машке. Она унесла её назад, подошла и улыбнулась ему.

– Вечером готовься. Буду любить. – И помогла ему одеться. Они вышли из дома, но пошли в разные стороны. «И чего она во мне нашла? Красавцем я себя никогда не считал. В Харбине

внучка белого генерала на меня, помню, пялилась, но это было давно. Сама белотелая, голубоглазая и пухленькая. Светловолосая, грудастенная. Голубая кровь, белая кость. Наверное, замуж выскочила, такие, как она, в девках долго не сидят. Помню, на пересылке девчушка-комсомолка одна меня просила сделать из неё женщину. Сделал. Гнусно получилось, но получилось, сам стал мужиком», – шёл и думал Мишка.

Снова полдня провозился с электросхемой. Нужен специальный прибор. А где его взять? Срочно нужно съездить в район, на подстанцию. Там наверняка дадут. Мысли переплетались в голове. Хотя можно из простой батареечки для фонарика сделать подобное приспособление. Мишка обратился к Кузьме:

- У вас есть бытовой фонарик?
- Фонарь есть только у Марка Петровича в конторе.
- Вот завтра я схожу к нему и посмотрю, что за фонарик.
- Сходи. Обязательно сходи, если надо.
- Ладно, пошли домой.

Закрыв дверь сарая, они пошли по тропинке. Пока шли, не обмолвились ни единым словом. Возле Машкиного дома попрощались.

Раннее утро. Мишка лежал, не хотелось вставать, тишина как-то нагнетала личные воспоминания. Он вспомнил, как ехал в гости к тётке Лизе. В Иркутске на вокзале подошли трое с суровыми лицами и показали ему свои удостоверения. Он сразу всё понял и пошёл с ними. Потом ему предъявили, что он шпион и работает на японцев. Когда его брали, выглядел франтом. Кожаный длинный плащ, фетровая шляпа и белый шарфик – чем не иностранный агент. Короче, десятку себе обеспечил за наряд. И, лёжа, сейчас об этом вспоминал, и горько смеялся сам над собой. Десятый год пошёл, как тянет лямку. Мысль перебилась, нужно вставать и идти делать агрегат.

Неделя прошла, как Мишка находился в Сухом Логе. С дизелем пока не разобрался. Несколько раз разбирал электросхему, внимательно осматривал изоляцию проводки. Повреждений там

не находил. Сегодня Марк Петрович обещал привезти из района прибор, которым наверняка можно проверить замерами все технические характеристики дизеля-генератора. Кузьма, как страж, постоянно находился с ним рядом.

После обеда Марк Петрович действительно привёз долгожданный прибор. Мишка замерял и записывал, после чего подсчитывал. По результатам всё сходилось к одному, что всё в норме. Оставалось замерить провода на цельность. На проводе, которым был соединён датчик прибора контроля, Мишка нашёл излом, от которого, видимо, капризничал в режиме работы сам агрегат. Наконец Мишка включил тумблер, и дизель-генератор затарахтел, проработав ровно час. После чего Мишка его отключил. Подошёл Марк Петрович.

– Вижу, что получилось у тебя.

– Если сильно захотеть, получится, мне всегда так говорил отец.

– Умный он у тебя.

– Да, инженером был на железной дороге.

– А почему был?

– Да он у меня староватый и больной.

– Понятно.

– Может, поэтому и заставил меня выучиться на электромеханика. Я техникум закончил.

– Ну, ты себя оправдал. На сегодня всё. Кузьме завтра объяснишь, что почём. – Марк Петрович ушёл. Кузьма с Мишкой собрали инструменты и прибор, разложили по местам. Закрыли сарай и двинулись по домам.

Было первое марта 1952 года. Последний день пребывания Мишки в Сухом Логу. Они с Машкой сидят за столом.

– Может, останешься? – И она с мольбой в глазах глянула на него.

– Нет, не могу, отец при смерти. Мне письмо передали из лагеря. Может, потом вернусь, не хочу тебе врать, – и он отвернулся, наступило молчание. Он встал, вышел не прощаясь. Закинув за плечи вещевой мешок с провиантом, Мишка двинулся по

улице. Вышел на дорогу. «Баба она вроде порядочная. Только какая-то замкнутая, порой с ней трудно разговаривать», – думал он, быстро шагая к лагерю, чтоб забрать справку об освобождении.

Мишка благополучно дошёл до лагеря. Получив справку, пошёл назад к реке. Шёл долго, увязая по выпавшему снегу. Дошёл до реки. Перешёл. Уже на взгорке вспомнил.

«Здесь всё и началось у меня с Машкой», – с грустью подумал он и решительно шагнул налево. «Если бы не отцовская болезнь, может, по-другому повернулось бы у нас», – вновь подумал Мишка, но прибавил ходу. Уже темень настала, хоть глаз выколи, успеть бы до районного центра дойти. Он снова торопливо зашагал в темноту.

Осенним погожим днём на лавочке возле дома сидели двое пожилых людей.

– Скажи, до каких пор Машка будет сюда ходить? Я тебя спрашиваю?

– Одинокая женщина, ей хочется поговорить. К примеру, хотя бы со мной.

– Кроме «да», я ничего путного от неё не слыхала, а ты перед ней, как на трибуне, выступаешь! Ладно, я пошла перебирать овощи в кладовке. – Клава, охая, встала и, не торопясь, тихо ступая, пошла в дом.

Тайна – она всегда существовала. Машка уже несколько лет жила в самом конце посёлка. Как-то раз Мишка встретился с ней, она прослезилась и всё о себе рассказала. После него она долго одна жила, лет двенадцать назад один охотник за неё посватался, но как-то ушёл в тайгу и не вернулся. Мужики-охотники ей потом рассказали: нашли ствол с ремнём от его ружья. С тех пор она одна так и живёт. Несколько лет назад переехала в Зайцево, так как закрыли леспромхоз в их деревне. Мишка не хотел говорить, да и ни к чему, как он считал. Зачем Клаве знать, рассуждал он, если взял её с девочкой, значит, так и надо. Клава женщина ответственная, но ревнивая. Правда, она родила ему Колю, в честь своего отца назвал. А вот с Машкой другая история. Она тоже родила, но девку. Светой назвала, с его отчеством. Красавицей

выросла – в мать. Только закончила десятилетку, сманил её приежкий вертолётчик и увёз с концами. Может, Мишка так долго бы сидел, вспоминая, но потянуло прохладой. Он съёжился, встал и пошёл в дом.

Октябрь оголил деревья. Листва под ногами шуршит напоследок. Сегодняшний день неприятный, но только для Мишки. Вчера похоронили Машку. Даже на могилке он ничего не сказал ей на прощанье. Он сидел возле её домика и молчал. Вышла из дома шустрая, невысокого роста, соседская тётка Капитолина с лучезарной улыбкой.

– Так вот, Миша, у неё, оказывается, в погребке штук пятьдесят банок варенья и соленья. Что с ними делать, ума не приложу.

– Не заморачивайся, тётка Капитолина, выкинь.

– Как это выкинь? Маша ждала дочку. Сергей погиб в Афганистане, ты, поди, не знал. Он каждый год к ней приезжал со своими друзьями, они отдыхали и помогали. Она мне о вашей любви перед смертью всё рассказала.

– А что, это имеет значение? – он ухмыльнулся.

– А ты не ухмыляйся. Любовь дело-то серьёзное, – и на её лице пропала улыбка, появился строгий вид.

– Так, я понял, больше мне ничего не говори.

– Нет, скажу. Дочь должна приехать, прислала телеграмму.

– Приму как положено. Не сомневайся.

Тётка Капитолина недовольно покачала головой и пошла в дом. Мишка остался один со своими мыслями: снова Клава выкинет какой-нибудь фокус. Зрелая женщина... чего ревновать меня к кому-то. Пойду расскажу ей всё, пока не поздно. Рассуждая, он встал и заковылял в сторону своего дома.

Он уже подходил к дому. И издали увидел, как у дома стояли две женщины и о чём-то разговаривали, поглядывая в его сторону. Когда Мишка подошёл, то увидел, как ему показалось, перед ним стояла живая и молодая Машка. От такой неожиданности он перекрестился, но услышал от этой женщины:

– Здравствуй, папа! Я Светлана, дочь твоя. – И она не сдержалась, бросилась на шею, заплакала. Он обнял её, стал гладить по голове.

– Да. Я твой отец. – И скупые слёзы выступили на Мишкином лице. Вот такая состоялась странная встреча у него с дочкой. Клава стояла рядом и молчала, не встревала в эту встречу между отцом и дочерью.

Декабрьский день. Сегодня как-то особенно крепчает мороз на Мишкиных похоронах. Вокруг пустой могилы с забитым гробом стоит большая толпа народу. Вышел краснощёкий мужик в полушубке, без головного убора, и стал говорить о Мишке.

– Михаил Николаевич жил и работал с нами, вечная ему память. Пусть земля ему станет пухом...

Наступила тишина. Опустили гроб в могилу. Послышался глухой стук, замёрзшие комья глины стали стучаться о крышку. Забросали могилу полностью и поставили крест. Народ стал расходиться. Только две женщины остались стоять. Там, где на памятнике фигурировала фамилия Коноплёвой Марии Серафимовны, угрюмо стояла женщина среднего возраста, а пожилая, вся в слезах – возле свежей могилы с крестом. У каждой на душе было своё, женское, тяжёлое.

Небо прояснилось. Появилось солнце. Погода улыбнулась на прощание.

МОЙ ЛУЧШИЙ ДРУГ ТАЙСОН

Олег, рослый рыжий парень, сидел после душа возле своей кабинки и мысленно рассуждал: «Прямой в челюсть я схлопотал по делу. Пал Палыч меня предупреждал: можешь получить подобный удар. Несмотря на то, что соперник вёл бой аккуратно, я промеж ушей пропустил наказ тренера. За счёт этого удара моему сопернику Ваське присудили одно очко, и тот стал победителем нашего боя».

Тишину раздевалки разрядило гулкое шлёпанье вошедшего. Олег повернул голову. К нему подходил вразвалочку коренастый крепыш-блондин, тот самый Васька.

– Чего грустишь? – небрежно спросил он.

– Как не грустить, если проиграл, – сказал Олег.

– Не бери в голову. Не ты последний, не ты первый.

Васька улыбнулся, крепко пожал руку Олегу и пошёл к выходу из раздевалки.

«Зашёл меня успокоить. А когда-то вместе начинали у Палыча. Только потом наши с ним дороги разошлись, переманили Ваську в другое общество», – подумал ему вслед Олег.

Олег жил в другом районе города. Давно наступили сумерки. Город окунулся в апрельский вечер. Пока ехал в автобусе, обратил внимание, как красив город в вечерних огнях. Вышел. Не доходя до своего дома, Олег услышал со стороны канавы писк и шепуршание. Только нельзя было понять, кто там находится. Олег подошёл ближе к краю, внимательно туда всмотрелся. Что-то тёмное ворчал и шевелилось там. Он наклонился и на ощупь определил щенка. Действительно, при свете уличного фонаря найдёнышем оказался щенок. Олег сунул его в сумку и пошёл быстрым шагом домой.

Войдя в свою комнату, Олег снял с плеча сумку, поставил на пол, щенок тут же высунул голову и полез из сумки, свалил её

набок, вылез. Он выглядел смешно: переваливается с боку на бок на коротких ногах, как колобок. Жёсткий волос с подшёрстком покрывал почти всё тело, кроме живота. Он встал и пробежал по полу, сделав тут же приличную лужу. На вид щенку было около двух месяцев, и похож был на терьера. Олег это потом узнал. Увидев носок, оброненный утром Олегом, он схватил и начал терзать, рыча. Освоившись в комнате, увидел тапки в углу, подошёл, понюхал, улёгся на них, и сразу заснул. Олег, не раздумывая, решил сходить за тряпкой и тазом. Он жил в коммунальной квартире, где соседями были в основном одинокие пенсионеры. Комнату Олег получил как бы по наследству. Тётка Евдокия, родная сестра матери, воспитывала племянника с самого детства и оставила эту комнатку ему после своей смерти. На его счастье, в этот раз никого из соседей не было на кухне. Олег взял тряпку, налил немного воды в таз и понёс к себе в комнату. Щенок спал как ни в чём ни бывало, иногда дрыгал левой задней лапой. Олег убрал за щенком лужу, вынес таз с тряпкой.

Возле холодильника он вспомнил, как столкнулся, когда ходил в тайгу за ягодами, с браконьером, который за тиграми охотился, а прошло ведь совсем ничего – два года. Тогда у Олега была овчарка Амур. Пуская Амура, Олег не думал, что охотник сразу начнёт стрелять и убьёт с первого выстрела пса наповал. Амур взвизгнул, и, как подкошенный, упал. Олег бросился вперёд, двойным боксёрским ударом вырубил негодяя...

Сейчас проблема состояла в том, чем накормить щенка. Кроме супа из пакетика с картошкой у него ничего не было в холодильнике. Правду говоря, питательным и вкусным суп был точно. Взяв кастрюлю, Олег понёс его подогреть.

Когда принёс, щенок ещё младенчески посапывал, только перевернулся на другой бок. Олег поискал глазами, во что налить суп. Подходящей посуды не попадалось. Тут он вспомнил, что на шифоньере должна находиться старая алюминиевая кастрюля. Он снял её и понёс прополоскать от пыли. Принёс обратно. Налил туда супа и поставил напротив щенка. Тот сразу проснулся, подковылял к кастрюле, понюхал для приличия и стал жадно лакать. Наевшись, глянул на Олега. Отошёл и помочился на то место, где

сделал недавно мокроту. Всё получилось у щенка так быстро, что Олег даже не успел моргнуть глазом.

– Для тебя здесь няnek нет, найдёныш! – вслух отругал он щенка.

Вышел и принёс тряпку. Вытер. Унёс под кран. Прополоскал и выжал, принёс обратно и оставил тряпку в комнате.

Утром следующего дня Олег лежал с закрытыми глазами и не хотел вставать, мысленно сочиняя, что скажет на работе: или брать отгул, или за свой счёт отпуск. Других вариантов не было.

– Ой! – вспыхнул Олег и, схватившись за ухо, открыл глаза.

Он лежал на своём низком топчане (тот едва достигал в высоту от пола двадцать сантиметров). Щенок отбежал и, поглядывая на Олега, неуклюже сел и задней лапой стал чесать себя за ухом. Олег встал и подошёл к зеркалу. Левое ухо покраснелось от укуса. Он вытащил из старого комода тампон ваты и одеколоном смочил укушенное место. Поморщившись, успокоился и снова прилёг на топчан. На этот раз на живот.

Отвернулся.

Только закрыл глаза – и вновь заорал. Щенок от крика хозяйина мгновенно залез под кровать.

– Ты, как Тайсон, не мытьём, так катаньем, – сказал Олег и, помедлив, добавил: – А назову-ка я, пожалуй, тебя Тайсоном.

Щенок испуганно смотрел на Олега.

Ровно год прошёл, как Тайсон вырос в молодого породистого эрдельтерьера. Был он достаточно забавным непоседой. Когда ему исполнилось шесть месяцев, Олег начал водить его на дрессировку. Пёс быстро познавал учёбу. Команды выполнял без ошибок, так что один из первых сдал экзамен на «отлично». К тому же Олег постоянно брал пса на работу, чтобы он не сидел один дома.

* * *

Олег только вошёл в автосервис, Тайсон прошмыгнул вперёд. Вслед ему Олег покачал головой. На яме ждал ремонта цвета белой ночи «Порш».

Открылась дверь бокса, и вошёл мужик с толстой цепью на волосатой груди. – Мужики, у меня в машине какая-то х... слома-

лась. Они хором ему в ответ: – Что сломалось? – А х... его знает! – А что за машина? – «Пачундра!» – Олег даже рот открыл. – Вроде все иномарки в городе знаю, а это что за чудо заморское? А где она у тебя? – Да тут стоит. Пойдём.

Пошли. Действительно, за воротами стоял большой вороной джип «Ниссан-Патфайндер». Устранили дребезжание в салоне: заменили торпеду в бардачке, после чего, прохихотавшись, решили, что «Порш» подождёт и можно закрыться и обмыть солидный гонояр.

Они долго засиделись, разговорились о том, о сём – раньше всё как-то некогда было. А Тайсону эти разговоры явно надоели, ему хотелось погулять, да и поесть пора бы. Вот он и прыгнул на Олега, когда тот держал стакан. Стакан упал, и тут Олег ударил.

Олег в ужасе просидел всю ночь возле пса. Под утро Тайсон открыл глаза, встал, шатаясь, пошёл пить. Вернулся к хозяину и ткнулся носом в руку, ударившую его. Олег заплакал.

– Прости меня! Я виноват! Прости!

Прошло время. Теперь им реже получалось посещать тренировки. Олег даже хотел совсем забросить бокс. Пал Палыч, тренер, прекрасно знал, в какую ситуацию попал его подопечный, и на Олеговы пропуски смотрел нормально, не осуждал. Зато они с Тайсоном часто бегали по лесу. Во дворе, в заброшенном гараже Олег повесил «грушу», и каждый вечер отчаянно по ней колотил. Сюда же с отвала принёс ещё старую гирию.

Однажды после прогулки возле дома подошла к ним заплаканная девчонка лет десяти.

– Я ключ потеряла! Мне за это дома попадёт. Не могла бы ваша собака найти мой ключ, он на верёвочке! – с надеждой в голосе проговорила она.

– Покажи, в каком месте? – спросил её Олег.

– Пойдёмте! – И девчонка повела Олега с Тайсоном за дом на пустырь. Там Олег подвёл Тайсона к девчонке и дал команду: «Нюхай!». Пёс её обнюхал и побежал. Олег Тайсона подбодрил: «Ищи хорошо!». Пёс опустил голову и стал настойчиво чего-то искать, бегая и петляя в разные стороны пустыря. Таким образом побегав минут десять, Тайсон подбежал к Олегу, держа за верёвочку ключ.

– Дай!

Пёс без замедления отдал ключ.

– На вот, держи и не теряй. – Олег вернул ключ владелице.

– Спасибо! Какая умная собачка! – воскликнула девочка, улыбнулась, и радостная побежала домой.

– Ну вот, Тайсон, ты выполнил своё задание, и за это получишь сегодня косточку. – Олег потрепал пса за ухом.

Наступила золотая осень. Нагулявшиеся Олег с Тайсоном возвращались из леса. Уже выходя, услышали из ближайшего малинника женский крик.

– Помогите! Убивают!

Не раздумывая, оба рванули туда, откуда звали на помощь. Крепкий мужик среднего роста, прислонив к берёзе молодую худенькую женщину, левой рукой сдавливал ей горло. Она, как могла, вырывалась. Олег только и успел дать команду «Фас!». Тайсон прыгнул сзади на мужика, сильно вцепился в ягодицу. Тот от неожиданного нападения заорал благим матом и отпустил женщину. Упал на землю и завопил что есть мочи: «Уберите собаку! Я сдаюсь!» – и, непонятно, то ли от боли, то ли от злости, захныкал. «Фу!» – услышал хозяйский окрик Тайсон. Пёс с неохотой отомкнул пасть и отошёл в сторону, следя за мужиком. Женщина стояла рядом и никуда не уходила. Мужик повернулся лицом, морщась и держась за укушенное место.

– Женщина! Что он хотел от вас?

Она плакала и молчала.

– Ладно, пошли, пусть с вами там кому нужно разбираются.

– Пропустив женщину, Олег легонько подтолкнул мужика вперёд, и они двинулись, обходя кусты малины. Тайсон неустанно следовал за мужиком, тот шёл, прихрамывал и озирался, исподлобья зыркал на пса.

Девятое мая. Солнечный день. Жарковато. Праздник в самом разгаре. Олег с Тайсоном шли мимо пьяной компании. Он обратил внимание, как красный «жигулёнок», разворачиваясь, зацепил детскую коляску, которая стояла на крутом спуске берега. Она покатилась вниз прямо в озеро. Олег, не раздумывая, бросился за ней. Тайсон побежал за хозяином. В этом месте было

глубоко у самого берега. Олег поймал коляску, которая уже успела въехать в озеро. Тайсон тут же схватил Олега за полу куртки. Олег тащил коляску, Тайсон крепко держал его полу куртки, и оба изо всех сил приближались к берегу. Молодая мать заверещала и готова была залезть в воду. Народ столпился у воды. Олег с Тайсоном и с коляской наконец оказались на берегу. Тайсон отбежал и отряхнулся. На берегу кем-то вызванная стояла «скорая помощь», к ним направлялись двое в белых халатах. Появился местный участковый, стал задавать вопросы Олегу.

– Рассказывай!

– А чего рассказывать? Шёл с собакой, увидел, как «жигулёнок» разворачивался и спихнул коляску с ребёнком в озеро. И всё.

– И только?

– Не совсем. Мы побежали вытаскивать коляску из воды. И, как видите, факт налицо.

Олег стоял перед капитаном весь мокрый.

– Значит, с псом полезли искупаться. Значит, так, герои, завтра жду вас у себя. А с водителем и родителями разберусь потом.

– Вот, Тайсон, сделали как надо, и остались в дураках.

– Жаль, Олег, что не так меня понял. Придётся и напишешь как было.

– Извините, не так вас понял, – как бы извиняясь, улыбнулся участковому Олег.

– Не так! Слушать надо, чего говорят. Пёс твой большего стоит. В МЧС людей набирают, шёл бы к ним работать с псом. Пользы было бы от вас много.

– Спасибо. Мы с ним подумаем.

– А чего думать?

– Мы с ним не подведём друг друга. Мой лучший друг – Тайсон. На все времена.

Олег подмигнул псу, тот даже облизнулся.

– Я в этом не сомневаюсь, – серьёзно ответил участковый.

Олег с Тайсоном пошли своей дорогой. Весенние запахи со звуками слились воедино и расплылись по всей округе. Потянуло вечерней прохладой.

НА ЛАВОЧКЕ

рассказ Аиды

Сегодня летний солнечный день. Я, питбуль, собака своих возможностей, радуюсь ему и улыбаюсь, сидя рядышком с моей хозяйкой. А что касается наших отношений – мы всегда с ней находим общий язык. Гуляем недолго, зато если сядем на лавочку, то почти на весь день. Честно говоря, не всегда приходится посидеть, бывают такие дни, когда идут дожди. Тогда мы сидим дома. Я залезаю на кресло и лицезрею, что происходит в квартире. Если попугай Митя молчит, это хорошо, а если начнёт болтать и повторять, как и положено попугаю, – затыкай уши и убегай. Уйдя на балкон, с четвёртого этажа нашей десятиэтажки я обзираю весь наш двор. Хочу добавить и внести ясность: балкон застеклён. Я вскакиваю на старенькое кресло и с него смотрю туда... И так, я возвращаюсь назад. Здесь, на лавочке, хорошо. Хорошо – это потому, что двор наш тихий и спокойный. Жильцы мирные. Бывает, если какой-нибудь пьяный мужик проходит мимо, то ему начинают перемывать кости соседки моей хозяйки. Это у вас, людей, давно повелось: одни пьют, другие над ними смеются и злорадствуют... А вот у собак совершенно другое – лаем, кусаем и размножаемся... Короче, такова собачья жизнь, и если смотреть по вашим меркам, человек от нас недалеко ушёл.

Теперь о семье. Семья, где я живу со щенячьего возраста, самая что ни на есть обыкновенная. Да, я в ней живу шестой год. А вот как я сюда попала, тоже интересный вопрос. У Викиной одноклассницы Лиды Поповой оценилась нашим помётом моя мама Бэла. Я оказалась самой последней. Всех разобрали, а меня никто не брал, говорили про какой-то неправильный прикус. Вот и отдали меня просто так Вике. Когда меня принесли (в двухмесячном

возрасте), в тот день по телевизору шла опера «Аида». Правда, не сразу обратили внимание на такое событие, но когда пошла речь как меня назвать, Славик, младший сынок семейства Архиповых, сказал, чтоб меня назвали в честь героини той оперы. Предложение его всем понравилось, поэтому меня и зовут Аидой. Касаясь попугая Мити: он в нашей семье живёт не так давно – третий год. О нём как хорошего, так и плохого не скажу. Попугай – он и есть попугай. Одним словом – баламут. Теперь о главных персонах семейства Архиповых. О хозяине, о Николае Степановиче Архипове, ничего толком не знаю. Умер за несколько лет до моего появления у них. Мне известно лишь то, что он, тяжело раненный боец, встретил мою хозяйку Валентину Михайловну в госпитале, и они там полюбили друг друга. Это было весной сорок третьего года. Главврач госпиталя, куда положили долечиваться Николая Степановича, Андрей Григорьевич Савиных, оставил её у себя до конца войны. После войны она продолжила работу в клиниках Савиных процедурной медсестрой до самой пенсии. Родились дети: Ольга, Даша и Саша. Дочери живут с семьями отдельно, одна в Томске, другая на Алтае. Саша, то есть Александр Николаевич, остался жить с родителями в четырёхкомнатной квартире. У него с Еленой Сергеевной тоже есть дети: Вика, стройная шатенка восемнадцати лет, и шестнадцатилетний «ботаник» в очках Славик. Вот что мне известно о нашей семье.

Пока я вам говорила о семье Архиповых, к нам на скамеечку под села соседка из тридцать седьмой квартиры Нона Григорьевна Астахова, пятидесятилетняя говорливая, толстая и рыжая сплетница, она всегда рассказывает разные жуткие истории.

– Валентина Михайловна! Вы понимаете, до чего обнаглела эта продавщица из «Антошки»? Обсчитала меня на десять рублей. Хорошо, что я не выкинула чек, – проговорила, краснея от негодования, Астахова. Валентина Михайловна промолчала, только в знак согласия покивала головой. Подул лёгкий ветерок, растормошил Астахову. – Ну ладно, я пошла, собираться стану. Завтра ложусь на обследование в третью горбольницу. Нервы подводят... – Она встала и, словно тяжёлый танк, двинулась к подъезду. А когда-то Нона Григорьевна работала следователем

в прокуратуре, и у неё ещё остались привычки правильного советского гражданина. Дай ей волю, она бы точно продавщицу засадила. Десять рублей в наше время не деньги. Однако, если смотреть по существу, обсчитывая сегодня одного, а завтра другого, продавщица из «Антошки» может что-то иметь помимо зарплаты. Дело простое, продавщица не права, а Астахова права. Излила свою обиду и дальше пошла. Таков мой вывод. Жадность и алчность всегда преследуют человечество, только дай повод. Я зевнула и открыла пасть. Жарко. Слюна вылезла. Я облизнулась, посмотрела на хозяйку. К нам подседа маленькая тихая старушка Агнесса Витальевна Седова из тридцатой квартиры. Они с моей хозяйкой кивнули друг другу.

– Сегодня пошла в маркет, купила три кило сахара. Ой, боюсь, не хватит на варенье.

– Не переживай, Витальевна, нынче урожай сахарной свеклы на Алтае богат.

– Зато доллар растёт, словно на дрожжах.

– Да при чём здесь доллар. Мы говорим о свекле.

– Внучка Маринка родила девочку, а малютке нужны витамины.

– А чего сразу не сказала? Я твоя соседка, тебе мигом помогу. Запас у нас с прошлого года остался. Павлик с Викой плохо едят моё варенье. А Елена и так пышка, сейчас села на диету. Саша почти всё время в фирме находится. А нам с собакой и попугаем сладости ни к чему. Так что давай завтра после двенадцати дня приходи ко мне. Я жду. – Они попрощались, и Агнесса Витальевна удалилась. Недолго мы сидели в одиночестве с хозяйкой. Подкрался дворник-узбек Тагир, я сразу на него рыкнула. Меня одёрнула хозяйка, я завиляла хвостом – мол, всё в порядке. Я на месте.

– В нашем доме Аиду все жильцы знают. Так что с ней не шути. Тяпнет – мало не покажется, – проговорила моя хозяйка.

– Я собаку эту хочу. Продай мне её, сколько хочешь, столько дам.

– Ну вот ещё! Моя собака не продаётся.

– Хорошо! А где мне купить щенка?

– А я откуда знаю? Читай объявления. Особенно в бегущей строке по телевизору, – недовольная хозяйка отвернулась от дворника. Тагир что-то по-своему сказал и отошёл.

Однако если смотреть по сути, с Агнессой Витальевной всё понятно. Внучка её Маринка таскалась с кем попало, и родила невесть от кого. Я понимаю Агнессу Витальевну и сложность её женских чувств. С четырнадцати лет и до пенсии она проработала на «Сибэлектромоторе», причём квалифицированной обмотчицей. А на старости лет получила такой подарок – внучку-сучку. Зачесалось, засвербело. У нас проще – только два раза в год. Кобелей мы сами выбираем. А у женщин раз в месяц несколько дней нельзя. Нам можно, а им нельзя. Против закона природы ну никак не попрёшь. А этот Тагир от меня точно получит. Не знает, что такое питбуль, так я ему разьясню. Был случай – несколько лет назад я гуляла со Славиком. Друг его Гошка толкнул в снег, когда они дурачились на празднике Масленицы. Я сорвалась и грудью сбила его, правда, ощерилась, показывая ему свои клыки. Славик заорал «Фу!». Я сразу отошла в сторону. После этого случая на меня стали надевать намордник, но, видя, что я веду себя прилично, от этой затеи отстали. Что-то стало прохладно, ветер подул и тучки появились. Мы ещё немного посидели, встали и пошли.

Стук в дверь. Хозяйка пошла открывать. Вошла Агнесса Витальевна. – Проходи! – пригласила хозяйка. Только они расселись, как попугай начал декламировать: «Про-хо-ди... про-хо-ди...». Хозяйка подошла к клетке и накинула на неё платок. Попугай враз замолчал, я в это время с балкона вбежала в комнату и прыгнула на кресло. Легла и прислушалась, о чём говорит хозяйка с соседкой.

– Как там твоя Марина?

– Да вот пришла к тебе, ты мне обещала что-то дать.

– Подожди! – Хозяйка вышла и через пару минут принесла ей полулитровую банку варенья.

– Держи!

– Спасибо!

Они ещё немного посидели, поговорили. Соседка ещё раз поблагодарила и ушла. Казалось бы, что здесь такого – посидели,

поговорили. Я лежала и дремала, и к разговору не прислушивалась. На этот раз мне было неинтересно слушать, о чём говорят. За окном погода испортилась, шёл мелкий дождик. Мне хотелось просто лежать, закрыв глаза, чем я и занималась в этот раз.

Тёплый вечер сентября. Разноцветные листья сорваны и разбросаны ветром по всему двору. Мы с хозяйкой, как обычно, после прогулки присели на лавочку и следим, что происходит во дворе. Возле кооперативного погреба столпился народ. Копка картошки в самом разгаре. Я вспомнила, как, будучи молодой, попала на копку картошки. Я носилась и туда, и сюда, одним словом, энергии хоть отбавляй. Набегавшись, легла на мешки возле поля, но привлёк меня серый зверёк с длинными ушами. Он выскочил из леса, примыкающего к полю. Увидев незваного гостя, я рванула к нему, тот дал стрекача. Я за ним, он от меня, в глубь леса. Короче, не смогла поймать и вернулась назад. «Ага, не могла поймать зайца», – упрекнул меня Славик, следивший за моими действиями там, на поле. Внезапно меня отвлек скрип тормозов: к соседнему подъезду подъехала машина белого цвета, вся в шариках и в ленточках. Тут и народ, откуда ни возьмись, хлынул, шумно и весело. Погода благоприятствует, как по заказу. Солнечный день в осенних тонах, как это здорово, а тут такое событие – свадьба. Вон невестина мамаша вышла, и расплакалась за дочь перед женихом. У меня никакого праздника не было. Привели жениха прямо домой, мы тут же с ним и повязались. У породистых собак так полагается. Помню, как первый раз я потекла. Вышли с хозяйкой погулять, а возле подъезда уже болтался невзрачный рыжий кобелёк. Хозяйка, увидев его, даже плюнула в сердцах: «Тоже мне женишок!». Ладно вернёмся к людской свадьбе. Боюсь сказать – что потом станет с молодыми? Неизвестно. По-разному, нужно смотреть на житейские обстоятельства. Кто-то всю жизнь вместе проживёт, а кто-то разведётся через некоторое время. Вот такое моё мнение. А ваше? Впрочем, не будем забегать вперёд. Я просто сижу и смотрю на мир осени. Глядеть на него так прекрасно, а ощущать ещё интересней. И снова, пока разглагольствовала, недалеко от лавочки встали две толстушки-тётки и завелись:

– Ой, Верочка! Сколько лет, сколько зим!

– Неужели ты, Любаша? Тебя не узнать. Вон как располнела. Я помню, ты стройной была, тростинка тростиночкой.

– Другие времена наступили. Давай рассказывай.

– Мы только закончили педучилище, я сразу хотела уехать на БАМ. Сказала родичам, те ни в какую. Упёрлись. А тут знакомые парни меня подбили на авантюру. Они тоже захотели поехать за романтикой. Два приличных друга, Павлик и Сергей. Приехали, меня вселили к девчонкам, а ребят к мужикам. Пашка приударил за мной. Была свадьба. Я забеременела. Родила дочь. Дали в бараке комнатку. А тут как гром с ясного неба, Пашка попал в завал и погиб. Работал подрывником. Было следствие. Начальник Котов, который послал Пашку посмотреть запалы, из этой истории выкрутился как змей. Целый год я не могла прийти в себя. Спасибо Сергею, он меня не бросал. Помогал всячески. В конце концов я вышла за него замуж. Уже стала прабабушкой. Старшая дочь Надя родила сына, тот подросток. Пошёл служить на флот. Там остался по контракту. Встретил девушку. Женился. Правнучку нам родили. А вторая, Маринка, закончила мединститут и осталась в Питере. Мы с Сергеем приехали сюда после смерти моих родителей. У Нади младшенькая, Лиза, заканчивает университет. От неё иду. Сергей у меня недавно инвалидность получил, вот и тороплюсь к нему. Сердце от перегрузок надсадил, так говорят доктора.

– Ну, а что мне о себе рассказывать? Всю жизнь проработала воспитателем. Выскочила замуж. Троих родила. Вдова три года. Люблю внуков. К старшей внучке ходила, Настя снимает недалёко комнату. Раньше у меня жила. Сейчас живёт с парнем. Давай обменяемся телефонами.

Сказав друг другу, они тут же разошлись в разные стороны. Судьбы бывают разные. Не могу судить, да и не буду. Я глянула на хозяйку она на меня. Я вскочила, она встала. Двинулись к подъезду. И, как бы в подтверждение, что изменится погода, подул ветерок и закружились листья. Вот она, осень золотая.

НЕВЫДУМАННАЯ ИСТОРИЯ

Толик держал в руках повестку, хотя выглядел каким-то уставшим и потерянным молодым человеком. Принесли и отдали ему под роспись – явиться сегодня к 12.00 в райвоенкомат. Страна переживала недобрые времена, шёл второй год войны с фашистской Германией. Мать, невысокая, миловидная женщина, собирала Толику в вещмешок всё то, что ему потребуется в дороге. Отец, крепкий, седоватый мужик в годах, сидел за столом и о чём-то думал. Рядом сидели два младших брата-погодка и поглядывали то на отца, то на мать. Мать завязала на узел вещмешок и зарыдала. Отец не выдержал:

– Циля! Прекрати слёзы лить, Толя жив и здоров.

– Сёма! Толя наш сын, его забирают на войну.

– Не на войну, а в армию, я тоже служил пять лет у Будённого.

– Так это когда было, Сёма?!

– Брось, Циля, не смей меня. Каждый мужчина обязан пройти воинскую службу.

Толик не выдержал, вмешался:

– Прости меня, мама, отец прав, я обязан служить в армии, а не сидеть сложа руки рядом с вами.

– Мать смахнула рукой слезу, сильно обняла Толика и, рыдая, пошла в комнату сестры. Толик подхватил на ходу вещмешок, направился к выходу, следом за ним пошли отец с братьями.

* * *

Больше недели шестьдесят три призывника ехали в крытом вагоне с буржуйкой, прицепленном в конце военного состава, эти наголо бритые молодые, почти мальчишки, сибиряки. За это время они проехали только часть своего пути до места назначения, их сопровождал здоровяк-блондин, мичман Северного флота со смешной фамилией Терebilko. По натуре молчун, но если что-то нужно, выполнит не глядя. На больших станциях не останавливались, исключительно на полустанках.

Толик стоял у раскрытой двери, и с интересом разглядывал Южно-Уральские горы. Он никогда ни видел гор. Они возвышались почти под самое небо, создавая необыкновенную красоту. Поезд полз по зелёной равнине, слегка пыхтя, пуская сизый дым. Сзади подошёл соседский парень цыганской внешности Яшка Холмогоров и по-дружески слегка хлопнул Толика по плечу:

– Чего приуныл? Приедем на место, видно будет.

– Тебе не понять, отец заказ должен сделать без меня. Я только скроил.

– А, ты вот о чём. Дядя Сёма костюм сошьёт не глядя. Моему отцу сделал то, что надо.

– Да заказчик – партийный шишка, зануда. Отец может тому резко сказать, а материал уже скроен под костюм.

Яшка промолчал. Вдруг протяжно засвистел паровоз, состав медленно затормозил, новобранцы с любопытством стали выглядывать наружу. Непредвиденная остановка, такое часто бывало.

* * *

Над Кольским заливом рассеялся туман, сквозь дымку иногда просвечивало солнышко. Для этих мест погода, скажем, чудная. Временами слышен мелодичный звук рынды – корабельного колокола. К пятому пирсу базы Северного флота приткнулся сторожевой катер СК под номером тринадцать, на котором происходят авральные работы. Толик Ройзман с Яшкой Холмогоровым красят оружие в серый цвет, Вася Кошкин, бывалый матрос, делает в рубке приборку. Вторую неделю катер стоит на ремонте. Ко-

манда катера ходила в поход с морпехами к норвежским берегам, заклинило двигатель, это когда выходили из фьорда в Баренцево море. Наш торпедный катер, шедший с задания, взял «сторожевика» на буксир, благодаря такому случаю команда благополучно попала на базу.

Подошёл неслышно мичман Терebilко, гаркнул так, что оба оглянулись:

– Матрос Холмогоров! К командиру! Шагом марш!

– Есть! – оставив кисть в ведре, Яшка рванул на нос катера, там находились командир катера старший лейтенант Сергей Брагин со своим помощником, лейтенантом Ильёй Бастрюковым. Яшка подбежал и доложил:

– Матрос Холмогоров по вашему приказанию прибыл!

– Тут такое дело. Немецкая лодка проскочила в залив, минуя наши посты. Садись и слушай, может, ты её засечёшь. Предупреждена вся флотилия. Иди!

– Есть! – Яшка развернулся и побежал на своё место. Он числился в команде и радистом, и акустиком.

Подводная лодка всплыла недалеко от пирса, и немцы сами сдались в плен. Оказывается, она попала на свою мину. С внешней стороны, где приблизительно находился третий отсек, зияла приличная дыра.

* * *

На следующий день Толика и Яшку Брагин отпустил первый раз в увольнение на два часа. Они вышли на берег, но не пошли в посёлок. Сразу за территорией базы свернули с дороги и направились в сторону невысокой скалистой сопки. Рядом с ней рос лес. Поплутав по нему с часок, Толик с Яшкой решили вернуться на катер. Уже выходя из леса, Яшка чуть было не наступил на воронёнка, прижавшийся в пожухлой траве, тот зыркал чёрными бусинками-глазами. Он, оглядевшись по сторонам на всякий случай, наклонился и что-то сказал по-цыгански, снял с себя бушлат и осторожно накрыл воронёнка. Аккуратно взял и понёс. Толик недовольно высказался:

– Терebilко с командиром нам пропишут по первое число.

– Не пропишут.
– Слушай, откуда знаешь?! Они нас спрашивать не станут.
– Терebilко с командиром – мужики.
– Мичман с командиром строгие начальники.
– Конечно, строгие, хорош болтать. Скоро нам на катере нужно быть.

– Это как так ты не испугался, взял воронёнка?

– Я с ним договорился. Я – цыган.

– Помню, как-то шёл со школы по парку, а надо мной закружилась ворониха, готова вцепиться в голову. Женщина, шедшая сзади, меня в сторону отпихнула, объяснила: где-то рядом её птенец находится. С тех пор везде хожу осторожно.

– Тебе повезло. На орудии имеется ящик, вот туда воронёнка определим.

– А другого места ты не нашёл? Хотя бы в трюм.

– Посмотрим! – Они уже подходили к базе, выполз сырой туман и расползся по всему заливу и скалистому берегу. Вдалеке маячил безлюдный пирс с катером, на котором оба успели поводить немного.

* * *

Утром следующего дня Яшка стоял перед командиром по стойке смирно и выслушивал от него нарекания:

– Два наряда вне очереди за зверинец, чтоб сегодня унёс туда, откуда принёс.

– Товарищ старший лейтенант, разрешите вам объяснить.

– Объясняй! Слушаю!

– У моего деда был медведь с чёрным вороном. Так вот они весь табор кормили, в смысле выступали как циркачи, даже ворона научили, тот орал: «Воры лезут!». Он не один раз так табор спасал.

– Ты хочешь сказать, что научишь воронёнка?

– Если оставите, научу, но другим словам.

– Интересно, каким?

– Да хотя бы «SOS!» или «Полундра!». У него правое крыло повреждено, когда падал из гнезда, то повредил о валун.

– Воровать у нас на катере ничего не своруешь, а то, что он может погибнуть, факт. Ладно, оставляй, вылечишь, а там видно будет. Наряды отработаешь у мичмана. А сейчас иди.

– Есть! – Яшка отдал честь, развернулся и пошёл.

* * *

Конец зимы, а в команде «сторожевика» никаких изменений, если не считать того, что Яшка обещал выучить воронёнка, и действительно того научил единственному слову: «полундра!». Он ждал весны, чтоб птицу выпустить на свободу, но ему так не хотелось с воронёнком расставаться.

Зима стояла суровая, команда катера часто ходила на задания, особенно к норвежским берегам. Катер хоть имел число «тринадцать», но каждый раз удачно выходил из переделок, и всё за счёт тактической грамотности командира, старшего лейтенанта Брагина.

Толик чётко следил за орудием, смазывал и чистил, чтоб, не дай бог, оно на задании не заклинило. Со вчерашнего дня катер стоял на приколе, так как в последний раз на задании ему пробило снарядом бок рубки, и нужно было это место вырезать, закрыть листом и заварить.

Сегодня должен подойти сварщик, как пообещал начальник мастерских. Вахту нёс Яшка. Он сидел в рубке и смотрел во все глаза, от такого глядения веки слипались. Яшка буквально клевал носом, при каждом разе вздрагивал, и вновь открывал глаза. Сквозь дрёму услышал скрип тачки. По пирсу толкал тележку сварщик, возрастной и не обделённый здоровьем дядя Петя. Яшка вышел встречать.

Вырезав аккуратно из «четвёрки» кусок металла, сварщик приставил поверх дыры, и начал приваривать кромку к корпусу боковины рубки. Сварку производил не спеша. Наконец последний шов – и всё готово, осталось через некоторое время отбить окалину и подкрасить место сварки.

Солнце вылезло из-за облаков, ясный день, неугомонные чайки носятся над заливом. Яшка с Толиком красят боковину рубки. Яшка предложил:

– Слушай, давай закурим! – порывшись в кармане, вытащил целую пачку папирос «Север», достав две папиросины, одну дал Толику.

– Где взял?

– Тебе скажи! Вчера паёк получил на три дня, мичман должен отдать тебе твою долю.

Они присели, закурили. В ящике сидел воронёнок и крутил головой. Вдруг как заорёт: «Полундррааа!».

– И чего, спрашивается, орёт? – спросил Яшку Толик.

– Откуда я знаю? – пожал плечами Яшка.

Неугомонный воронёнок насторожился и вновь заорал: «Полундррааа!».

– Слушай, неспроста завёлся. Может, опять немецкая лодка по заливу болтается. – Толик подозрительно посмотрел на воронёнка, а потом на Яшку. Они уже не курили, стали внимательно вглядываться в залив, и действительно – рядом с катером на волнах покачивалась немецкая мина, неся с собой смерть.

– Нужно срочно доложить мичману, – предложил Яшка Толику, и сам побежал в рубку. Через некоторое время мичман, весь потный от эмоционального напряжения, с длинным багром стоял на корме и пытался зацепить мину. Наконец зацепил, и помаленьку стал оттаскивать её к берегу, вызванный по радиации минёр вот-вот должен был появиться. Наконец со стороны Мурманска показался быстроходный катерок. Они подплыли, аккуратно отцепили мину от багра, и, зацепив на буксир, отвели в небольшую бухту, взорвали. Откуда донёсся оглушительный взрыв, поднялся водяной столб, прибежали Брагин с Бастрюковым. Брагин первым стал задавать вопросы:

– Кто из вас увидел мину?

– Да оба: дважды заорал воронёнок и привлёк наше внимание, – отчеканил ему Толик.

– В общем, так, воронёнка оставляем, раз он такой ушлый, а вам даю обоим увольнительную на весь световой день.

– Служим Советскому Союзу! – и оба отдали Брагину честь.

* * *

Толик с Яшкой шагали по главной улице Мурманска, разглядывали здания и прохожих, обратили внимание на вывеску «Парикмахерская», вошли. Прямо с порога мастер, средних лет мужчина, пригласил: – Кто из вас первый? – Яшка молча прошёл и сел в кресло. Толик присел на свободный стул, ожидая своей очереди, с любопытством разглядывая помещение, ничего необычного он здесь не увидел. Несколько чёрно-белых фотографий красивых девушек, позировавших с шикарными причёсками, висели на стене, большое окно и кресло с зеркалом. Мастер быстро подстриг Яшку, очередь настала Толика. Они как бы поменялись местами. Когда всё закончилось, вышли из парикмахерской и стали спускаться к заливу. Не доходя до перекрёстка, увидели афишу трофейного фильма «Серенада солнечной долины», Яшка сразу толкнул в бок Толика:

– Давай сходим! Я слышал, хороший фильм.

– А чего не сходить. Сходим! – уверенно ответил Толик. Они сидели в полном зале, и как-то не чувствовалось, что где-то рядом идёт война. Зрителям не сказать, что было весело, никто не смеялся, но многие улыбались. Вспоминали счастливые минуты без войны. Толик с Яшкой вышли с толпой из кинотеатра и не спеша зашагали в сторону залива. Впереди маячили две фигурки девушек в военной форме. Яшка толкнул Толика:

– Такой случай не надо упускать. Давай догоним и познакомимся. А?

– Сейчас война идёт, а ты ко мне с девушками пристал, – буркнул Толик.

– Не хочешь как хочешь, я пошёл. – Яшка прибавил шагу, а потом чуть ли не рысью побежал за ними.

– Девушки, стойте! Это не ваш платок? Не вы обронили? – в руке держал носовой платок. Девушки остановились и обернулись, Яшка подбежал и его показал. Они, как по команде, в один голос сказали: – Нет, не наш!

– Ах, как жалко, что не ваш. Разрешите познакомиться. Яков! А это Толик, – кивнул головой на подошедшего приятеля.

– Зоя! – отчеканила светлая, полненькая девушка.

– Галя! – тихо промолвила вторая, стройная, голубоглазая шатенка.

– В таком случае будем знакомы, давайте прогуляемся, – ответил Яшка и подошёл к Зое.

– Ну, тогда пойдёмте! – кокетливо ответила Зоя. Толик приблизился к Гале и галантно ей предложил:

– Разрешите вас взять под руку.

– Бери! – она ему ответила на «ты», Толик взял девушку под руку, и они пошли следом за Яшкой и Зоей.

– А ты красивая! – начал Толик.

– Ты тоже грузин.

– Нет, я не грузин. Я еврей.

– Для меня красавчик.

Они прошли три квартала. Справа виднелось кирпичное двухэтажное здание с белым флагом и крестом.

– Ну, вот и пришли, – проговорила Галя.

– Может, увидимся?

– Может! – и она пожалала ему руку. – Записывай или запоминай телефон, 34-00, спросишь Ищенко, и меня сразу позовут. Ну, прощай, что ли, грузин, – и она легонько поцеловала Толика в щёку. Толик от Галиного поступка весь покраснел как рак, она догнала Зою, и девушки исчезли в госпитальной подворотне. Подошёл Яшка:

– А ещё не хотел знакомиться с девчонками, тоже мне друг называется.

– Да, не хотел.

– Ладно, пошли.

Яшка с Толиком вышли за город, они прошли немного, их догнал грузовик. Остановили, сели в кузов, поехали. Вскоре заморосил холодный дождик, пришедший с серыми тучами из-за Баренцева моря. День подходил к вечеру. В расщелинах сопки спрятался сумрак, готовый в любое время вылезти и заполнить пространство округи.

* * *

Светило солнце, но не грело, стояла утренняя тишина, Яшку и Толика мичман Терebilко отправил на склад получить

сухой паёк на всю команду. Катер должен через час выйти на задание к норвежским берегам, там должен дожидаться группу наших разведчиков и их забрать.

Яшка с Толиком несли полные вещмешки, подходили к пирсу, но увидели летающего ворона, и почему-то вспомнили о своём воронёнке:

– По-моему, это не наш? – засомневался Толик.

– Нет! Это наш! – возразил Яшка.

– А что, у него на лбу написано, наш он или не наш?

– Посмотри, как крыльями машет.

– Да! Ты прав. Правым крылом не сильно старается махать, всё левым работает. Значит, пошёл на поправку.

Катер стоял возле причала с работающим двигателем, ребята только вошли на палубу, он тут же отчалил и направился в сторону Баренцева моря.

Катер возвращался на базу после удачного задания. Толик стоял на палубе и с интересом разглядывал двух связанных немцев. Один из них был офицером, худым и длинным очкариком, другой рыжим, толстозадый ефрейтором. У одного из разведчиков, Толик обратил внимание, кровавой повязкой была перевязана рука. Разведке повезло, она возвращалась без потерь, не считая этого раненого бойца, так думал Толик. После того, как катер пристал, разведчики сошли на берег, к Толику подошёл Яшка:

– Разведке не повезло. Радист погиб. Старший разведчик по рации передал.

– А я думал, у них только один раненый боец.

– Петух думал, да в суп попал. На войне как на войне. Вот так, Толик.

– Ладно, разбегаемся. Терebilко на нас косится. – Они разошлись в разные стороны.

* * *

Весь день не прекращался дождь, мичман Терebilко заставил молодых матросов Холмогорова и Ройзмана навести порядок в моторном отсеке, хорошо поработав, ребята решили сделать перекур:

– Яша, тут такое дело, хочется попасть в Мурманск, – начал разговор Толик.

– Мне тоже хочется, сам понимаешь, – намекнул Яшка на Зою.

– Как быть? Всё равно стоим. На море сильный шторм идёт. Зарядил на несколько дней.

– Терebilко завтра хотел съездить в Мурманск, получить радиолампы для рации. Таков имеется повод.

– А если нам съездить вдвоём?

– А кто нас двоих с ним отпустит?

– Я не помню, с какого времени не были в увольнении.

– Да, давно. У самого Брагина нужно отпрашиваться за лампами. Только тебе надо сказать – мол, к невесте хочу сходить и с ней пойти в загс, пока стоит такая погода, может, отпустит. – Они ещё немного посидели и разбрелись доделывать незавершённую работу.

Брагин Толика отпустил до 17.00, чтоб он получил радиолампы и сделал личное дело. Получив лампы со склада, он не просто шёл, а почти бежал к Гале. После той встречи только раз успел позвонить, правда, она оказалась на операции. Толик подходил к госпиталю, как его окликнул с небольшим акцентом заросший старик:

– Молодой человек! Ви мне не подскажете, где здесь находится детский дом? Внука Ёську хочу оттуда забрать.

– Папаша, извините, я тороплюсь!

– Мойше тоже торопится, а Абрам нет. Как говаривал друг мой Жора: «Извините, но, к сожалению, я ничем не могу вам помочь...».

– Вы еврей?

– Зато ви, наверно, Папа Римский.

– Это вы зря!

– А шо зря? Я одессит. Лично знавал Мишку Япончика, правда, его давненько расстреляли. Ты ведь тоже еврей, и не говори, шо не так.

– Никогда бы не подумал, что здесь вас встречу – одесского еврея.

– А ты не думай, знай Абрама Моисеевича Фурмана. Таки это я!

– А я Толик из Томска.

– Постой, постой! Сибиряк?

– Да!

– Сибиряков люблю. Отважный народ.

– А вон девушка идёт, спросите её. – К ним торопливо подходила Галя, Толик обратился к ней:

– Скажи отцу, где здесь у вас находится детский дом.

– Пусть зайдёт за угол госпиталя и пройдёт немного. На здании увидит вывеску «Мурманский детский дом № 1». – Старик приподнял шляпу и двинулся в том направлении, куда ему указала Галя, а она заговорила:

– Ну, здравствуй, грузин!

– Здравствуй!

– Мне девчонки сказали, что ты звонил. Зоя сегодня дежурит, пойдём в нашу комнату.

– Мне к 16.00 нужно быть на складах, оттуда машина пойдёт на базу, – и они торопливо направились к госпиталю.

* * *

Северное сияние... Глаз не оторвать от такой красоты, Толик буквально вот-вот заступил на вахту, сменив Кошкина. Он вышел из рубки и любовался разноцветными оттенками неба. Кругом стояла тишина. Вода спокойная, практически не колыхалась, волн совершенно не видно. Толику становилось холодно, и он вошёл в рубку, по-хорошему лечь бы отдыхать, но служба есть служба. Совершенно озяб, присел возле печки и грел руки. Глядя в замёрзший иллюминатор, вспоминал о своей жизни.

Уже в тринадцать лет добился авторитетного достижения: ко дню рождения одноклассника Валеры Чернова сшил рубаху. Толик с одиннадцати лет помогал отцу, кроил всё то, что тот мог после его кройки пошить. Отец был высококлассным портным, у него шили костюмы профессора и партийные работники. Он никому не отказывал. А когда война началась, отца вызвали в райком, сказали: шить будешь на своей машинке рукавицы для бой-

цов. Материалом и нитками обеспечат. На третий день машинка почему-то сломалась, пришлось райкомовским работникам привезти другую.

Заколыхалось небо разными цветами, Толик отвлекся и начал вглядываться в иллюминатор, но всё быстро прекратилось, и он снова впал в воспоминания.

Интересной личностью оказалась Галя. Из семьи омского священника. Она одна из четырёх детей, которая пошла не тем путём, как хотелось её родителям. Связалась со шпаной, вела разгульный образ жизни, убежала из дома, попав в детскую колонию, сбежала оттуда, бродяжничала с цыганами. Вот такой числился за ней букет. Чекисты Галю взяли на квартире с одним партийным начальником, а выследила и сдала их его жена. По приговору суда могли отправить в лагерь, а тут началась война, они оба напросились на фронт, что их и спасло от наказания. Галя во время артобстрела на третий день пребывания на фронте получила ранение в ногу, попав в госпиталь, вылечилась, но вместо фронта её отправили в Мурманск. О её родных Толик узнал следующее: отца и мать вместе с братом Тимофеем расстреляли, старшая сестра Фрося выскочила замуж за лётчика, когда учительствовала под Омском. В первые дни войны муж Фроси Андрей погиб. О средней сестре Наде Галя вообще нечего не знала. Случайно в госпитале увидела знакомую, та ей передала, что якобы видела Надю с англичанами здесь, в Мурманске, та им переводила на русский язык. Галя несколько раз приходила к особняку английского атташе, надеялась увидеть сестру, но всё безуспешно.

С такими мыслями Толик прикорнул возле печки, видимо, не выдержав своего веса, наклонившись, падая, вскочил на ноги. Из ведра черпанул пригоршню воды и плеснул в лицо, тем самым себя освежил. Носовым платком вытерся, и присел возле печки, вглядываясь в иллюминатор.

* * *

Первое января выдалось морозным, северное сияние зависло над заливом. У Толика сегодня день рождения. Они с Яшкой почти два года воюют на катере Северного флота. Вся команда

собралась, сидят и ждут тост от именинника, Толик встал:

– Спасибо, что вы пришли и поздравили меня с днём рождения! – раскланялся он, и присутствующие молча подняли кружки, выпили.

– По такому случаю я тебя отпускаю в увольнение до самого утра, но к восьми часам чтоб был, как штык, на месте, – с улыбкой проговорил Брагин.

– Есть! – ответил смущённо Толик.

Толик уж было подходил к КПП базы, как его догнал запыхавшийся Яшка:

– Зое передай, – я завтра на вахте дежурю, попробую через волну выйти на коммутатор. Один кореш меня так научил. – Хлопнув Толика, Яшка пошёл восвояси.

Толик с Галей лежали, обнявшись, на топчане под стежёным одеялом, рядом топилась буржуйка, было тепло, они тихонько разговаривали:

– Заходил в магазин, первый раз увидел леденцы в продаже. Купил. Когда пойду, тебе половину оставлю. Будете с Зоей пить чай.

– Спасибо! Да когда нам пить с ней чай, много раненых везут. Говорят, скоро наступление начнётся.

– Да, говорят...

– Не знаю, сказать, не сказать? Зоя-то беременная.

– Ну цыган! Ну даёт! А ты когда мне родишь?

– «А всё в своё время», – так мой отец говорил прихожанам.

– Яшка знает о Зоиной беременности?

– Нет! Она пока молчит, но скоро к матери поедет рожать.

Шестой месяц пошёл.

– Ох и зря молчит. Только не говори: «молчание – золото».

– Кому как.

– А при чём тут «как»? Лучше раньше, чем никогда.

Задрезжал звонок будильника. Шесть часов утра. Толик соскочил с топчана и стал торопливо одеваться, надевая бушлат на ходу. Галя вылезла, босые ноги сунула в валенки, прошла к двери. Ключом открыла, и выглянула наружу, позвала Толика. Он её притянул, поцеловал и сразу исчез за дверью.

Послеобеденное время. Толик с Яшкой сидели в рубке и вели разговор:

– Яшка, ты знаешь, что Зоя беременная? – зыркнул недовольно на него Толик.

– Америку открыл. Да уже на третьем её засёк. На солёненькое Зойку потянуло. Я же цыган как-никак. – Яшка гордо глянул на Толика.

– Ты ещё молодой. Специальности практически нет. Семью обеспечивать надо.

– Специальность у цыган одна. Коней стану воровать, – и он рассмеялся.

– Я тебе серьёзно! А ему смешно.

– Я когда в школе учился, то посещал радиокружок, так вот учитель физики Сергей Петрович меня постоянно хвалил и ставил в пример, я даже техникум успел закончить на радиомастера. Почему и радистом числюсь на катере. Короче, я на ней женюсь. У нас с ней серьёзно, родит пацана, твоим именем назову. – Они ещё немного посидели, и Толик вышел из рубки.

* * *

Май на севере ничем не примечателен, считается самым тёплым весенним месяцем в здешних местах. Толик с Яшкой разделись до тельняшек, старательно работали, ровно час назад им дал такой приказ – покрасить – мичман Терebilko. За зиму корпус облупился, вот и решили обновить свежей краской. Подустав, они уселись и стали курить:

– Чего там слышно про Зою?

– Уже родила сына. А у вас как там с Галей?

– Ти-ши-на... – почему-то по слогам ответил Толик.

– Эх, скорей бы кончилась война...

– Значит, к ней поедешь? А как её родня тебя встретит?

– Я тебе уже говорил... – но тут их отвлекло воронье «Кар...». Две вороны подлетали к катеру. Толик с Яшкой глянули на них. Первым заговорил Яшка:

– А воронёнок не промах, невесту заманил на катер. Придётся двоих кормить, а там и всё их потомство.

– И всё ты знаешь!

– Дед когда держал ворона, того нечаянно младшая дочь, мне она тёткой доводится, выпустила на волю, так он через два месяца вернулся в табор. И не один, ну, а потом, сам понимаешь, потомство.

И действительно то, что говорил Яшка Толику, сбылось на самом деле. Воронья чета несколько месяцев летала на катер затем, чтоб пожитьяся. Кто-нибудь из команды обязательно сунет им съестное, они не забывали, что ворон когда-то предотвратил взрыв мины.

* * *

Толик открыл глаза, перед ним склонилась Галя и улыбалась:

– Ну что, проснулся? Трое суток спал, иногда во сне метался.

– Ничего не помню. Погоди, вспомнил. В море нас атаковал немецкий крейсер, палил, мы ему были мишенью, потом пустил торпеду, и она подорвала наш «сторожевик». – Толик тяжело задышал, закрыл глаза, как бы отключился. Галя вытерла ему лоб и торопливо вышла из палаты.

Ночью Толик проснулся от сильного кашля, прокашлявшись, хотел было встать, но не тут-то было, всё тело ныло. Он лежал и ощущал резкое покалывание в ногах. Пробыв около двух часов в ледяной воде, он получил переохлаждение всего тела. Оказывается, Толика спас ворон, тот увидел катер соседей по пирсу, подлетев к нему, разорался: «Полундра!». Они его подобрали, а прибыв на базу, отправили сразу в госпиталь. А чтоб выполнить задание, два «сторожевика» сопровождали группу морских пехотинцев. Катер старшего лейтенанта Брагина первым справился со своим заданием, а у другого, под командованием капитана Синцова, выходя на возврат, домой из пролива, заглох двигатель. Моторист почти два часа промучился, чтоб завести двигатель, и кто знает, может, это и спасло экипаж капитана Синцова. Толик не знал, сколько ему предстоит лечиться в госпитале, а сейчас он пока лежал и обдумывал своё положение.

Почти два месяца прошло после того случая. Всю команду катера СК-13 наградили посмертно орденами Красной Звезды,

только матроса Ройзмана, одного из всех, оставшегося в живых, должны завтра выписывать, а вернее, комиссовать подчистую. Диагноз, перешедший от воспаления лёгких в астму, дал знать: не курить, не нервничать, одним словом, вести нормальный образ жизни. Такой вердикт получил от врачей Толик.

Они шли вместе, она к нему прижалась, и он нежно её обнял. Толик шёл, иногда прихрамывал. Они уже проходили рынок, он обратил внимание на высокого старика в шапке и длинном пальто, который близоруко рассматривал, держа в руках, потрёпанную книгу, возле него стояла пустая клетка, глобус и несколько стареньких книг.

– Сколько стоит ваша клетка?

– Полбулки хлеба.

– Хм! – хмыкнул Толик. – А что так?

– Не хотите, так не берите. Я всю жизнь проработал учителем географии, Хотя учился на геологическом факультете, попал на практику в эти края. А тут учительница возьми и выскочи замуж, уехала в Орёл. Меня начальник экспедиции вызвал: так, мол, и так, говорит, надо помочь школе. У тебя свежие знания, давай дерзай. Месяц поучил, мне понравилось, перевёлся на географический факультет. Меня все дети, которых я учил, всегда вспоминают с благодарностью. Клетку не хочу дома держать, в ней мой друг умер, скворец Гриша. Я его подобрал птенцом, дожил у меня до семнадцати лет.

– Ладно, отец, держи буханку, а мне отдай клетку, я буду там держать ворона Яшу.

– А много не будет за клетку?

– Бери, и не стесняйся.

– Спасибо! – сложив книги в портфель и взяв своё хозяйство, сутулясь, старик направился в другую сторону.

На перроне многолюдно; спешит народ, торопится. Толик с Галей стоят, друг на друга смотрят, вдруг засвистел и закричал дежурный по станции:

– Отправление поезда через минуту! Всем отъезжающим – по вагонам!

Они поцеловались, и Толик спешно полез, расталкивая толпу, с пустой клеткой и вещмешком. Засвистел паровоз, тронулся с

места, он легко прыгнул на ступеньки тамбура. – Пиши! – только и успел прокричать Гале, та махала ему рукой, слезинки катились по щекам. Народ рассосался, она осталась стоять одна.

– Эй, красавица! Дай погадаю на судьбу твою. – Перед ней вдруг, откуда ни возьмись, предстала старая цыганка с трубкой. Галя оживилась и тихо ответила:

– А зачем? Если про его друга, то не вернёшь, а у нас с ним всё будет хорошо, – и она замолчала.

– Ладно, я тебе так скажу: родишь ему сына. Почему не сказала, что скинула мёртвую пятимесячную девчонку. А?

– Откуда вы об этом знаете?

– Знаю, знаю. Бабушка Венера всё знает. Да, ты его дольше проживёшь, он умрёт вперёд тебя, но ты его береги, – и она пошла.

Толик ехал вторые сутки, уже подъезжал к Ленинграду. В окно кто-то стукнул несколько раз, он встал и приоткрыл окно, выглянул. В окно влетел ворон, и с ним поздоровался, сказал: «Кар». В вагоне всполошились. Чтоб паники не было, Толик стал всех успокаивать, кое-как успокоил:

– Ворон учёный, мой друг его птенцом подобрал и вырастил. Правда, сам недавно погиб. А куда его девать прикажете? – На защиту ворона встал пожилой капитан второго ранга.

– И действительно, чего испугались? Он никого не покусал, пусть себе живёт. – В ответ ему ворон только каркнул, все засмеялись.

– Ты понял, Яша, сам капитан второго ранга за тебя заступился, – серьёзно сказал ворону Толик, тот встрепенулся и тут же вылетел. Сидевший напротив старичок с умными глазами проговорился:

– Вы его, наверно, напугали? Ворон не прилетит, – старичок внимательно посмотрел на Толика. – Нет, прилетит! – улыбаясь, твёрдо проговорил Толик, и глянул в окно. Рассвет. Вставало солнце. Замелькали серые здания, многие из них разбитые войной. Отсюда начинался Ленинград. Здесь Толик сделает пересадку на Москву, а оттуда поедет дальше домой, в Томск.

ОСЕЧКА

Нынче выпал первый снег и не растаял, а наоборот валил целые сутки. Уже стемнело, Ванька при керосиновой лампе внимательно осматривал каждый патрон и запихивал в патронташ. Он их сортировал – по насечке с картечью, а с дробью без насечки. Брат Ванькин, Егор, вышел во двор покормить собак перед походом в тайгу.

Братья Петровы шли осторожно друг за другом, как бы наощупь, по старой тропе, которая уводила их вглубь тайги. Собаки, почуяв свободу, носились взад-вперёд. Набегавшись, псы успокоились; каждый из них, аккуратно ступая в снег, немного проваливался под своим весом. Пока шли, стал выпадать свежий снежок. Они заторопились и ускорили шаг, до дедовой заимки оставалось совсем ничего. Братьям заимка досталась по наследству от их деда Матвея, он воспитывал их с малых лет. Родители случайно погибли под колёсами грузовика, поехали в город и не вернулись оттуда живыми. Гнал пьяный лихач через перекрёсток и налетел на родителей. Скорбный исход.

Заимка. Внутри топится печка. Тепло. Ванька при свете свечки рассматривает лыжи, Егор сидит у печки и курит:

– С утра ходим на озеро. Может, кого-нибудь подстрелим,
– высказал Ванька свою версию.

– Сомневаюсь? Видишь, снег идёт! – сомневаясь, предположил Егор.

– Сохатым всё нипочём, – не унимался Ванька.

– Хорошо! Сходим туда, – закончил разговор Егор.

Братья Петровы – близнецы. Егор первым вылез из чрева матери, вырос коренастым и спокойным увальнем, стал настоящим мужиком. Ванька, наоборот, шустрый и заумный мужичок. В шахматы обыгрывал всех в посёлке, когда учился в школе. Оба холостяки. Жили в дедовом доме. К охоте их приучил дед Матвей.

Рано утром братья вышли, снег уже не шёл. Немного ударил морозец. Застыла тишина. Братья спокойно шли до самого озера. Псы на этот раз вели себя беспокойно, если падал снег с веток, они сразу начинали нервничать.

На озере братьям повезло. Убили зайца и подстрелили селезня, и с этими трофеями решили вернуться на заимку. Они решили идти другим путём. Проходя завал леса, собаки настороженно себя повели:

– Что-то мне не нравится их поведение. Давай обойдём с другой стороны этот завал, – С сомнением высказался Ванька. Егор ответил:

– Не торопись! Это ОН. Чую всеми кишками.

Как охотникам братьям Петровым повезло – наткнулись на берлогу, а так как не было лицензии на отстрел медведя, за ней придётся вернуться в посёлок. Охотниками они были неплохими. Решили братья царя тайги убить на месте. Бумагу братьям Петровым сделает егерь Михалыч. Делов-то, пол-литра и хорошая закуска. В конце концов, они не браконьеры.

Собаки лаем выгнали медведя из берлоги. Потревоженный зверь ринулся на Ваньку, тот вскинул ружьё и хотел выстрелить в медведя, но не тут-то было. Осечка. Молодой пёс Шарик отскочил с лаем подальше от берлоги, Трезор, старый пёс, наоборот кинулся под брюхо медведю, тот, об него спотыкаясь, падая, лапой успел снести ему полчерепа. Егор успел произвести выстрел дуплетом, медведь замертво упал в сугроб, труп Трезора лежал

рядом. Медведь оказался четырёхлетком и весил почти двести килограммов.

В посёлке братья Петровы сделали небольшой праздник, созвали друзей и хороших знакомых. Уже сидя за столом у себя дома, Ванька прокомментировал так:

– Хотите верьте, хотите нет. А перед тем, как идти на охоту, лично сам проверял ружьё на холостой выстрел. Трезора жалко, если бы не он, не сидеть мне с вами. Шарик молодой, хватку имеет, опыта мало.

Мужики сидели, и никто ему не стал возражать, момент истины. Раз в год может и палка выстрелить, а об осечке вообще не может быть речи. Трезора хорошо знали, пёс толковый был. Вот и пойми, в чём здесь истина.

ПОДПАСОК

Николай Степанович внимательно разглядывал экспозицию китайской выставки. Проходя мимо полотна, где изображён мальчик, пасший овец, сразу обратил внимание на этот шедевр. Автором картины «Подпасок» являлся некто Цзян Хуэй. Такую надпись на русском языке Николай Степанович прочёл внизу картины. Через некоторое время вышел на свежий воздух, и сел на скамеечку. Рядом на черёмухе залиvisto пела пичуга. Майское солнце согревало окружающую среду. Наплыли воспоминания о тех суровых, давно ушедших днях...

Война началась неожиданно. Степана Николаевича, рослого и крепкого мужика, отца семейства Седельниковых, забрали в первые дни. Год прошёл – о нём ни слуху ни духу. Жена, Татьяна Васильевна, постоянно выходила встречать почтальонку. Та при встрече только мотала головой. А на руках у матери – он и две сестрёнки-близняшки, Катька с Ольгой. Три рта нужно обязательно прокормить, несмышлёныш Колька, как мог, старался помочь матери. Чаще всего сидел с сёстрами и водился с ними. По просьбе матери иногда детей проводывала соседка, старуха Агафья. Мать уходила на ферму и работала допоздна.

Как-то июльским утром в избу Седельниковых вошёл бригадир. Наглый, на вид здоровый мужик из соседнего села, Пётр Фомин, у которого имелась бронь.

– Я вот что скажу тебе, Татьяна: с завтрашнего дня чтоб твой малец работал подпаском у Митьки Васильева.

– Ты что, сдурел? Ему на днях исполнилось всего ничего – пять лет. Какой с него работник?

– Мужики на войне, вот и пушай пашет, поможет стране. Если не выйдет, я его как врага народа сдам куда следует. Пастух Лёшка Никитин пошёл со своей бабкой Анисьей к святому ключу, они уже было вылезли из-за «колючки», а часовой возьми и стрельни в него, и убил наповал. Митьке нужен помощник. Кстати, пайку твой сынок будет получать сполна, а она не лишняя для семьи. – Мать села и заплакала. Колька подошёл к ней и стал её гладить:

– Мама, не плачь. Я выйду на работу, – сказал он, и сразу встрял Фомин.

– Вот и правильно. А ты, мать, не распускай мокроту, давай собирайся и дуй на ферму.

Когда выходил, громко хлопнул дверью. Мать встала и тихонько пошла следом за Фоминым. Колька вслед ей посмотрел. Сёстры испуганно прижались друг к другу и недоверчиво поглядывали на брата.

– Слышали? Смотрите у меня! – И погрозил сёстрам пальчиком. Катя с Ольгой переглянулись между собой, подняли рёв. Колька кое-как успокоил сестёр.

Деревня, в которой жил Колька с сёстрами и матерью, всего-то состояла из двадцати с лишним дворов. Народу было тут совсем ничего, остались бабы со старухами и малыми детишками. Всех мужиков забрали на войну. Почти половина домов пустовали, несколько неблагонадёжных семей в тридцать седьмом году успели сослать в Сибирь. В колхозе работали кто мог, а если кто не мог, того отсюда совсем выселяли. Природа в здешних местах необыкновенная и притягательная. В стародавние времена тут водился разный зверь. Сюда приходили жить чаще всего затворники, и местность потом назвали Оптиной пустыней. Перед самой войной сюда приехали военные, и начали ограждать территорию, там, где находился монастырь со святым источником. Всех монахов повыгнали, книги и утварь вывезли в неизвестном направлении. Территорию монастыря сделали закрытым объектом, но всё равно настырный люд прорывался любыми способами через «колючку» к источнику.

Утром следующего дня мать подошла и начала будить сына: «Вставай!».

Заспанный Колька нехотя откинул старое, всё в заплатках, одеяльце. Встал на пол босиком и шагнул за дверь. Пришёл с улицы и уселся за стол:

– Мама, дай чего-нибудь поесть! – мать налила кипятка в кружку и выдала ломоть хлеба. Расправившись с завтраком, Колька встал и, подпоясав верёвкой штаны, сказал: «Ну, всё, я пошёл», – и без оглядки направился к выходу. Мать лишь покачала головой, успела сунуть краюху хлеба в карман дедовского пиджака, который нескладно висел на сыне. Возле двора Седельниковых Кольку ждал Митька, худощавый, в веснушках, семилетний парнишка. Увидев его, поторопил: – Давай быстрее. Скот нужно выгонять на пастбище, – пошёл быстрым шагом в сторону фермы, Колька торопился за ним.

А коров осталось полтора десятка голов, – оголодавшие и исхудавшие за зиму. Кого-то выгоняли уговорами, кому-то доставалось прутом. С горем пополам, но всех до одной выгнали на пастбище. Стадо паслось в небольшой ложбинке рядом с фермой, а через дорогу было засеяно рожью поле. Мальчишки расположились возле старой ивы, решили пообедать. Колька вытащил ломоть хлеба, а Митька несколько перьев зелёного лука. Перекусив налегке, Митька вынул из кармана замусоленные карты и предложил Кольке сыграть с ним:

– Тут, в игре, всё просто. Шестёрка козырная бьёт туза. Я тебе подскажу, если неправильно сходишь.

Колька не стал с ним спорить: Митька старше, ему видней. Тот растасовал карты, и начали играть в подкидного дурака. Они так увлеклись игрой, что не заметили, как скотина зашла на поле. В это время ехал Фомин, первым делом плетью выгнал скот. Подкравшись сзади, начал хлестать и костерить ребят. Мальчишки соскочили с места и бегом врассыпную, кто куда. Митька сразу рванул на ферму. Колька упал и благим матом орал на всю округу, разъярённый Фомин жестоко хлестал по его маленькому тельцу. Мимо ехал начальник караула объекта с двумя шпалами на петличке, седоватый и высокий мужчина. Увидев такую картину – здоровый мужик избивает маленького парнишку, – остановил машину. Подошёл сзади и выхватил у Фомина плеть:

– Я тебя сгною, в штрафбат отправлю. Сука тыловая, – и правой рукой наотмашь врзал в челюсть, тот как подкошенный упал.

– За что?

– Чтоб руки не распускал, лоб здоровый. Ты почему не на фронте?

– У меня броня.

– Завтра у тебя её снимут. Я тебе обещаю.

– Вы не имеете права.

– А у тебя есть право бить малолетку?

– А он подпаском у меня работает в колхозе.

– Ты, что с ума сошёл? Ему сколько лет?

– Пять, – ответив, не моргнув глазом, Фомин тут же встал.

– Я везу приказ, чтоб вас отсюда переселили в соседний район, а коров под нож для фронта. Если сам не можешь, пришлю своих ребят. Нам отдали деревню под военный городок, поле пустим под картошку или другой овощ. – Начальник вытащил из планшета и дал Фомину прочитать бумагу. Подбежала мать, схватила и прижала к себе Кольку. Стояла и успокаивала его, глядя по голове: «Всё хорошо, Коленька, всё обойдётся!». – Сын хныкал и посматривал на Фомина, тот, не глядя ни на кого, тут же вернул то, что ему дали прочесть:

– Они с Митькой должны пасти скот, а скотина залезла в рожь. Я, может, и не прав, что руки распустил, но они явно занимались вредительством. Потрава ржи скотом.

Майор спокойно ответил: «Лучше забудь. Мы уберём рожь. Кстати, два письма вёз для Седельниковой и Фроловой. Вот они».

Действительно, у него в руках оказались два белых «треугольничка».

– Я Седельникова, – Колькина мать протянула руку, майор молча ей отдал письмо.

– А можно, отдам Фроловой? Она там осталась на ферме, убирает навоз.

– Бери. – Он передал ей второе письмо...

Через месяц пришёл отец с фронта. Комиссовали. С простреленной ногой. Хотели отнять, но оперировал его классный

хирург, всё сделал, чтобы оставить ногу. Только на фронт уже никак нельзя было идти воевать. А сколько радостей и слёз мать пролила, когда отца живым увидела! А Фроловой не повезло – мужик ей послал письмо, а потом погиб при задании. Через несколько дней после письма она получила похоронку. А что касается главного героя моего рассказа – Колька с того раза по сей день заикается. Мать что только не делала, и к бабкам его таскала, и на святой ручей, но всё понапрасну.

Вспомнив этот случай из того времени, Николай Степанович привстал и направился по дорожке. Недалеко в кустах распелась пичуга. «Ох, как славненько поёт!» – подумал он.

СНЕГУРОЧКА

Накатывают друг на друга небольшие серые волны по Финскому заливу. Вдалеке летают чайки и тревожно кричат. Возле берега шуршит галька. Поверхности дюн поглощают остатки солнца, отсвечивают золотистыми тонами и смешиваются с зеленью трав. На берегу развешаны сети, рядом с десятком перевернутых лодок. На скальной поверхности возвышается одинокий белокаменный маяк. В стороне стеной встал корабельный лес из сосен, к нему приткнулся рыбацкий хуторок. Белокурая четырёхлетняя девочка присела на прибрежный камень и рассматривала сооружённую из песка форму башенки...

Хельга, широкая в кости блондинка, возрастная женщина, в телогрейке и валенках с галошами, стояла перед вылепленной фигурой медведя и почему-то улыбалась, вспоминая своё детство на побережье Балтийского моря. И так перед каждым Новым годом лепила из снега фигурки зверей с Дедом Морозом и Снегурочкой во дворе детского сада, где числилась дворником. Может, за это её и прозвали Снегурочкой. Или за внешность: бледная кожа, белёсые волосы и голубые глаза. Хельга малообщительна и неразговорчива, и редко улыбалась.

Подходил юбилейный день рождения Хельги. Собрался весь коллектив в кабинете у заведующей детсадом Нины Ивановны. Поздравили, и вручили Хельге от профкома чёрно-белый телевизор за многолетний труд в детском саду. Уже у себя в комнате, вечером, Хельга включила телевизор. Шёл концерт с Георгом Отсом. Хельга внимательно слушала и смотрела, что происходит на экране, а когда он запел на эстонском языке, она не выдержала и заплакала. Ностальгическая горечь накатила. Да, родина её осталась там, – маленькая Эстония.

Хельга вспомнила случай: собирая грибы в лесу, встретила двух странных дядек в потрёпанной одежде, с оружием. Она с ними поздоровалась на эстонском языке, бородастый верзила угрозил Хельге пальцем. Жест его означал «ты нас не видела». Через неделю на хутор заехала машина, вошли военные люди, арестовали и увезли родителей, а с ними старшего брата Иво, якобы за пособничество «лесным братьям». Она, четырнадцатилетняя девчонка, осталась с младшей сестрёнкой Аннетой. Собрав пожитки, они направились к родному деду Мартину Сааку, смотрителю маяка. Не прошло и полгода – забрали сестёр как врагов народа. Посадили этапом в вагоны, и напрямик в Сибирь. По дороге Аннета заболела и умерла. Конечной станцией для Хельги оказался Красноярск. А дальше посёлок на берегу Ангары. Поселили в барачном доме.

Хельга не могла заснуть, смотрела в потолок, хотелось вспомнить хорошее: она маленькая девочка, лежит в кроватке, а мама ей тихонько напевает колыбельную песню о том, как ветерок стучал в окошко, мешал маленькой девочке уснуть, она взмолилась, и он перестал хулиганить, после чего она, закрыв глаза, засыпает. Приятный сон пришёл.

Сегодня последней фигурой она выбрала Снегурочку. Мороз крепчал, Хельга едва успевала греть руки, засовывая в карманы телогрейки, а лепила она голыми руками, как ни странно, и вот наконец фигура из снежной массы предстала перед ней. Облив тщательно водой, она отошла назад, посмотрела на своё творение. Она пригляделась – Снегурочка действительно походила чем-то на неё, Хельгу.

...Это произошло за несколько лет до ареста её родителей и брата. Колодец, откуда брали воду, нужно было почистить. Углубляя выемку дна при чистке, наткнулись на глину. Отец видел, что Хельга лепила из песка, из мякиша хлеба, даже из творога – то, что могла. Он принёс и отдал ей огромный кусок глины. С тех пор она старательно вылепляла разнообразные фигуры, чем-то походившие на людей и зверей. Всё это было там, в прошлой жизни.

Хельга сидела за столом, два раскрытых конверта перед ней лежали; она держала перед собой листок бумаги, в нём сообщалось, что всю семью рыбака Ирвина Саака посмертно реабилитировали. Вот такой печальный исход сообщения. А в другом письме, пришедшем от племянницы Эльзы, было следующее: почтальон Верпу через несколько лет после их ареста пришёл и сознался деду Сааку в своей подлости по отношению к семье сына. А дед, не будь дураком, заставил почтальона написать бумагу с его признанием. Он знал, что семья сына к «лесным братьям» никакого отношения не имела. Почтальона запугали, а он от боязни, чтоб не отправили в Сибирь, взял и ляпнул. Подло и несправедливо – таков вывод. В этом письме Эльза звала Хельгу оставить Сибирь и переехать в Эстонию. Там теперь всё по-другому, по-новому. Хельга сидела и думала. Она много лет прожила в Сибири. Уехать отсюда? Нет, надо подумать и ещё раз взвесить, нужно ей это или нет.

САКСОФОНИСТ

Тимофей встал, не обуваясь, босиком прошёл на кухню к крану и с жадностью припал к струйке воды. Напившись, отошёл, присел на табурет: «И чего мы вчера пили? Бормотуху? Нет, что-то другое»... – посидев несколько минут, Тимофей так и не вспомнил, какую заразу вчера пил с мужиками. Вернувшись в комнату, прилёг на старенькую софу. Воспоминания закружились, словно пчёлки: а как всё было хорошо, как его, подростка, обучал в музыкальной школе на саксофоне худощавый старик немец Франц Георгиевич Каспер. Он постоянно надевал пенсне, когда они разучивали ноты, и вместе с ним напевал мелодии. Уже в то время Франц Георгиевич в нём видел одарённого ученика:

– Ты хороший мальчик. Будь молодцом! Не валяй дурака, вникай, учись.

Стать хорошим музыкантом – нужно иметь талант, как раз всевышний и наделил Тимофея этим даром. После окончания школы он без вступительных экзаменов поступил в музыкальное училище. Окончив, попал в ряды Советской Армии. Отслужив, Тимофей вернулся домой и трудоустроился в городской симфонический оркестр. Проработал там больше десяти лет, но из-за неоднократных прогулов Тимофея попросили написать заявление на увольнение. Кое-как сводя концы с концами, устроился дворником, и даже какое-то время практически не пил. И, чтоб не потерять квалификацию музыканта, Тимофей выходил на Плева-

новский рынок и выступал в качестве уличного музыканта. Правда, в последнее время уходил в запой.

Возник серый кот, выгнув хвост трубой, закрутился возле софы. Тимофей вспомнил, что не кормил Ваську. Нехотя встал, прошёл к холодильнику, открыл. Там кроме пакета кефира ничего не было. Прошёл к миске и налил кефир. Кот подбежал и начал с жадностью лакать. Напившись, Васька отошёл в сторону, расположился умываться. «Ну вот, опять жди незваного гостя!» – подумал Тимофей и посмотрел на умывающегося кота. Действительно, в дверь кто-то громко постучался, и так несколько раз. Тимофей спросил: – Кто там? – Не дожидаясь ответа, открыл дверь нараспашку. На пороге стоял долговязый и худой алкоголик Колян, мужик средних лет.

– Ну, проходи, что ли... – Тимофей пропустил гостя и захлопнул за ним дверь. Они прошли в комнату. Колян из внутреннего кармана вытащил бутылку с мутной жидкостью.

– Ну и где посуда? Налить? Щас налью, – на его худом и небритом лице появилась безрадостная улыбка. Тимофей вышел и через некоторое время принёс два стакана, поставил их на стол. Колян тут же разлил из бутылки, и махом выпил. Тимофей без энтузиазма пропустил стакан. После чего почувствовал жжение, и его затошнило. Он только успел дойти до туалета, как его вырвало.

– Не пошла, зараза, – вслух сказал сам себе Тимофей и снова направился в комнату, где ждал его Колян.

– Слушай, а где ты эту дрянь взял? – спросил Коляна Тимофей.

– Да у Надьки Косой, – спокойно ответил Колян. – Она же продаёт для своих мужиков. А что, не пошла? У меня, как видишь, всё нормально. Ладно, я пойду. – Он вышел, даже не попрощавшись с Тимофеем.

«Ох уж эта Надька! Участковый тоже хорош! И мы молодцы, не смотрим, чего берём у Надьки». – Просто нехорошо подумал Тимофей о визите Коляна.

Он прилёг на софу, и снова его стали одолевать воспоминания.

Отец Тимофея, Степан Григорьевич Кравцов, проработав всю жизнь на заводе простым мастером, так и не смог получить благоустроенную квартиру. Даже получив инфаркт, отец ни в какую не хотел ложиться в клинику мединститута. Врачиха скорой помощи кое-как его уговорила. Пролежав там пару недель, отец сбежал. Степан Григорьевич по натуре был упёртым, но справедливым мужиком. Может, поэтому отца не так понимали люди. А что касается матери, Галины Ларионовны, то можно сказать кратко: рассудительная, спокойная и деловая женщина. Она прекрасно следила за семейным бюджетом. Младший брат Петька после окончания геологоразведочного техникума уехал в Магадан. Там и женился на однокурснице Ванде Савицкой, белокурой красавице, польке по происхождению. Да, вот такая была раньше семья Кравцовых.

А когда-то Тимофей собирал народ из близлежащих дворов на свои концерты по большим праздникам, и народ танцевал под его саксофон. Да, были времена, и есть что вспомнить.

Снова перед глазами встала его зазноба, Ольга Забавникова. Невысокая, сероглазая и стройная шатенка, подружка детства. Они росли вместе. Все знакомые предрекали им, что они прекрасная пара, но Ольга не дождалась Тимофея из армии, просто взяла и выскочила замуж за своего однокурсника по мединституту. Причину потом ему объяснила Ольгина подруга Клара: этот самый Дима был родным племянником Михаила Михайловича Кондрашова – профессора мединститута и уважаемого гражданина города, поэтому для дальнейшего роста в карьере была неплохая перспектива. Видимо, такой шанс упустить было нельзя, чем воспользовалась Ольга, а её мать Татьяна Алексеевна в этом сыграла важную роль. Тимофей Ольгиной матери не нравился. – «Неперспективный музыкантишка, он не пара моей дочери», – так она рассуждала в адрес Тимофея. В итоге Ольга выучилась на терапевта и родила двух мальчишек своему Кондрашову. Парни выросли, выучились на компьютерщиков и уехали за границу. Один женился, второй холостяк. Сейчас она с Кондрашовым проживала где-то в Подмосковье. Ох, если бы не мать Ольгина, может, всё по-другому обошлось в их судьбах. А кто знает? Действительно – кто?

Тимофей аккуратно вытащил саксофон из футляра, и поплыла гершвинская мелодия «Колыбельной», когда ему бывало грустно, он брал саксофон и играл её для себя. На этот раз ему было совсем плохо. Проиграв мелодию до конца, Тимофей убрал саксофон в футляр, вышел из квартиры. Пошёл по улице Советской в сторону остановки Плеханова. Ночью прошёл дождик, а утренняя свежесть будоражила тело Тимофея. Он съёжился, приподнял воротник и ускорил шаг, прижимая к себе футляр с инструментом.

Сам рынок располагался по переулку Плехановскому. Одно время там стояли ряды, но их потом заменили киоски и ларьки, чего там только не продавали. Рынок, словно муравейник, начал жить с самого утра и гудел до позднего вечера. Как всегда, Тимофей расположился на своём обычном месте, правда, в конце дня подходил какой-нибудь сотрудник милиции и брал мзду за это место, в зависимости от того, сколько набросают монет. Этот рынок «держала» доблестная милиция, и никому другому не обламывалось на нём хозяйничать. Даже блатные обходили этот рынок стороной. Всё закономерно и понятно. Настроившись, Тимофей заиграл мелодию. Проиграв несколько композиций, он присел на ящик. Рынок проходной, и через него толпа шла хорошо, почему успели ему в футляр накидать. Вдруг услышал:

– Значит, джаз – твоя работа? – Перед ним стоял рослый мужик-франт возрастом под «полтинник», причём с приятной внешностью и озорным взглядом.

– Ну да! – без всякого смущения ответил Тимофей. Саксофон для него был как хлеб насущный, он этим жил.

– В общем, так. Хочешь заработать? Ага, вижу, что хочешь. Моя племянница выходит замуж, а съездить нужно в Новосибирск. Все расходы беру на себя. Короче, если ты весь вечер отыграешь, получишь столько, сколько никогда не зарабатывал. Я давно за тобой смотрю. Джаз – моя стихия. Ну, так как, по рукам? – Он протянул руку, Тимофей, не раздумывая, ответно протянул ему свою и крепко пожал. – Ну вот и прекрасно, а сейчас соберайся и поехали. Вымоем и принарядим как человека. – И мужик направился в сторону улицы Гагарина. Прихватив футляр, Тимофей пошёл за ним. Мужик повернулся к нему:

– Мы с тобой не знакомы. Меня зовут Фролом. Я полгорода держу. Так что, если что, обращайся к белокурой толстушке Розе, которая продаёт цветы на углу Ленина и Плеханова. Там все цветницы её знают.

– А меня – Тимофеем! – ответил Тимофей.

Они дошли до иномарки стального цвета и по очереди залезли в салон. – Так, давай трогай к Матвею на заимку! – приказал Фрол здоровяку шофёру. Автомобиль плавно тронулся с места, и они поехали. Сделав свои дела, Тимофей вернулся домой, накормил кота. Закрыл дверь, включил радио. Лёг до утра.

В Новосибирске всё прошло удачно. Тимофей остался доволен: отработал всего один вечер, получил хорошую зарплату, и, чтоб не скучно было, купил небольшой импортный телевизор с плеером. Сегодня льёт дождь с самого утра. Тимофей включил телевизор, там шла передача-шоу, где Жириновский высмеивал Немцова. Короче, очередная показуха. Он пультом переключил на другой канал, там шёл боевик с Сильвестром Сталлоне. Тимофей лежал, глаза слиплись, и он заснул. А когда открыл глаза, то увидел: напротив него, в углу, стоял бородатый мужик-крепьш, весьма странно одетый – в косоворотке, жилетке, шароварах и до блеска начищенных сапогах. Будто пришёл из сказки, а может, из другого мира. Мужик стоял и улыбался, только глаза поблёскивали.

– Дядя, а ты случайно не ошибся номером квартиры? – задал незнакомцу такой вопрос Тимофей.

– Я хозяин этого дома, купец третьей гильдии Балашов Василь Елизарович. А ты, значит, мой квартиросъёмщик. – Он прошёл и по-хозяйски сел на стул.

– Какой ещё твой квартиросъёмщик? Ты вообще откуда такой взялся? – начал раздражаться Тимофей от такого разговора с незнакомцем.

– Чтоб тебе ясно стало: я отсюда не уйду, это мой дом, по улице Еланской номер двадцать... – он не договорил, но, подумав о своём, заговорил снова. – Я налоги за него аккуратно плачу господам в городскую управу. – Он зыркнул на Тимофея, лишь его глаза вновь блеснули.

Действительно, дом-то этот старинной постройки. Получается, мужик из другого времени сюда прибыл, сидел и рассуждал Тимофей.

– Квартиросъёмщик, а чаво замолчал? Однако синематограф у тебя какой-то странный и бесконечный, – поинтересовался купец, глядя на телевизор.

– Он вообще-то называется телевизором.

– Телевизором? – переспросил купец.

– Я вот думаю: и зачем ты, дядя, ко мне пожаловал? – И, не дав ответить купцу, продолжил: – А знаешь, какой сейчас год? – и Тимофей посмотрел на купца.

– Тысяча восемьсот восемьдесят девятый... – не моргнув глазом, ответил купец.

– Ответ неправильный. Две тысячи третий год, – спокойно сказал Тимофей.

– Да ну! Не бреши, не верю... – не поверил купец.

– Ты как тот Фома неверующий. Ладно. Тебе переодеться нужно, пойдём, прогуляемся. Посмотришь, как мы сейчас живём. Снимай рубаху, я дам тебе чистую, с пиджаком. На вот, держи зажигалку, поразвлекайся, – и, чиркнув разок, сунул ему зажигалку, сам прошёл в другую комнату. Купец с интересом разглядывал зажигалку как диковинку. Покопавшись в шкафу, нашёл то, что хотел:

– Так, скидывай и одевай вот это, – и он отдал купцу то, что принёс.

– Сам-то чем занимаешься? – задал такой вопрос купец Тимофею.

– Да вот на саксофоне играю, – и он вытащил саксофон, заиграл блюз, когда закончил, услышал от купца похвалу.

– Играешь ты хорошо. Жаль, здесь нет скрипача Соломона Каца, и я бы вам подыгрывал на ложках аль на бубне, у нас неплохо получилось бы. Отец родной Елизар Григорьевич на мои скрипичные ученья сказал так: три года дурака, видишь, повалял – и хватит с тебя. Я, конечно, не в обиде, раз было сказано – хватит, так значит, хватит. На том и закончились мои учения. Музыкантом я не стал, но в музыке кое-что смыслю.

– Не факт! – И усмешка поползла по лицу Тимофея.

– Ты мне брось, ладненько у тебя получается, а втроём бы уж как-нибудь осилили, – закончил разговор купец.

– Ну, тогда пойдём прогуляемся, – пригласил купца Тимофей.

Они стояли на улице. Купец с любопытством рассматривал, что вокруг творится. Подошёл к фонарям, неоновый луч, словно прожектор, просвечивал темноту. Свет мягко падал на всё окружение. Насмотревшись вдоволь, купец отошёл и заговорил:

– Поди-ка, китаец придумал это чудо. Нет, немец – они точность и аккуратность соблюдают. – И он глянул на Тимофея.

– Не совсем. Начинал разработкой заниматься российский учёный Яблочков, но довёл до конца эту идею Никола Тесла в Америке. – Тимофей смутно, но помнил, а вот кто неоновыми лампами занимался, так и не вспомнил.

– Знаешь, я потом узнаю, скажем, завтра. – И они пошли дальше. Прошли порядочно. Вышли к Лагерному саду на набережную Томи.

– Видишь, как обмелела Томь. Делай соображения. – Тимофей посмотрел на купца. При полной луне видимость была исключительна.

– А чаво с ней сделали? – на этот раз купец взглянул на Тимофея.

– Видимо, неправильно черпали гравий со дна, – усмехнулся Тимофей.

– Значит, неправильно, – согласился и покачал головой купец.

– Ладно, пошли на мост. – И Тимофей повёл купца дальше.

Они прошли через Лагерный сад и спустились по спуску к мосту. Прошли немного. Остановились, всматриваясь в тёмные воды Томи.

– Крепкий мост! – высказал мнение купец. Мимо проехала небольшая колонна грузовых машин. Они оба посмотрели ей вслед. Время подгоняло. Они торопливо направились в сторону Тимофеева дома. Только они подошли на спуск улицы Советской, их обогнал трамвай. Купец даже удивился от его быстрой езды. –

Отчего так несётся, словно сумасшедший? – И покачал головой. Проходя мимо старинного особняка, купец обратил внимание на табличку «улица Советская»:

– Это с каких пор моя улица стала называться Советской? Я живу на Еланской. – Купец остановил Тимофея и глянул ему в глаза.

– Эх, дядя! С советских времён. Пошли! – Тимофей, не обращившись, пошёл. Купец шёл сзади и всё не унимался:

– Ишь, с советских! Только кто дал им такое право? Я вот смотрю, собор тоже убрали, а чего помешал? – Купец остановился и глянул на сквер, расположенный по всей Новособорной площади, а потом на Городской сад. На этот раз Тимофей ничего купцу не ответил. Они преспокойно дошли до места. Уже в квартире первым заговорил купец:

– Странная жизнь, не всегда понятна, и чаво ей надо. Ты знаешь, как я к вам попал? Не знаешь!

– Без понятия.

– Появился в нашем городе колдун, он может хоть што сделать. Моя баба в гости к нам зазвала. Ей, вишь, приспичило узнать – он мошенник аль настоящий колдун. И решила она меня переместить из одной комнаты в другую. Вот и переместила.

– Попал ты, дядя, я тебе не завидую.

– Да не говори. А чаво я бабу послушал?! А у вас здесь-ка хорошо.

– Ничего хорошего, – недовольно ответил Тимофей.

– Всё механическое, лектрическое... – остановился, не договорил купец.

– А как ты хотел? Сейчас другое время. Прогресс!

А за окном рассветает. Внешний мир настоящим просыпается. Наступает коротенькое затишье. Тимофей взял пульт, включил телевизор. Шла утренняя программа по Первому каналу. Он не заметил исчезновения купца, а когда спохватился, было уж поздно: тот как в воду канул. «Что пришло, то ушло», – невольно усмехнулся Тимофей.

* * *

Две недели пролетели незаметно. Тимофей, как обычно, каждый день отправлялся на рынок, и в этот раз он только расположился, как услышал мужской тенор: – Привет, Тимоха! – Он приподнял голову и глянул на того, кто ему передал привет. Напротив стоял мужик средних лет в кожаном пиджаке и чёрных джинсах – старый знакомый Семён Максимцев ему протягивал руку. Тимофей тут же ответил дружеским рукопожатием. Семён сразу завёл разговор:

– Я смотрю, ты тут завсегдаем стал.

– Мне выжить нужно, сам видишь, как я выживаю.

– Серьёзный случай. Вечером приходи к «Вечному зову». Поработаешь. Короче, приходи, а охраннику скажешь, что пришёл к Максимцеву, тот тебя пропустит. Я к часам девяти подойду. – Хлопнув Тимофея по плечу, Семён отправился дальше своей дорогой. Он Максимцева давно знал, они пересекались с ним на юбилейной встрече выпускников прошедших лет, проходившей в музучилище пятнадцать лет назад. Семёна в тот год приняли в Союз писателей, и через их организацию пригласили на эту встречу. Максимцев выступал как бард. То знакомство между ними через годы переросло в хорошую дружбу. Отыграв как положено, Тимофей хотел было уйти, но к нему подошёл сержант милиции:

– За тобой должок! Ты нам за три дня не отдавал.

– А я два дня сюда вообще не приходил, погода капризничала.

– Хорошо! Но за сегодня отдай! – в футляре лежала мелочь и несколько купюр. Сержант забрал почти всю наличность, но оставил несколько монет с одной купюрой.

Стрелки близились к половине восьмого вечера. Тимофей не спешил, он сидел в кресле, выжидая, просматривал по телевизору последние новости. В углу скрипнуло, оттуда послышался голос:

– Чаво сидишь, гостей не встречаешь? – В углу маячили две фигуры.

– Соломон! – пролепетал худощавый, бородатый, держа под мышкой футляр со скрипкой, весь в чёрном одеянии, старик,

стоящий рядом с купцом. Вышел, снял шляпу. Из-под неё с висков сосульками свисали пейсы.

– Тимофей!

И сразу заговорил с купцом:

– Василь Елизарович, ты внезапно пропал, и вновь появился, как чёрт из табакерки.

– Баба напугалась моим исчезновению и заставила колдуну вернуть меня назад. И тот исполнил её желание, но не сразу, ему нужно было настроиться.

– А зачем вернулся?

– Да тут увидел у вас зажигалку, и мне захотелось несколько штук забрать к себе, и познакомиться тебя лично с Соломоном, моим учителем по скрипке.

– Зажигалка – вещь отличная. Раньше они были бензиновые, а сейчас газовые, – Тимофей выключил пультом телевизор.

Соломон, словно заворожённый, открыл рот от удивленного. Он стоял и моргал на это «чудо».

– Так, хорош глазеть. Мы сюда попали по делу, – прошёл к дивану и присел по-хозяйски на него купец. Следом за ним направился Соломон и сел на краешек табуретки.

– Мне сейчас собираться надо. Если хотите, пойдёмте со мной. Мне предложили сыграть сегодня вечером. – Они меж собой переглянулись, и в один голос сказали: – Мы согласны!

Они беспрерывно играли больше часа на небольшой сцене «Вечного зова», но в основном еврейские мотивы. Толпа их не отпускала. Вышел ведущий, оповестил публику:

– Маленький антракт. – И ушёл со сцены.

Они вошли в небольшую комнатушку. Соломон присел на табурет, стоящий возле двери. Тимофей примостился на маленький пуфик возле зеркала. Купец, тяжело дыша, уселся на второй табуретке, стоящей в углу комнатки. Они сидели и молчали. Дверь приоткрылась, и вошёл Максимцев.

– Ну и дали вы жару! Молодцы! Вот ваша зарплата. Держи! – Семён вытащил небольшую пачку денег и отдал Тимофею. – А сейчас вы должны уйти, такое здесь правило. – Он повёл всех троих через кухню, оттуда на улицу Советскую. – Так, держи мою

визитку. В случае чего звони, помогу, чем могу. А вам, мужики, отдельное спасибо, я здесь останусь до утра, – улыбнулся Семён и исчез за дверью. – Так, мою долю дай на зажигалки. – Купец протянул руку.

– А ты не дурак, Василь Елизарович, – усмехнулся Тимофей. Соломон промолчал, не стал встревать в их разговор.

– А как ты хотел, я же купец!

– Ладно, сейчас подсчитаю, что заработали, отдам тебе твою долю, и иди покупай чего хотел, – они вошли в подворотню Дома учёных.

Тимофей быстро подсчитал деньги, раздал каждому его долю. Зашли в минимаркет, купили целую упаковку газовых зажигалок, три банки пива и отправились домой. Соломону пиво не понравилось, он сразу оставил банку на дороге. А купец вылил пенную жидкость из банки, а ёмкость бросил в урну.

В комнате стояла тишина.

– Ну так вот, Тимофей. Может, больше не свидимся, – проговорил купец.

– Василь Елизарович! Я тоже тебя не забуду. Спасибо, что навестил. – И Тимофей отвернулся, горечь в горле встала. – Плохо, что вы уходите. Мне так вас будет не хватать, честно говоря, я к вам привык.

Тимофей вышел на кухню и налил в миску супчика из кастрюли, следом за ним проскользнул кот, посмотрел на миску, а потом на хозяина, и сразу убежал. Когда Тимофей вернулся в комнату, там никого не оказалось.

«И снова тихо ушли. Жалко», – с грустью подумал о гостях Тимофей.

Внезапный стук в дверь. – «Опять кого-то принесло», – и он пошёл открывать дверь.

На пороге стоял и улыбался ему Максимцев. – Войти можно? – скромно спросил его неожиданный гость.

– Проходи! – И пропустил Максимцева.

– У меня к тебе такое дело, – заговорил Максимцев. – Ты бы смог со своими мужиками снова выступить?

– Нет, такое бывает в жизни один раз, – с грустинкой в лице улыбнулся ему Тимоха.

– Жаль! – Максимцев развёл руками, направился к выходу. Тимоха промолчал, он смотрел через стеклину, что происходит на его родной улице.

А за окном блеснул луч солнца.

Прошёл, звеня, первый трамвай.

Пролетела пара голубей. Любимый город просыпался...

НА СЕНОКОСЕ

Сорокатрёхлетний здоровяк Боря Шалыгин с раннего утра побежал к своему другу Стасу Нечаеву. Трубы горели, причина веская и серьёзная, как он говорил после хорошей попойки, а вчера явно хлебнул лишнего. Возвращаясь к себе, почти возле своего дома его окликнул Фёдор Фёдорович, мастер с работы, он остановился, подошёл к нему:

– Боря! Завтра к восьми утра у проходной с вещмешком – на сенокос.

– А как же Сенька Мальцев, он должен был ехать в порядке очереди.

– Ночью Сеню увезли по скорой помощи. Аппендицит. – Шалыгин не стал возражать мастеру и пошёл своей дорогой.

* * *

Мужики закончили метать в копёшки сено, пошёл дождь. Всей гурьбой ринулись к ближайшему стогу сена. Впятером уместились в одном месте. Худощавый Вася с участка электриков с наивной улыбкой проговорил: – Хорошо хоть, успели убрать сено. – Остальные, кто там был, промолчали. Вечером Боря и его напарник по сенокосному звену, уборщик цеха, средних лет мужик, Володя Ильин, сидели в палатке и молчали. Боря почему-то хмыкнул и заговорил:

– А ты знаешь, чего я придумал, хотя это не моя придумка.

– Говори, чего придумал?

– А придумал я вот что. Взял в сапог рыбацкий, сунул мешок целлофановый, залил тёплой воды, горсть дрожжей и килограмм сахара, причём добавил немного изюма. Это было три дня назад. Надо бы продегустировать. А?

– Так в чём же дело, Боря?

Боря вылез и исчез в сумерках. Через некоторое время поллог палатки откинулся. Появился он, что-то неся в мешке. При свете фонарика разлили аккуратно содержимое из сапога в кружки. Первым попробовал сам Боря, только на его лице появилась кислая мина: – Не дошла! – Володя посмотрел на него и махнул рукой: – А, что будет, то будет. – И залпом опрокинул свою кружку. Крякнув, поставил в сторону: – Кисловатая на вкус, может, подождём, ну хотя бы пару дней. – Боря кивнул головой и вылез с пакетом из палатки.

* * *

Три дня погода стояла солнечная и не очень жаркая, обдувая ветерком, как по заказу, только и успевай – коси и убирай, а после обеда сгребай в копёшки, а потом делай зароды. На четвёртый день после обеда зарядил дождь. По плану до этого дня сенокосники успели сделать всего ничего – меньше половины. Народ сидел по палаткам, и даже некоторые из них захотели съездить домой. Ответственный за сенокос Арам Вагранович Григорян, мужик в летах, издал суровый приказ – дезертиров будет увольнять по тридцать третьей статье. Статья нехорошая, хуже паршивой овцы. Народ сразу озаботился. Чем чёрт не шутит, возьмёт да уволит, с него спрос не велик, а репутация подпорчена. Тем временем Боря с Володей зря время не теряли, они до того продегустировались, что не пошли на ужин. Брага получилась отменная, что оба крепко уснули в своей палатке. Ночью Боря, проснувшись, вылез, пошёл в туалет и за одним посмотреть, как там бродит брага во втором сапоге. Подошёл к яме, поворошил траву, сунул руку, пакет с сапогом был на месте, после чего с хорошим настроением вернулся в палатку. Прилёг и сразу заснул. Боре

снился сон, он сидел под топодем ипил с какой-то безобразной бабой в белом одеянии.

Утром Боря встал и хлебнул воды. Рядом шевельнулся Володя:

– Вова, веришь или нет, а я с какой-то бабой в белом у дальнего тополя бухал.

– Эй, а ты не шутишь? А знаешь, кто она?

– Да откуда мне знать, кто она такая.

– Да лучше тебе знать.

– Да не тяни кота за хвост. Говори, кто она!

– Ведьма!

– Да ну, какая ведьма в наше время. Сказки не рассказывай.

– Мне не веришь, спроси тётю Машу, нашу повариху, она тебе расскажет. – Боря промолчал, вылез из палатки. Задумался. Схожу к тёте Маше и поговорю с ней, так решил Боря. Завтрак прошёл быстро. Все разошлись, только Боря остался. Сидел и молчал. Подошла тётя Маша и присела рядом: – Вчера вас не было с Володей на ужине. Добавки захотел?

– Нет! А что, правда, под тем топодем закопали ведьму?

– Да, правда! И тебя она, что ли, приласкала?

– Да нет! Мы с ней бухали во сне.

– Прошлым летом она здесь одному нашему заводскому мужику до того мозги закрутила, что тот попал в психушку. Короче, я уже сюда не первый сезон езжу, а третий. От местных баб узнала вот, что после революции одна семья переехала с Украины сюда, в деревню Ежи. Сперва они жили мирно, а потом что-то стало не так: то свинья пропадёт, то куры не несутся. Случай был такой: пара отстала от остальных, с посиделок. Вдруг на них налетела здоровенная свинья и давай кусаться, девка увернулась, а парень пнул сапогом прямо в свинячью харю, та дико завизжала и убежала. И все жители деревни стали почему-то думать на семью Дудко. С ними приехала старуха, мать Петра, Ефросинья, которая как глянет, нехорошо становится на душе. Как-то раз зашла соседка Марфа одолжить спичек, а у старухи нога перевязана на лодыжке, тут она вспомнила, как позапрошлой ночью выходила во двор, куры громко раскудахтались. Вошла, а в углу увидела

здорового чёрного кота, который метался по всему курятнику за курицами. Он уже успел двух куриц задушить, которые валялись тут же на земляном полу, Марфа, не раздумывая, схватила лопату и ударила кота, но тот успел шмыгнуть за дверь с ужасным воем. А где-то через полгода зимой старуха умерла, её не стали хоронить с остальными покойниками. Привезли сюда и закопали под тем тополем, видимо, забыли вбить ей осиновый кол. Говорят, при полной луне она сильно шалит. Смотри, Боря! Я тебя предупредила. – Тётя Маша встала, охая, направилась к себе в палатку. Боря сидел и соображал. Да, что-то здесь не так. Он вспомнил, как его мать пугала соседкой. Жили в глухой деревне, а баба Дуся травкой и настоями всех там лечила. Мать ему так говорила: если слушаться не будешь, баба Дуся тебя превратит в репейник, но это когда было, а сейчас...

Он встал, направился к палатке.

* * *

Две недели прошли удачно, без дождей. Сенокос закончился. Всех людей завтра отсюда должны были увезти в город, а сейчас они сидели у костра. Понемногу народ стал рассасываться, и оставались лишь те, которым было здесь вольготно. Боря вспомнил о браге, встал и пошёл. Принёс и разлил. Вася даже похвалил после того, как опорожнил кружку. И снова слово за слово – и выпили всю Борину брагу. Посидели немного и разбрелись по палаткам.

Наступило утро следующего дня, Володя вылез из палатки, подошёл смуглый парень Серёга Дашевский, прессовщик с участка спортивной обуви:

- А брага хороша, ничего не скажешь. Кстати, где Боря?
- Спит.
- Не забудь разбудить его.
- Да не забуду.

Они разошлись, Володя пошёл к реке, а Серёга в другую сторону. После мытья Володя вернулся в палатку. Боря лежал на левом боку, будто спал, Володя взял его и развернул, вместо сердца зияла глубокая рана. Сердце отсутствовало. Рана запеклась не

от избытка крови, а от того, что прошло несколько часов уже после гибели Бори. Видно, как сердце было вырвано. Небольшая лужа крови находилась слева рядом с трупом. Володя в ужасе попятился из палатки. Он вылез весь бледный, сел возле палатки. Мимо проходил Арам Вагранович и окликнул его:

– Ильин, а ты чего расселся, через час мы должны отсюда уехать домой. А вы с Шалыгиным ещё не убрали палатку, – и он к нему приблизился. – Слушай, а ты, часом, не заболел? – Володя ничего не сказал, а только мотнул головой в сторону палатки. Арам Вагранович подошёл к ней, откинул полог и глянул внутрь: – Ну, вот и уехали! – Мимо пробежал Вася, он позвал и объяснил: – По рации попроси диспетчера совхоза, чтоб приехала сюда милиция. У нас здесь труп, проси быстреей.

Вася кивнул ему головой и побежал к катеру, где находилась рация. Эта весть быстро разлетелась по всему лагерю сенокосников. Народ собрался у Бориной палатки. А где-то через час приехал участковый и криминалист со следователем. Володя к этому времени немного изменился в лице, следователь задавал ему вопросы, правда, он как-то неохотно ему отвечал. Подошла тётя Маша:

– И всё-таки она его доконала.

– Кто она? – следователь внимательно посмотрел на тётю Машу.

– Колдунья! – вслух проговорила тётя Маша.

– Разберёмся! – с серьёзным видом ответил ей следователь.

Следствие проходило целый год. Из-за недостающих улик дело сенокосников закрыли. Подозреваемый и главный свидетель Володя Ильин уволился и уехал домой. Со временем эта история забылась на заводе.

ЮРЬЕВ ДЕНЬ

Юрка Исаев, рослый парень, увлечённый приключениями не для слабонервных, где только не бывал за свои тридцать с лишним лет. Попав на службу в армию, так из неё и не вылезал. Частенько ездил по контракту на Кавказ, но один раз попал в Таджикистан. После этого вояжа долгое время болтался без дела. Кто-то из знакомых ему подсказал выучиться на охранника, что он и сделал. Сегодня Юрка должен выйти на ночное дежурство в торговый комплекс. Он сидел на диване и складывал то, что пригодится на дежурстве: ложку, кружку и так далее. (В дежурной комнате помимо компьютеров имелаась микроволновка с кулером. Возьмёт бутерброд и попьёт чаю.) Всё нужное уложил и упаковал в сумку. Юрка посмотрел на часы, стрелки показывали без пяти минут пять. Ему нужно было заступить к шести часам вечера. Взяв сумку, разок оглядел комнату и, не раздумывая, вышел.

Час назад ушли последние арендаторы, они с долговязым напарником Виктором находились в дежурной комнате. Согласно инструкции через каждые два часа охранники обязаны делать обходы внутри здания. Юрка посмотрел на электронные часы, висевшие над входом. Время подходило к половине двенадцатого ночи, а уже засосало под ложечкой. Юрка взял сумку и порылся в ней, бутерброд с кружкой выложил на столик, налил кипятка, ки-

нул туда пакетик чая. Расправившись с ужином, Юрка тщательно за собой убрал. Сходил в туалет и вымыл посуду. Принёс обратно и сунул в сумку, снова уселся на стул. Малая стрелка часов была близка к цифре двенадцать. Взяв фонарь и на всякий случай палку, Юрка вышел. Через минут сорок вернулся: – Я теперь понимаю, почему здесь долго не держатся люди. Обойти два этажа с подвалом за полчаса не каждый охранник сможет. – Юрка с недовольной гримасой сел на стул, Виктор промолчал, но через долю минуты спокойно проговорил, не поворачивая головы:

– Тебя, как и меня, здесь не спрашивают, нравится или не нравится. Не работай. Днём здесь пять охранников работают, ты видел, кого набрали. Одно время за монитором женщины сидели, был случай: зашёл громила и напугал одну так, что после этого случая всех трёх сняли с работы, хотя они лицензированные охранники. – Виктор как смотрел в монитор, так и не шелохнулся. Юрка внимательно посмотрел на Виктора. – Это как получается – женщины-охранницы не справились со своими обязанностями. Ну дела! – усмехнулся Юрка.

Юрка отстоял дежурство до утра, сдал смену и поехал домой. Весна с изумительной погодой. Свежий ветерок гулял по району. Шум машин заполонил округу. Город давно проснулся, да и день не тормозил, а двигался согласно времени. Уже дома Юрка вспомнил – давно не поливал кактус. Закончив поливку, отошёл в сторону и посмотрел на цветок. Кактус, вытянувшись, словно часовой, стоял, выставив колючки-иглы напоказ. Он достался ему в наследство после смерти матери, а сейчас Юрка стоял и любовался на него. Рядом стоял книжный шкаф, забитый однотомниками. Мама, Анастасия Григорьевна, много лет проработала школьным библиотекарем. Юрка не любил читать, а их сохранил на память. Его взгляд упал на нижний ряд, там среди толстых однотомников одиноко приткнулась небольшая книжка. Он вытащил и стал рассматривать. На её обложке прочитал: «Сказка о правде», автор Михаил Исаковский. «А мы почти с ним однофамильцы, он Исаковский, а я – Исаев. Интересно, о чём он пишет». Перелистав с начала до конца поэму, остановился на последнем листе, прочитал:

*«Идёт мимо сёл, перелесков и пашен.
А утро всё ярче, всё шире, вольней...
На этом и сказка кончается наша,
И жизнь начинается следом за ней».*

Юрка немного подумал: философию не отнимешь у автора. Волку любит. А кто её не любит? Мир чтоб царил на Земле. Жаль, мы друг друга не знали. Смотришь, и поговорили бы по душам. Лично для меня весь мир – бардак, а люди не белые и пушистые. Просто времена такие. Сказка и есть. Уж больно всё здесь красиво расписано. Юрка захлопнул книжку и положил на место. Перед ним встал образ отца. Всю жизнь Юрий Петрович проработал геологом. А когда приезжал, то в их квартире царил праздник. Приходили друзья. Он часто брал гитару и исполнял песни. Отец погиб под лавиной в горах. Они не успели как следует отцу с сыном пообщаться. Не судьба. Вдруг за окном громко просигналил автомобиль. Юрка прошёл в комнату и прилёг на диван. Включил магнитола. Музыка в стиле рок вырвалась из динамиков. Рок не Юркина музыка, он взял и выключил. Закрыв глаза, впал в воспоминания об армейском друге Генке Соколове; этого белобрысого крепыша Юрка знал с армейской службы. Отслужив положенные два года на Кавказе до войны, они остались служить по контракту, а там началась война. Юрку через полгода контузило, и их дороги разошлись. Он подлечился и снова попросился на Кавказ. Тем временем Генка успел побывать в Сербии, оттуда перебрался во французский легион, там заработал приличную сумму и решил остаться жить в Греции, там взял и женился на русской девушке-эмигрантке Анне. Генка давно его звал к себе погостить, но Юрка каждый раз находил повод, чтоб не ехать к нему в гости. Они когда-то призывались из одного города. Правда, жили в разных районах и не знали друг друга. Тем не менее, в армии подружились, и до сегодняшнего дня не теряли друг с другом чуть ли не родную связь. Думая о своём, Юрка заснул.

Вечер. Юрка встал и сонный направился в туалет, откуда прошёл на кухню. Открыл холодильник, там кроме краюхи чёрствого хлеба ничего не было. Юрка оделся и вышел. Уже возвращаясь из магазина, возле своего дома увидел бывшую од-

ноклассницу Лену Ожегову, стройную красавицу-брюнетку, с мальчуганом двенадцати лет, внешне похожим на неё.

– Сынок, ты иди, а я тут с дядей поговорю, – и она ему вручила авоську, сама осталась с Юркой. – Рассказывай, где был, чем занимался, – улыбаясь, проговорила Лена.

– А ты посвежела и похорошела. А насчёт меня – служака я. Служил предостаточно времени по контракту в армии, сейчас охранником работаю, – спокойно ответил Юрка.

– А я неудачно замуж вышла. Муж работал мастером на заводе, а тут его закрыли из-за банкротства. Сергей запил, рак желудка – умер. Я работаю лор-врачом, если надо, заходи в нашу поликлинику, – улыбка исчезла с её лица.

– Ну, ладно, Лена, я рад, что тебя встретил. Может, увидимся. – Юрка нежно поцеловал её в щёчку, она немного смутилась, словно девчонка. Лена повернулась и направилась в обратную сторону. Юрка ей вслед посмотрел, усмехнувшись, пошёл к своему подъезду.

Приготовив на скорую руку ужин, Юрка поужинал. Иногда после такого мероприятия ложился на пол и лежал на старом матрасе. А сейчас лёг в свободной позе. Снова возникла мысль о Лене. Он вспомнил, как дрался с другими мальчишками из-за неё, а перед армией они взяли и согрешили. По любви. Он уехал, она осталась. Почти два года ждала, а потом пришло письмо. «Я вышла замуж. Прости». Юрка остался служить по контракту. На этом закончилась их связь. Он встал, разделся и лёг в постель...

Снова вахта. Без пяти минут двенадцать ночи, Юрка встал и пошёл. Смутные мысли опутывали его сознание. Что-то нехорошее сегодня на душе. Спустился в подвал. Прошёл весь, и оказался на первом этаже. По эскалатору поднялся на верхний этаж. Только прошёл за угол, и тут началось: там, за витриной, на него глядел женский манекен. Блондинка-красотка буквально пожирала его глазами. Юрка уж было хотел отойти, но неведомая сила втянула за витрину. Он оказался в объятьях манекена. С каждым разом, когда она прижималась и целовала, Юрка терял силу. Неожиданно почувствовал, что кто-то его резко дёрнул, и он вновь оказался за витриной.

Перед ним стояла механическая игрушка в человеческий рост. Металлический голос вырвался из её утробы:

– Самурай Микадо – командир охраны императора Ямато. Главный персонаж в компьютерной игре.

– Я – Юрий, охранник здания. Не могу понять, что произошло. – И уставился на самурая.

– В мою игру попал вирус зла, а если до первых петухов не истребим, вашему миру придёт конец. Мы должны его уничтожить. Такова наша миссия. Держи диск! На нём есть функция «уничтожить», откроешь игру – увидишь слово «зло». Это и будет твоя цель. А я тут со своими воинами остальное сделаю, – и передал в конверте диск.

После полутора суток дежурства напарника Виктора пришлось Юрке отправить того отдыхать, а сам он сел на его место. Уже он целый час просидел возле компьютера, и никак не мог попасть в слово «зло». Юрка так увлёкся, что не заметил появления блондинки. Она стояла сзади и бросала хищные взгляды. Он лишь успел оглянуться, как она протянула руки и хотела обнять, Юрка увернулся, отскочил в сторону, а компьютерное кресло толкнул на блондинку. Она споткнулась и грохнулась, мелкие куски вместо неё разлетелись по сторонам. Голова отдельно отлетела в сторону, и Юрка услышал:

– Мы ваш мир всё равно уничтожим! – и рассыпалась в пыль. «Но это как сказать!» – подумал он про себя и снова подсел к компьютеру. Времени в обрез. Пред Юркой предстала картина: по планете Земля пронёсся вихрь страшной катастрофы. Людей практически не видно, как и всё живое. Вирус сделал своё дело. Питаясь энергетикой, тот же манекен мог натворить многое против нашей планеты, уничтожая тем самым всё живое.

На мониторе видно сражение самураев с врагами императора. Слово «зло» мгновенно то появлялось, то исчезало в разных местах на какие-то доли секунд. Стоило навести курсор на «зло», слово сразу исчезало. Юрка мужик настырный, и всё-таки ему удалось попасть. Он успел, и нажал на слово «зло». Взрыв – и чистое место на мониторе со словом «победа!».

На диване зашевелился напарник, открыл глаза:

– Ну и сон мне приснился, только ты не смейся. Я поразил вирус зла, играя на компьютере. Спас нашу планету Земля! – Виктор присел, вытянув вперёд ноги, расслабился. Время показывало пять утра, Юрка посмотрел на то место, где должен быть мусор, но его не оказалось, он молча вышел. Проходя мимо злополучного места, обратил внимание на витрину, манекен блондинки стоял без головы. Голова лежала рядом. Злая усмешка красовалась на личике блондинки. Юрка покачал головой и отошёл. Проходя мимо витрины с компьютерными играми, глянул на открытый ноутбук, на экране монитора словно иероглифами было начертано «победа!» и подпись внизу «самурай Микадо». Прочитал, и она исчезла. «Ну вот и повоевали!» – Юрка отдал честь и отправился дальше.

За стеною здания забрезжил рассвет. Новый день, и никаких мировых тайн. На самом деле всё оказалось не так. Когда Юрка вошёл в свой двор, увидел, как у его подъезда маячил парнишка, сын Лены. Подошёл и с ним заговорил:

– Что-то случилось? – их взгляды встретились.

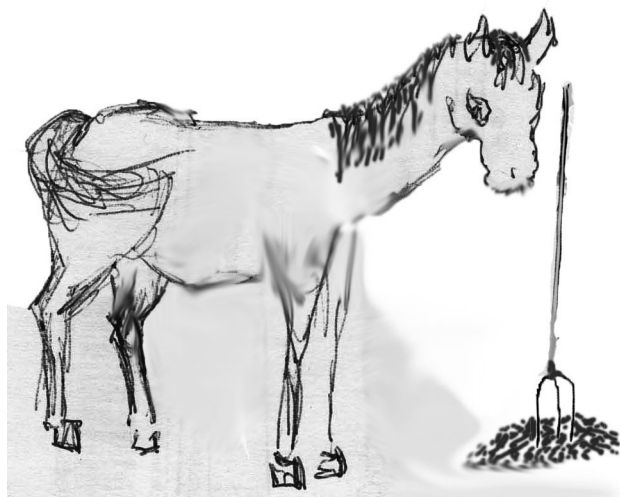
– А это правда, что вы мой отец? – услышал Юрка, и недоверчиво посмотрел на парня. Сзади Юрки быстро застучали каблучки.

– Юра! Юра! Подожди. Я тебе сейчас всё объясню. – Она встала между сыном и Юркой. – Когда ты пошёл в армию, я поняла что беременная. Я не хотела тебе создавать проблему. А тут мне сделал предложение Сергей, моя мать насильно заставила выйти за него замуж. Сына он любил как родного. Если бы не Сергей, я бы не закончила институт. Мне пришлось выбрать такой путь. Ты меня прости. Сына я назвала тоже Юрой. Вчера взяла ему и рассказала про тебя. Он кое-как дождался утра и прибежал к тебе.

Юрка был в шоке: «Не день, а Юрьев день!».

Спихватился. На них глазела пожилая пара, вышедшая из Юркиного подъезда.

– Соседи смотрят, пойдём домой! – Он обнял сына и его мать, и они пошли.

ЕВДОКИЯ

Весна в этот год на Черемошниках благоухала. Весь седьмой балиндер (участок) красовался белоснежными соцветиями черёмухи. Аромат так распространялся, что дышать было невозможно. На крыльце барака сидела средних лет приятной внешности, с проседью брюнетка, и утирала концом халата слёзы, держа в руках похоронку. Был мужик и сгинул. Оставил двух короедов. Как жить дальше? Мысли заполонили ей голову до основания. Скомкав бумагу, она встала, пошла, покачиваясь, как пьяная. Только немного отошла, нагнал бригадир, Василий Петрович Бурасов, хромой, но крепкий мужичок её возраста.

– Евдокия, погодь. Я понимаю, как бабе потерять мужика. Сегодня дам отгул, но завтра чтоб с утра вышла. – Он подошёл и крепко её обнял, та даже не сопротивлялась.

– Хорошо! – тихо проговорила и поплелась к бараку. «Крепкая, ядрёная баба. Вот возьму и женюсь. Правда, у неё два мальчишки на руках остались», – глянул ей вслед Бурасов.

Евдокия Казимировна Белокобыльская (Белокобыльска), по происхождению полька, родившаяся в тысяча восемьсот девяносто восьмом году в Пятигорске, выслана со всей семьёй в Томск за агитацию против советской власти по статье 58, п. 2. Такая имела характеристика у Бурасова. А если по существу, в 1863–64 гг. в Польше продолжалась вооружённое восстание, но царские войска России, призванные на помощь, его подавили. Многих отправили на каторгу и на пожизненное поселение. В эту обойму попал двадцатипятилетний храбрый поручик-кавалерист, отец Евдокии, Казимир с женой, шестнадцатилетней Анжеликой. Сослали их на Кавказ. И, чтоб как-то искупить вину, Казимиру было предложено послужить российскому царю. В условие входило пятилетие службы. И свободный выбор, в какой стране он потом останется. За ним оставалось звание с небольшим жалованьем. Казимир, отслужив пятилетие, решил не возвращаться. К тому времени в семье рос мальчик Вадик (Вольдемар), старший брат Евдокии. Он вырос и уехал в Варшаву. Поступил в университет. Выучился и остался там. Впоследствии стал известным учёным с мировым именем. Родителей не забывал, и на каждое Рождество присылал посылку. А что касается рождения детей – после него у матери были два выкидыша. Евдокия появилась очень поздним ребёнком. Всей семьёй жили скромно. Отцу добавили к жалованью немного пенсии. Мать ходила и убирала конюшни. Так они и жили. Когда Евдокия подросла, выглядела она настоящей пани. Стройная, кареглазая красавица. Посватался жених. Ему отказали – отец болел, и не хотел, чтобы она выходила замуж. А тут произошла революция. Пережив её и смерть родителей, Евдокия наконец вышла замуж за порядочного человека. Родилась дочь, та часто сильно болела, и в пять лет умерла. Через несколько лет в семье появились два мальчика, Володя и Андрей. Живи, казалось, и радуйся. Настал тридцать седьмой год. Однажды ночью раздался стук в окно, пришли и забрали всю семью. Так семья Белокобыльских оказалась в Томске. Несладкая участь постигла эту семью, как и многих по тем временам.

Рано утром Евдокия вошла в конюшню – ночью ожеребилась кобыла. В самый угол забился жеребёнок. Лежал на сене и посматривал глазами-маслинами на мать. Каурая кобыла спокойно стояла в загоне и жевала сено. Слышно было хрумканье, а иногда посапывание. Евдокия не стала вмешиваться, повернулась и вышла из конюшни. На дворе чуть не столкнулась с усатым, стройным блондином, донским казаком, ссыльным, конюхом Фёдором Донцовым:

– Живой.

– Да не говори.

– Поди-ка, в соседнем загоне ночевал.

– Пришлось, сама знаешь. А ты как?

– Да никак. Лучше не спрашивай, – развернулась, пошла в избушку. Донцов быстрым шагом в конюшню. Во двор въехала и остановилась водовозка. Хромой возчик, молодой, весёлый парнишка Петька Старухин спрыгнул и захромал к одинокому домику в глубине двора. По утрам бригадир Бурасов собирал на «пятиминутку» и выдавал указания работникам своей бригады. Вышла Евдокия из избушки и направилась следом за водовозом. В конторке мужики с бабами сидели на лавках и что-то обсуждали. Бурасов, сидя за столом, посмотрел на конторские ходики, ударил карандашом несколько раз по графину:

– Внимание! Начинаем...

Рабочий день подходил к концу. Евдокия, наработавшись, присела в пустом загоне и закрыла глаза. Вот он – Иосиф, франт, красавец-муж, стоит и улыбается ей лучезарной улыбкой. Держит запелёнатого первенца Володю в белоснежном одеяльце. Младенец от удовольствия закрыл глаза. Вполне довольное личико младенца. Молодые родители счастливы.

Скрипнуло где-то рядом. Евдокия открыла глаза. Видение исчезло. Возле загона, где она находилась, промелькнул кто-то. Евдокия тихонько встала и выглянула. В проёме конюшни суетился неизвестный. Мужик разбрасывал сено и пятился задом. Евдокия поняла: неизвестный хочет сделать что-то нехорошее. Не раздумывая, заорала:

– Стой! Руки вверх! – Мужик присел и медленно повернулся к ней лицом. Оно выглядело злым.

– Ах ты, сучье отродье... – Он вскочил и пошёл наступать. Евдокия увидела вилы в навозе. Схватила и выставила вперёд.

– Не подходи! Запорю!

Мужик опешил.

– Тихо! Спокойно! Я зашёл немного сенца взять для козы. Может, договоримся.

– Стой, где стоишь, а то запорю, – перед ним она всем видом выглядела устрашающей женщиной, готовая его уничтожить сразу. Откуда взялась уздечка, она не поняла, но мужик поймал момент и швырнул ей в лицо, чтоб отвлечь. Он хотел выскользнуть в дверь, но выставленные вилы проткнули тело: Евдокия среагировала, и он на них наткнулся. Тело мужика обмякло. В глазах встал ужас. Из рта потекла струйка алой крови. На шум прибежал заступивший на дежурство сторож с ружьём. Евдокия сидела на коленях. Растрёпанная и бледная. Неизвестный мужик с вилами в груди приткнулся к загону, через серую рубаху было видно, как проступали кровавые пятна. Он уже был мёртв. Сторож подбежал к Евдокии и ударил пару раз по щекам, чтобы привести в нормальное состояние. После чего она встала и побрела из конюшни. Не теряя времени, сторож побежал в контору звонить в милицию.

* * *

Вторую неделю Евдокию держали в следственном изоляторе за то, что она насмерть заколола вилами неизвестного мужика. Первый раз, когда её допрашивали, она ничего внятного следователю Ершову не сказала. Следователь с ожесточением пинал сапогами куда попало лежавшую на полу Евдокию, та охала, но молчала. Вошёл старший следователь, долговязый, с немым лицом Бычков.

– А ну прекрати бить! Получим из Новосибирска отпечатки пальцев, оставленные на канистре возле входа конюшни, тогда посмотрим. Забьёшь бабу – нам не поздоровится. Из горкома звонили, и на вид нашему начальнику поставили по этому делу.

Бычков подошёл к двери и позвал: «Конвой!». Вошёл конвойный.

– Выходи!

Шатаясь, Евдокия встала и пошла на выход, следом конвойный.

Через две недели Бычков получил ответ из Новосибирска. Пальчики на канистре оказались от гражданина Сысоева Петра Порфирьевича, 1905 г. р., уроженца Псковской губернии, раскулаченного и сосланного на постоянное поселение в Томскую область.

Евдокия сидела перед Бычковым и выслушивала речь.

– В общем, так, бабонька, ты гада «пришила», и от своего имени могу сказать спасибо. А могла бы сесть, хорошо подсутился твой бригадир Бурасов. Скажи ему спасибо. Вот, держи пропуск и ступай домой, – он вручил пропуск и криво улыбнулся ей на прощанье.

Прохладно. По небу плывут серые облака. Евдокия сидит на крыльце и разговаривает с соседкой, толстушкой Анной:

– Ты пока находилась там, я за ребятами присматривала.

– Спасибо, Анна.

– Пару раз заходил Бурасов. Приносил мальчишкам немного картошки и две консервы. Жалеет он тебя. Ты сейчас свободная.

– Я Иосифа люблю.

– Ой, смотри. Своё счастье упустишь.

– Всё моё счастье – это два сына.

– Они на речку ушли. Сказали, скоро подойдут. – Анна встала и ушла. Евдокия осталась сидеть. Давил на душу камень. Пока сидела, закапал дождик. Она встала и вошла в дом.

* * *

На дворе сентябрь. Солнечно и ветрено. Временами сыпет на землю листопад. Евдокия с другими бабами убирают пустые загоны, отсюда много лошадей ушло под нож. Фронт нужно кормить. На комбинат пригнали большое количество эков. На причале стоят под выгрузку баржи с лесом. Туда и отправляют их.

Работа кипит круглосуточно. Брёвна сталкивают с барж на воду. Ловят по одному бревну на берегу баграми и вручную с помощью людей загружают в телеги, а оттуда развозят по участкам.

Обед. Избушка. Бабы сидят за длинным столом и судачат кто о чём. Евдокия в стороне от остальных молчит. Больше года прошло после той истории с поджигателем. До сих пор она не может залечить душевную рану. В большей степени молчит. Полгода назад врач, осматривающий Евдокию, ей сказал: «Постарайся меньше думать, что с тобой произошло, у тебя всё пройдёт, но нужно время и терпение». – Больше она ничего не услышала. Диагноз прост. Тут Евдокия вспомнила о письме. Сегодня утром открыла почтовый ящик и забрала его на работу. Вытащила из бокового кармана кофты немного измятый конверт. Письмо было от брата Вадима, который находился в Новосибирске. В Варшаве, откуда он отправился с делегацией в СССР, в те дни было неспокойно. В Москве в то время шёл международный исторический конгресс. И как раз в эти дни фашисты напали и захватили Польшу. Одним из первых членов польской делегации Вадим попросил политического убежища у советского правительства. Писал, как летом съездил в Самарканд. Там пробыл больше месяца, изучая дворцы, минареты и мавзолеи. Особенно фасадную и внутреннюю роспись. Пообещал, что обязательно заедет к ней в гости, когда поедет на ближайший семинар, который состоится в Томском университете.

Прочитав письмо, она его спрятала. Тем временем бабы вышли из избушки. Евдокия вздохнула, встала и отправилась доделать остаток работы. Конец рабочего дня. Уставшая и довольная, она вышла из конюшни. Евдокия не торопясь подходила к дому. Издали увидела на крыльце незнакомого мужчину. Выглядел он весьма эффектно, в шляпе и пальто. «Неужели опять за мной?». Пригляделась, и увидела что-то знакомое в нём. А когда подошла ближе, рассмотрела постаревшего родного брата.

– Здравствуй, Дуся! – такую фразу услышала от него. – Здравствуй, Вольдемар! – На лице Евдокии мелькнула ясная улыбка.

– Я сегодня утром открыла почту, а там твоё письмо. Не ожидала, что так быстро свидимся, – и она немного помолчала. – Тебе скоро восемьдесят, а ты так хорошо выглядишь. А я уже вся седая. Ладно, брат, зайдём к нам, – и она прошла по ступенькам. Он спохватился, взял авоську и вошёл следом за ней.

Вадим недолго пробыл у Евдокии. Когда уходил, пришли племянники, поздоровались, на прощание дал мальчишкам коробку леденцов. Пообещал – когда поедет обратно, заскочит к ним. Евдокия вышла провожать. Вадим повернулся, снял шляпу и помахал. Она не знала, что видит брата в последний раз. Через год его арестуют и отправят на Север.

* * *

Май сорок пятого на Черемошниках таял в белизне и аромате черёмух. Победа! Конец войне. Евдокия с бабами находилась на обеде. Вошёл Бурасов.

– От имени профкома вас поздравляю с победой. И в честь такого праздника можете прямо сейчас идти домой.

Бабы сразу заплодировали и стали собираться. Бурасов немного подумал.

– А ты, Евдокия, останься. – Снял кепку и вытер ладонью лоб. Бабы вышли шумной толпой. Заговорил снова Бурасов:

– У меня есть к тебе личное предложение, – и посмотрел на Евдокию. – Выходи за меня замуж. – И, не дождавшись ответа, продолжил: – Война кончилась, нужно детей поднимать. Обязательно. – Она ему сразу не ответила. Подумала.

– У меня их двое, а у тебя не знаю сколько. – На лице её было написано безразличие.

– Я никогда не был женатым. Была невеста, утонула. Несчастный случай. Всю жизнь живу холостяком. Левых деток не имею. Не пью, сама знаешь. Какой есть, такой есть. – Бурасов замолчал.

– Я подумаю. – Евдокия встала из-за стола и вышла. «Думаю, но только быстрее», – не успел ей ответить Бурасов.

Ждать Бурасову долго не пришлось. На следующий день получил ответ. Евдокия поговорила с детьми, и они дали согласие, чтоб дядя Вася переехал жить к ним. Через год Евдокия забе-

ременела. Родила девочку. Та росла слабенькой и часто болела. И в один прекрасный день Евдокия с Бурасовым лишились дочки. Она тихо умерла на руках у вызванного врача.

Летний вечер. Пылает закат. Летают высоко стрижи. Сегодня Евдокия вышла сторожить. Прошлась по территории, вернулась в сторожку. Через два часа новый заход. Дворняга Жучка чёрной масти не усидела, засемила следом за Евдокией. За полночь Жучка начала тявкать, кто-то сильно постучал в ворота. Евдокия встала и направилась к воротам. Возле них сидел на коленях Бурасов и держался за бок, через пиджак и рубаху просачивалось кровавое пятно. Он только и успел ей сказать: «Дуся, на меня напали двое и ранили ножом. Я видел, как они воровали с шестого участка доски», – после чего отключился. Евдокия сразу побежала в ближнюю контору седьмого участка. Постучалась, и всё рассказала сторожу. Он по телефону вызвал через диспетчера «скорую помощь». Вернувшись, осталась с Бурасовым. Пока Евдокия бегала за помощью, он истёк кровью. Через три часа приехала «скорая помощь». Врачи опоздали, Бурасов умер.

* * *

Осень на дворе. Сухая погода. Евдокия сидела на крыльце, из глаз капали слёзы. Недавно приходила почтальонка и принесла конверт с государственной бумагой из Москвы. Подбежал внук Серёжка и стал её тормошить: «Баба... баба, ты чего плачешь?».

– Серёжа, я не плачу. Соринка мне в глазик попала, – она рукой смахнула слезинки.

В той бумаге было сказано, что всю семью Белокобыльских после сталинских репрессий реабилитировали. А через год Евдокия получила от лесопромышленного комбината благоустроенную комнату как ветеран производства. За всё нужно платить. Евдокия получила плату по совести.

ПОДРУЖКА

Устинья, старушка в строгом чёрном одеянии, бывшая монашка, подошла к окошку и подслеповато всматривалась, что там творится во дворе. Кроме августовской жары среди синевы, там ничего существенного не увидела. С другой стороны к посёлку приближалась чёрная туча, и без всякого предсказания было ясно, что в ближайшее время должен начаться дождь. Устинья не предполагала его скорости, прошла за печку, в потёмках начала искать, шаря, растоптанные туфли. Найдя обувь, подошла к порогу, приподняла подол юбки, аккуратно надела туфли. Хотела спуститься с крылечка, но перед ней закапали крупные дождевики. Ударил молния. Пошёл дождь, перешедший в ливень. Устинья только села на крылечко с навесом, вдруг, откуда ни возьмись, появилась мокрая овчарка с рваным ухом.

— Где ты раньше, миленькая, была? — она встала, пропустила собаку и снова села. Та забежала в открытую дверь и отряхнулась в избе, оставила целую лужу. Тем временем двор утопал в дождевой воде. Всё происходило быстро. Громыкнул напоследок гром. Вслед ему туча уползала на запад. Ливень сразу прекратился. Посвежело. Вылезло солнце. Над озером пролетела пара уток. Всё вокруг ожило.

– Ну что, подружка, пошли. Нас ждут, – пропустив выскокившую вперёди неё собаку, прикрыла дверь, опираясь на палку, вышла во двор. Старуха и собака шли друг за другом по дороге, обходя аккуратно лужи. Они уже было подходили к переезду, как их окликнула с короткой стрижкой и одетая, как мужичка, Рая Матросова, гроза всех черемошинских помоек, она собирала бутылки, их сдавала:

– Здорово! Куда так торопишься?

– Здрава будешь. – Устинья ей поклонилась и продолжила разговор: – На службу тороплюсь, матушка. На службу.

– А разве сегодня праздник?

– Праздник. Ильи Пророка.

– А вот я иду со дня рождения своей сестрицы Ольги. Значит, был такой случай с сестрой. Жили мы тогда после революции на Украине. Время, сама понимаешь, трудное было. То красные налетят, то белые. Злые, как черти, хоть те, хоть эти. Зайдут и начинают шнырять по углам. А у нас было в доме такое место, куда мама складывала бельё. Сестрёнка залезла туда, заигралась и уснула. Мы весь дом перерыли, а её нигде нет. Вечером услышали плач, сунулись к белью. Вот она, родимая. Ладно, я тебе спою песню. Сама сочинила. – И, развернув висевшую у неё на боку гармошку, голосисто запела:

– Ох, Рая... Рая, бледная, худая, потому что в Томске водка дорогая... – Закончив петь, посмотрела на реакцию Устиньи, та лишь ей улыбнулась. Матросова заговорила: – Ты не удивляйся. Я когда-то работала учительницей, ребятшек учила. Муж Гриша лётчиком погиб на войне, как Гастелло. – И, не дождавшись ответа, пробормотала: «Ну, я пошла», – не сказав Устинье «до свидания», перекинув через плечо гармонь, шагнула, пошатываясь, в обратную сторону. Старушка ей вслед только покрестила и снова отправилась своей дорогой.

* * *

Устинья Поликарповна Кропалёва родилась в 1879 году в Тульской губернии. Много лет проживала в монастырях. С последнего места пребывания забрали, так как закрыли монастырь,

где находилась она. Взяли и отправили на постоянное место жительства в Томск. Когда прибыла на место, сразу поселили к Науму Молчуну. Бывший баклан, один из тех, которые до революции на местных людей наводили страх и ужас. Неуёмный этот народец мог обокрасть или убить просто так. Несколько лет тому назад Наум умер, а кроме Устиньи у него никого не было. Получилось, что домик ей остался как бы в наследство. Перед смертью Наум предупредил участкового, чтоб в его доме осталась жить Устинья. В настоящее время она была обладательницей этого небольшого, скромного жилья. Домик насыпной, состоял из небольшой кухоньки и комнаты, внутри отапливаемой печкой. В кухоньке стоял сбитый топчан и небольшой столик. В комнате кроме стола и двух табуреток, никакой мебели не было, лишь возле окна висели ходики, да в углу горела лампадка перед небольшой старинной иконой, обрамлённой чистым серебром. Эта икона Божьей Матери Устинье досталась от Наума, а где тот взял, уже не спросишь. Везде царил порядок и чистота.

Сам двор находился в небольшом запустении. По краям двора рос репей и сорная трава. Кроме старой телеги без колёс да старой кровати под навесом ничего не было, сразу в углу приткнулся туалет, со стороны озера почти вплоты к камышам находилась разработанная земля под две широкие грядки. На одной уже видны большие ростки лука, на второй тоже взошла молодая поросль морковки и свёклы. За водой для пищи Устинья ходила с бидоном к колодцу, здесь неподалёку. Так и жила бывшая монашка.

* * *

Год назад Сталин умер, и решило правительство страны позакрывать много лагерей, большое количество заключённых выпустили оттуда на свободу по амнистии. Рядом, где жила Устинья, находилась зона. Сегодня отсюда последних заключённых отправили домой, выдав на руки справки об освобождении. Устинья вышла во двор, увидела мимо проходящего солдата, который вёл на поводке овчарку с рваным ухом. Старушка, чуть не плача, взмолилась:

– Солдатик, я вижу, ты собаку ведёшь на верную смерть. Отдай мне её, будь любезен. Зачем грех на душу берёшь. А? – Она заглянула ему в лицо своими ясными очами, что тот сразу согласился. – Хоть у меня приказ... – он махнул рукой. – На, мать, держи! – сунул ей поводок, вскинул автомат, перезарядил его на ходу и отправился за ров. Устинья видела несколько раз, туда приводили собак, и там их убивали. Оттуда услышала выстрелы. Подошёл солдат. – Тут такое дело, всех старых и больных собак сказали уничтожить, завтра с утра нас отправят в Забайкалье. Недавно Найда сцепилась с лучшим кобелём команды. А тот не промах оказался и порвал ей ухо. Она ест всё подряд. Даже овощи: морковку, свёклу и капусту в любом виде. Причём не очень много. Собаке почти восемь лет. Эх, скорее бы на гражданку. Ну, я пошёл, – солдат отстегнул поводок от ошейника и отдал старухе честь, не оглядываясь, пошёл в сторону зоны. Устинья что-то прошептала и покрестила. – Пойдём, подружка, будешь обживать, – сама поспешила во двор, вслед за ней засемила собака.

* * *

Выпал первый снежок. Двор оказался весь в белизне, будто его накрыли пуховым одеялом. Устинья вышла и радовалась такому природному явлению. Только долго не пришлось радоваться. Подошёл угрюмый, худощавый мужичок Ванька Сопля, с ней заговорил.

– Слушай, дай взаймы. Шланги горят. Потом отдам, – он немного ей оскалился.

– Денег нет. Я ещё не получала пенсию, – спокойно ответила старуха.

– Если не дашь, заберу твою икону, продам, – стал выходить он из себя.

– Большой грех на себя берёшь. Смотри, как бы потом не пожалел. – Тот лишь от неё отмахнулся и ломанулся в домик. Через долю времени оттуда послышались вопли, чередуясь с бранными словами: – Б... убери эту животину. Она меня на х... съест... – Устинья поспешила в домик. Там она увидела такую картину. Бледный Ванька с вытаращенными глазами стоял по

стойке «смирно», прижимая двумя руками икону. Устинья подошла и забрала у него. Он тут же упал на колени и горько зарыдал.

– Тебе, Иван, нужно сходить исповедаться и причаститься. Грехов у тебя предостаточно. Сегодня я пойду и отслужу службу. Вот и тебе предлагаю сходить со мной. – Ванька лишь мотнул головой в знак согласия.

– Ну вот и хорошо! – улыбаясь, проговорила Устинья. Ванька не знал, куда она поведёт. И на всякий случай спросил:

– А это далёко?

– Нет! Увидишь, – услышал он её ответ.

В действительности не она их собирала, они как-то без неё сами по себе сплотились там. Они всегда собирались – с десяток старушек в небольшом пятистенке у глухого деда Никиты Воробьёва на Блок Посту. Просто, будучи монашкой, многие молитвы знала наизусть. Однажды, несколько лет тому назад, одна из этих старух пришла к ней домой и пригласила почитать молитвы на Пасху. С тех пор по мере возможности Устинья на большие церковные праздники приходила туда без приглашения.

После того случая с иконой Ванька часто пропадал у Устиньи. Даже оставался ночевать. Старался, делал, что мог – за водой сходить, сварить, и даже в магазин сбегать. А зимой двор чистил от снега. Ванька раньше жил с матерью. Та в последнее время сильно болела и умерла. У Ваньки без того с головой было не в порядке, тут совсем с катушек слетел. Несколько лет лечился в психбольнице, там заработал небольшую пенсию.

К тому времени Устинья сильно заболела. Ванька практически от неё не отходил. Был рядом. Полюбил её как родную мать. Больше полгода она боролась с болезнью, и в один из последних дней августа умерла.

Найда, глядя на хозяйку, тоже переменялась – взгляд невесёлый, шерсть потускнела... А тут ещё смерть...

...Найда лежала на соломе под телегой, закрыв глаза, впала в дремоту. Она увидела картинку, будто щенком играла со своей сестрой. Одна убегала, другая старалась хватать её за бока. Исчезла эта картинка, появилась новая: она уже молодой собакой набрасывалась на человека в дрессировочном халате. Через мгно-

вение появилась другая: шёл строй заключённых, кто-то из них споткнулся, все остановились, Найда тут же рванулась на толпу, но была осажена криком своего проводника «Фу!». Наконец, открыв глаза, зевнула, встала и направилась в сторону калитки.

* * *

Погода в день похорон Устиньи выдалась как по заказу. Солнечно. Безветренно и сухо. Последний день августа. Телега с гробом на ямах и колдобинах иногда подпрыгивала, слегка поскрипывали колёса. Процессия состояла из молчаливого и хромого соседа, мужика в годах, Кондрата, однорукого возчика, хмурого мужика Василия и Ваньки. Следом за ними бежала, высунув язык, Найда. Они двигались больше получаса. Поднявшись вверх, развернулись по «бетонке» в сторону закрытого города. Пройдя приблизительно пару километров с хвостиком, свернув вправо, прошли до переезда. За ним, свернув снова вправо, углубляясь по лесной дороге, добрались до кладбища.

Давно отъехали на подводе возчик с Кондратом. Лишь Ванька с немим лицом оставался стоять возле свежей могилы. Очнувшись от своих мыслей и смахнув слезу ладонью, быстрым шагом пошёл догонять мужиков, только дома обратил внимание на отсутствие собаки.

* * *

Найда осталась жить при кладбище. Однажды, плутая среди молодых сосен, собака увидела, что двое парней стали приставать к девушке. Та звала на помощь. Найда поняла, что ей угрожает опасность, и рванула к парням, прыгнув сходу, сбила одного хулигана. Парень лежал на земле и орал благим матом. Другой растерялся, стоял, не двигался. Девушка закричала: «Фу!». Найда отбежала от него и встала рядом с ней, показывая всем видом, что она в любой момент готова её спасти. Лежавший парень приподнимался, отряхнулся, молчком с приятелем, оглядываясь, осторожно пошли в сторону психбольницы. Девушка с собакой смотрели им вслед, пока не исчезли парни. – Спасибо, подруга! – девушка слегка ей улыбнулась и погладила, Найда в ответ замала хвостом. – Ещё раз спасибо тебе, моя спасительница. Только

мне идти надо, меня ждут. – И она направилась в сторону воинской части.

Конец сентября. Пасмурно. Холодно. Первые снежинки падали на землю, таяли. Найда с закрытыми глазами лежала на могиле. И не заметила, как стала засыпать. Она вдруг увидела, как из белого света выходит Устинья и ей улыбается:

– Ну что, пойдём, подружка. Я за тобой пришла...

На будущий год перед майскими праздниками на кладбище пригнали народ, чтоб произвести уборку. На одной из могил увидели собачий труп. Подошёл мужик, косой, рябой сторож кладбища Матвей Петров:

– Она тут жила с позапрошлого года, иногда со мной пройдёт на обходе и снова сюда убежит. В прошлом году дочку замполита из воинской части спасла от двух мерзавцев.

– Молодой человек принёс лопату и выкопал рядом с могилой яму. Осторожно положил собачий труп и засыпал землицей:

– Видать, хорошая была собака.

– Да и хозяйка хорошая.

– Ну ладно, пойдём.

СТРЕЛОЧНИК

Пётр Ефимович Груздев, горластый, с гонором мужик, говорил о себе, что прошёл огни, воды и медные трубы. Почему, такие подробности известны только от него самого.

Жили Груздевы тогда на Алтае. Имели в хозяйстве лошадь, корову и несколько десятин земли. Семья их состояла из пяти детей и их родителей. Сам Пётр был старшим сыном, которому шёл в то время четырнадцатый год. В самом начале тридцатых годов прошедшего столетия в деревнях прошла первая коллективизация. Отец, Ефим Груздев, не захотел вступать в колхоз, а раз не захотел, приехали как-то ночью и забрали его в ЧК. Мать, поплавав, погоревала, но жить-то как-то надо. Через два месяца явился отец, заросший и больной. Дали двадцать четыре часа на то, чтоб духу в деревне семьи Груздевых не было. И поехали они осваивать матушку-Сибирь. В Барнауле собрали толпу в Томск по железной дороге, оттуда по реке в Нарым. Пока плыли, народа много померло, всё это происходило быстро, не выдержали двое малых детей из семьи Груздевых. Приплыли на большой остров, высадили, и стала каждая семья рыть землянки под жильё. Пережили зиму. Весной стали корчевать землю и валить лес. Бук-

важно через два года семья Груздевых лишилась отца семейства. Причина – туберкулёз. Мать тоже изматывалась сильно и уставала, Пётр к тому времени попрос и помогал матери: например, срезал с деревьев сучья, чтоб получать пай за трудодень на семью из четырёх человек.

Уже весной как-то пришла пустая баржа, а после её загрузки бригадир отправил Петра сопровождать её к месту назначения. Плыли несколько дней с остановками.

На месте прибытия мастер уговорил Петра остаться на комбинате. Видя его старательность и хватку, через год ему уже предложили стать помощником десятника, а к тому времени ему едва исполнилось восемнадцать лет.

Закончив вечернюю школу, поступил в техникум. Женится. Работал диспетчером на рейде, потом на железнодорожном участке, – мастером. Война началась – не взяли, имел бронь...

* * *

Печку успели протопить пока светло. Пётр Ефимович сидел за столом и чего-то выжидал. Посмотрел на часы-ходики. Подошёл и гирю поднял вверх. Снова присел, надел очки и взял областную газету:

– «Красное знамя». Интересно, что же там пишут. – Открыл первую страницу и перелистнул следующую. – Ага, Лигачёв поставил на место асиновского секретаря, за дом культуры, что построили не на том месте, где планировали раньше. Недоразумение, ничего не скажешь. – Он замолчал, отложил газету, снял очки.

– Лиза, ставь на стол, будем ужинать. – Жена его, круглолицая и ядрёная женщина, вышла из соседней комнаты, подошла к печке и загремела посудой.

После ужина Пётр Ефимович остался сидеть за столом, где-то недалеко загудел паровоз.

– Я пошёл. – Он встал, накинул на плечи пиджак и чуть ли не рысью побежал в сторону железной дороги, а вернее, к стрелке. Ему надо было успеть повернуть стрелку, что он и сделал. Вагонов-углярок под погрузку насчитал всего штук шесть. Хотя не обязан был это делать.

Утром следующего дня Груздев стоял «на ковре» перед главным инженером Савельевым:

– Это что за самоуправство – поставить вагоны в тупик, рядом с третьим участком!

– Но, Николай Николаевич, третьему участку тоже надо работать, они там всю неделю на простое стоят. Баклуши бьют. Контингент сами знаете, какой – вербованные молдаване и хохлы.

– Да чего не знаю. Знаю. Хоть успели оттуда выдернуть три порожних вагона. А вербованный народ задействуем на другие участки. Ладно, иди, стрелочник.

Груздев вышел из кабинета главного инженера раздражённым: «...будто не знает, когда придёт комбинатовский паровоз и начнёт растаскивать вагоны по участкам. И всё-таки я справился шустрей до его прихода»... – думал он, и шёл не разбирая дороги – торопился.

Уже какой раз Груздева вызывал главный инженер из-за его самовольства по вагонам. Он стоял и, не смущаясь перед ним, начал разговор:

– Я написал заявление на перевод.

– Пётр Ефимович, а ты не шутишь?

– Никак нет, – по-военному отчеканил Груздев, пошарил во внутреннем кармане и достал свёрнутый листок, подал Савельеву.

– Прошу меня перевести стрелочником, – прочитал вслух Савельев и глянул на Груздева.

– А ты справишься? Тебе под шестьдесят, технику безопасности нужно там соблюдать строго и обязательно.

– Подписывай. Справлюсь. Милька Шипицына с переезда Ижевской увольняется по болезни, я на её место уйду. – Савельев молчком, не глядя, подписал и отдал заявление.

* * *

Три часа прошло, как Пётр Ефимович заступил на дежурство. Вдалеке загудел паровоз, предупреждая о своём прибытии к переезду. Он вышел из избушки, включил сирену и замахал жёлтым флажком. Подошёл к шлагбауму и опустил на уровень больше метра. Закрыл переезд, где с двух сторон уже собирались

вереницы машин. Неожиданно на скорости приблизился грузовик, обходивший по встречной полосе другие машины. Пётр Ефимович заметил его приближение и выскочил к нему. Замахал красным флажком и рукой. Вдобавок заорал: «Стой!».

Водитель грузовика, молодой рыжий парнишка, не справившись с рулевым управлением, хоть и затормозил, врезался в столбик-ограждение. Столбик завалился набок. Одна из шести бочек с сельдью упала, и оттуда вывалилась огромная куча, заполонила половину дна кузова. Запах тут же молниеносно распространился по округе.

– Ты что, не видишь, куда едешь? – начал с водителем выяснять Пётр Ефимович:

– Тебе что, жить надоело?

– Я здесь ни при чём, это он меня торопил.

– Кто он?

– Экспедитор. – Водитель указал на сидевшего в кабине толстяка в очках. Толстяк съёжился, моргал глазами и крепко держал чёрную папку.

– Я ему ничего не говорил, – заорал что есть мочи экспедитор.

– Как не говорил? «Сейчас проскочим и успеем пообедать!» – вскипел водитель на толстяка.

– Короче, всё ясно, – уже спокойно ответил Пётр Ефимович. – Вызываю ГАИ, и пусть они с вами разбираются.

Уже и состав прошёл. Пётр Ефимович открыл шлагбаум, машины одна за другой осторожно объезжали грузовик. Подъехал легковой газик и оттуда вылез Савельев.

– В чём дело? – Водитель к нему вышел и сбивчиво стал объяснять, что произошло.

– Ясно. Ты, Митрофанов, сдашь груз, сходишь в отдел кадров, напишешь заявление по собственному желанию, – грозно обратился Савельев к толстяку.

– За что? – завопил Митрофанов.

– За еду и за рыбу, – громко ответил и посмотрел на толстяка Савельев. Повернулся к Петру Ефимовичу:

– Ты действительно на своём месте, стрелочник.

– Конечно, на своём. Приходи и ты, место освобождается, Дуська Кузьмина пойдёт на пенсию, – в шутку предложил главному инженеру Пётр Ефимович.

– Ладно, подумаю, – серьёзно ответил Савельев.

– А чего думать, место есть. Работая главным инженером, ты сколько нервов потерял, а тут совершенно другая работа. В общем, приходи.

Савельев, пока ехал на директорское совещание, задумался: «А может, правда пойти с Петькой поработать стрелочником. Нервы ни к чёрту, сдают, схожу в отпуск и отдам Лепинскому своё кресло», – и усмехнулся.

Доля бабская, горемычная...

(повесть из лагерной жизни)

1

Наконец-то пришла долгожданная осень. Паутинки летели и цеплялись за ветки деревьев и кустов. Сквозь солнце по небу плыли кучерявые облака, похожие на необыкновенные, фантастические чудовища. А где-то шла война...

Этап из трёхсот эчек под конвоем неторопливо шёл в дальний от станции железнодорожный тупик. Тут всяких хватало личностей: и «враги народа», и блатные. Охрана состояла из полутора десятков солдат и нескольких овчарок. Командовали этапом майор Мария Гавриловна Кустова, толстая, белобрысая, хамоватая женщина, с заместителем, худошавым, средних лет старшим лейтенантом Петром Фроловым.

– Этап, стой! Смирно! – зычным голосом скомандовала майор Кустова. – А ты, Фролов, подойди ко мне, – позвала она старшего лейтенанта. – Петя, вот что. Сейчас мы их приведём в старый угольный склад, а солдаты под твоим командованием пусть их охраняют и меняются, как положено. Утром распределим каждой эчке работу, – почти шёпотом проговорила она Фролову. – Там есть домик, вот и размести в нём солдат. А сейчас вперёд! – заорала командирским голосом майор Кустова. – Этап, шагом марш!

Этап двинулся, овчарки залаяли, солдаты прикрикнули на эчек. Прошли более трёхсот метров. С левой стороны, за насыпью, показалось деревянное прокопчённое строение и несколько домиков. Из трубы одного домика шёл дымок. Этап свернул и

пошёл к строению, перешагивая через рельсы. Кто-то из эчек споткнулся и матерно выразился. Этап завели в помещение и закрыли на засов. Охрана оцепила угольный склад. Бабы внутри стали возмущаться и стучать в ворота. Фролов подошёл и стал стрелять вверх. Шум внутри сразу прекратился.

– Чтoб сидели до утра, как мыши, иначе перестреляю всех как за попытку к бегству! – рывкнул и отошёл в сторону.

– Петенька, молодец, я тебя жду вечером, – хлопнула по плечу Кустова. – Вот тебе адресок: переулок Путевой, два, стучи в квартиру номер три. Я тебя жду, – и она, улыбнувшись ему, пошла, расстегнув гимнастёрку.

«Петенька придёт, куплю водки и закусить чего-нибудь», – думала она, торопясь в ближний магазин.

С оставшимися солдатами старший лейтенант Фролов пошёл в домик, откуда из трубы шёл дымок. Подошёл и постучал.

– Заходи! Кто там? – услышал он старческий голос. Открылась дверь, и перед ним предстал сухой старичок.

– Чего скажешь, служивый?

– Да вот, на постой к тебе привёл своих вояк.

– Места всем хватит. Кипяточком обеспечу. Четыре кровати имеются на чердаке. Я видел ваших собак, придётся делать для каждой конуру. А сколько их?

– Шесть.

– За углом дома несколько больших ящиков, вот пускай берут. Инструмент дам. Рядом была когда-то столярка. Я работал там. И пусть возьмут опилки, если не растаскал местный народец.

– Спасибо, старик, за уют.

– А пока не за что.

– Сухим пайком тебя угостим.

– Ладно, договорились.

– Вас здесь четверо, чтоб каждые два часа менялись. Собак по углам привязать, – скомандовал старший лейтенант Фролов, выходя на крыльцо к солдатам. – Рядовой Смирнов и ефрейтор Тычко! Отвечаете, каждый за свои смены. Стрелять без предупреждения. Утром доложить, – поправив ремень на гимнастёрке, он шагнул в ту сторону, куда пошла майор Кустова.

Бабы уселись на угольную пыль, и кто-то из них даже захныкал. Бригадирша Наталья Павлова, молодая баба, за тридцать, полнотелая шатенка с Дона, строго скомандовала:

– Хорош ныть. Москва слезам не верит.

В разговор с ней ввязалась уголовница Сонька Харламова по кличке Фифа, стройная брюнетка с озорным взглядом.

– У человека горе, маляву из дома получила. Мать умерла.

А ты на неё рот открыла.

– А у нас у каждой своё горе.

– То-то я вижу, что тихая такая ты вся.

– Какая?

– Из врагов народа.

– Как там говорят, за базар отвечаешь?

– Отвечаю.

– Ну, тогда выходи.

Толпа посередине расступилась и оставила пространство. Фифа пошла от задней стенки, а Наталья – от ворот. Наталья слева наотмашь крепко ударила Фифу, та отлетела, будто пробка из шампанского, села на пол и вытащила заточку. Затем встала на ноги и пошла на Наталью. Стала махать заточкой перед её носом, та увернулась и ловким приёмом выбила заточку, потом через себя свалила Фифу на землю. Фифа заорала благим матом. Ворота отворились.

– Лежать! – заорал солдат и стал стрелять в воздух. Все улеглись. – Ещё услышу – пристрелю, как собак!

Наступила гробовая тишина. Ворота закрылись.

– Опять блатные с врагами народа чего-то не поделили, – сказал солдат своему напарнику.

Последний луч солнца скользнул по верхушкам сосен. Вечерело, сгущались сумерки. Над городом пролетела стая журавлей. На складе наступила тишина, изредка нарушаемая громким кашлем. Уставший этап, как призрак, жаждал только спокойствия до самого утра.

Утро. Голубое безоблачное небо. Этап уже на ногах. Открылись ворота. Вывели на поверку. Все на месте.

Занялись распределением работы, каждая баба получила своё. Принесли завтрак – чай и чёрный хлеб. На месте позавтракали, потом собрались кучками, большую часть повели на железнодорожную станцию. Другая часть осталась на месте, а третью увели на угольный тупик. Пришли два плотника, которые работали на складе. Баб тут заставили в мешках таскать опилки из столярки на склад. Охрану усилили до целого взвода.

В течение недели обустроили зону – колючая проволока в три ряда, четыре вышки с охранниками. Из склада сделали барак, который утеплили опилками. Поставили котёл от паровозика с узкоколейки. В три этажа построили нары, а также туалеты около барака. В баню сводили один раз – на станцию, в заброшенные мастерские.

2

Прошёл дождь. В воздухе запахло свежестью. Бабы только что закончили выгрузку очередного вагона-углярки.

Альмия, молодая татарочка, сидела в стороне от всех остальных и держалась за палец. Зашибла, когда закрывали люк. Сразу в горячке не почувствовала боль. К ней приблизилась старая зэчка, бывшая саратовская учительница Неля Серафимовна Кулакова, а попросту тётя Неля.

– Ну-ка, покажи свой палец.

– Вот, – протянула ей руку Альмия.

– Ноготь точно слезет. Ты его, дочка, мочой оберни, – и она на себе порвала нижнее бельё и сунула ей кусок. Альмия взяла кусок и пошла за вагон.

Вечерело. Накрапывал дождик. Бабы собрались, и их повели в барак. Альмия шла последней. Палец вроде бы утих. Альмия как единственная дочь «раскулаченного» собственника была выслана в Колпашево, но потом её арестовали как пособницу в пользу Японии. Таким образом, Альмия оказалась в областном центре уже как зэчка.

Бабы поужинали и утомонились. В бараке наступила тишина.

Кто-то запел, открылась дверь, и заглянул конвойный, седоватый ефрейтор.

– Что такое? Прекратить песню!

Та, которая пела, сразу заткнулась. Удовлетворённый конвойный закрыл дверь. Снова наступила тишина. Бригадир Наталья встала в рост.

– Завтра нужно сказать, чтобы нас сводили в баню. Появились больные. Двое там, в углу, лежат. Если они и дальше будут находиться в бараке – начнётся эпидемия.

Никто ей не возразил. За то время, что они здесь находились, Наталья после случая с Фифой в глазах у всех приобрела авторитет.

– А что, бабы, она права. От эпидемии мы здесь все передохнем, как мухи, – громко высказалась Фифа и встала. – Завтра будем требовать своё.

Толпа промолчала. До утра есть время, чтобы как-то отдохнуть и набраться сил. Бабы понимали положение, в какое попадут, наверное, решили сделать, как сказала Фифа. Утро вечера мудренее.

Темнота поглотила тишину. В углу барака заскреблись мыши. Началась новая октябрьская ночь.

3

Туманное утро встретило эзчек прохладной сыростью, когда они выходили на построение. Все, как одна, съежились и, не торопясь, пошли на выход из барака. У каждой в голове сидела мысль: кто выиграет или проиграет – неизвестно.

Прошла перекличка, и, как обычно, начали назначать на работу, но никто из баб не тронулся с места.

Вышла майор Кустова и заорала:

– На работу становись!

Никто не двинулся с места.

– Я кому сказала! – она осеклась и покраснела.

Повторилось то же самое, что и в первый раз.

– Это бунт! Я прикажу вас всех расстрелять, – гневно проговорила майор Кустова.

Вышла вперёд из толпы Фифа:

– Наши такие условия. Пусть уберут больных из барака и сводят нас в баню. А самое главное – пусть каждую из нас осмо-

трет врач. Мы себя пока ещё считаем людьми, – сказала она и отошла в толпу.

Заговорила майор Кустова:

– А теперь послушайте меня. Вы здесь никто, и вас никак не зовут. Вы тут все враги народа, и за этот бунт каждая из вас ответит.

Снова вышла Фифа:

– А вы нас не пугайте. Я телегу накатала городскому прокурору о том, как нас здесь содержат. Здесь не все враги народа, есть другие личности, так что вот так я вам говорю, Марья Гавриловна.

На этот раз майор Кустова рассвирепела и заорала:

– Будете стоять до тех пор, пока не подохнете на месте.

Толпа промолчала. Никто с начальницей спорить не стал. Три часа прошли незаметно. Потом кто-то из женщин не вытерпел и сел на землю. К зоне подъехала легковая машина. Из неё вылез представительный мужчина средних лет с женщиной в белом халате, и они направились к воротам зоны. Им навстречу вышел солдат и попросил показать документы. Они показали, и их пропустили. За воротами встретила майор Кустова и повела в штаб.

Через полчаса, когда машина увезла неожиданных гостей, перед толпой снова появилась майор Кустова:

– Ваши условия мы выполним, но завтра будете работать за сегодня вдвойне, – сказала она и замолчала.

Вышла из толпы Фифа:

– Я же вам говорила, а вы мне не поверили, – и она исчезла в толпе.

– Пока зайдите в барак, больных через полчаса заберут в лазарет, – ответила Кустова.

День подходил к концу. Сумерки. В бараке – тишина. Каждая заключённая в душе радовалась, что наконец-то они хоть что-то выиграли на этот раз.

4

Весь день шёл проливной дождь. Баб почему-то не выгоняли на работу. После ужина, где давали кусок непонятного как

по запаху, так и по цвету хлеба и кружку тёплого коричневого чаю, где на дне плавало несколько чайнок, прошёл слух, что завтра всех погонят на склады разбирать вату из довоенных запасов, чтобы потом из хлопчатобумажного материала шить телогрейки и ватники.

Фифа сама подошла к Наталье и заговорила:

– Значит, завтра нас поведут туда, где есть крыша над головой.

– Ну и что? Куда посылают, туда и идёшь.

– Как бы кто-нибудь из нас оттуда не сделал бы ноги. Побег – дело такое, не вычтешь, а всем достанется.

– Америку открыла. Лучше бы подумала о стукачках. В моём отряде их нет. Не допущу.

– А ты не говори «гоп», пока не перепрыгнешь.

– Я каждую предупрежу. А если не поймёт – в рыло.

– Ладно, я тоже своих предупрежу, чтоб никаких побегов.

Разговор кончился, и обе разошлись по углам.

Через час в кабинете майора Кутовой шёл разговор с Катькой Рыжей.

– Значит, говоришь, Фифа сказала Наталье о побеге и намекнула, что из её бригады?

– Ну да, – ответила ей Катька Рыжая, худая молодая бабёнка, вся в наколках, осведомительница из Натальиной бригады.

– Так она Наталью попросила не делать побег. Довольно странное предложение...

– Я лично своими ушами слышала.

– Смотри, они узнают – с тобой быстро расправятся. Ты сейчас пойдёшь на кухню и останешься там до утра.

– Как скажете. Вымою полы и останусь там до утра.

– Тогда иди.

Катька Рыжая тихо вышла и направилась в сторону кухонного блока. Кутова сидела и думала: если такое дело с побегом случится, то её точно уволят. Надо было срочно усилить охрану.

Прошла поверка. Всех баб строем повели работать в склады. Дошли до них быстро. Здание оказалось старым. Толпу за-

вели вглубь. Старший лейтенант Фролов объяснил суть работы и вышел. За ним закрыли двери. Окна маленькие и мало пропускают света. Бабы начали работать в полумраке, пока глаза не привыкли к такому необычному свету. Работали до сумерек. Открылись двери, и все по одной начали выходить. Баб построили и повели. Привели в барак, через некоторое время принесли еду. Поели. Вышли на поверку. Когда она закончилась, их быстро распустили. На этот раз всё прошло нормально.

5

Начался декабрь с морозами за тридцать. В обычном порядке баб гоняли на разгрузку вагонов. На этот раз туда попадали все. С Кузбасса уголь отправляли большими эшелонами, которые нужно было срочно выгружать. Несколько человек попали в лазарет с обморожениями, поэтому фельдшеру Зое Павловне Снегирёвой работы прибавилось много. Лазарет – пассажирский вагон – находился на территории зоны, его сюда притащили в начале ноября. С десятка два зэчек слегли с простудными заболеваниями. Среди них несколько человек даже с туберкулёзом. Из трёхсот человек осталось двести шестьдесят восемь здоровых. На самом деле каждая вторая из них кашляла и плевалась. Майор Кустова хорошо понимала: ситуация выходила из-под контроля не в её пользу. Она ждала пополнение – сорок новых зэчек.

Так думала майор Кустова, когда вошла в лазарет. Она с фельдшерницей обошла всех больных и вышла, не обмолвившись ни словом. За короткое время в бараке у Кустовой умерло более десяти человек. Последняя – жена академика Багрова, Нина Петровна, 1877 года рождения, уроженка Москвы. Сообщать родным не будут – не положено.

Технология выгрузки вагонов проста: открываются люки на вагоне-углярке, и уголь сам высыпается оттуда на землю. Это только в летний период. Сейчас, зимой, его нужно разбивать, так как он замёрз. Это объясняется тем, что уголь промывают водой при загрузке в вагоны. Кроме старого бульдозера и крана с грейфером на погрузочной платформе ничего нет. Кран стоит сломанный, бульдозер тоже через раз работает.

Кустова решила взять дела и посмотреть, кто из её подопечных хорошо разбирается в технике. На дворе глубокая ночь. Ударил мороз. Кустова сидела и перебирала стопки дел. Наконец нашла то, что было ей нужно. Перед ней лежала папка «Дело № ИС-37». Она открыла его на странице, где от руки было написано следующее: «Марта Вебер, родилась в Горьком, окончила сельскохозяйственный институт, имеет свидетельство об окончании курсов трактористов». Кустова тут же закрыла и отложила это дело в сторону. Встала и закурила. Подошла к окну. Потушив папиросу в пепельнице, снова уселась на своё место. Перед ней лежала стопка ещё не просмотренных дел. Почти час Кустова внимательно просматривала каждое дело, но нужных результатов поиск пока не дал. Вот дело № Т-38. Вроде бы знакомое название, но Кустова тут же заглянула на отложенное ей дело. Открыла. На одном листочке была такая запись: «Вера Фриденберг, родилась в 1925 году в Нижнем Новгороде. Окончила электромеханический техникум. Состояла в троцкистской контрреволюционной организации, приговорена «тройкой» НКВД к девяти годам заключения с правом высылки ещё на пять лет». Кустова закрыла и положила это дело на дело Вебер. Встала и вновь закурила.

«Надо попробовать их использовать, чтобы разгрузка вагонов шла как надо», – с такой мыслью Кустова подошла к «буржуйке» и протянула руки, чтобы их погреть. Она явно нервничала, и громко чертыхнулась, когда обожглась, туша папироску о печку.

Открыв дверь, крикнула охраннику:

– Утром заключённых Вебер и Фриденберг ко мне! – и захлопнула дверь.

Марта, рослая белобрысая девка, и маленькая, худенькая брюнетка Вера стояли перед Кустовой и слушали её.

– С сегодняшнего дня обе займётесь бульдозером. Я вас освобождаю от разгрузки вагонов, а также от конвоирования. Вопросы? – Кустова окинула эзек пристальным взглядом.

– Я уже несколько лет не сидела за рычагами. Забыла, как к нему подходить, – ответила Марта.

– Ничего, вспомнишь! – недовольно проговорила Кустова.

– А моя задача в чём состоит? – пожала плечами Вера и посмотрела на Кустову.

– Вас назначаю, чтобы бульдозер и кран работали как часы. А если вы справитесь со своей задачей, поселю обеих в отдельном помещении и будете получать дополнительный паёк. Мне вы нужны как специалисты, – сказала она и замолчала.

В этот момент постучали в дверь, оттуда послышался голос:

– Разрешите войти?

– Входите! – ответила Кустова.

– Бульдозер сломался, – торопливо сказал вошедший молодой солдат.

– Ну, вот вам и работа! Идите! – Кустова отвернулась и посмотрела в окно. За окном бушевала метель. Вот такое начало декабрьского утра.

Марта с Верой вышли. Первой заговорила Марта:

– Нам бы его завести. Я по такту определю – какой-то поршень или какой-то клапан хандрит.

– Ладно. Я свечи прогрею и поставлю на место.

– Попробуем начать хотя бы с этого, – сказала Марте Вера.

– Однако ты не дура.

– У меня – диплом. Практику проходила на авторемонтном заводе. Так что – как-то вот так. Не хвалюсь.

Вера ускорила шаг.

– Короче, всё ясно! – и Марта побежала догонять Веру.

Почти час Вера с Мартой возились с бульдозером. Подошёл Прохор Иванович Шитов, мастер Гортопсбыта, бородатый мужик с воспалёнными глазами и хромотой.

– Ну, что, девки, у вас тут такое?

– Сами не знаем. Ещё пока не включали, – ответила Марта.

– Ладно. Заводите! Посмотрим, как он заработает. – Прохор отошёл в сторону.

Марта подошла, вставила ключ зажигания и резко дёрнула рычаг на себя. Бульдозер затарахтел. Марта ловко прыгнула на гусеницу и залезла в кабину. Посмотрела на спидометр. Стрелки прыгали, а значит, бульдозер работал в режиме. Марта подошла

ближе к мотору и стала прислушиваться к такту работы двигателя. Через некоторое время заглушила бульдозер и обернулась к Прохору.

– Один из выпускных клапанов стучит. Думай, дядя!

– А чего думать? В мастерскую к паровозникам. Разберём и, если надо, заменим, – твёрдо ответил Прохор.

– Нам бы не мешало там поприсутствовать. На всякий случай, – проговорила Марта без всякого сомнения.

– Рвётесь в бой. Ладно, я вашу просьбу удовлетворю, – улыбка заскользила на лице Прохора.

Марта отключила двигатель и вылезла из кабины трактора. Подошла майор Кустова:

– Рассказывай.

– Двигатель нужно срочно разобрать, а то заклинит. Мастер сказал, что ремонт можно сделать в депо, – стояла и вытирала руки тряпкой Марта.

– Так, с трактором ясно. У вас есть возможность ещё сделать кран.

– Мы попробуем, – снова ответила ей Марта.

– Так прямо и сейчас. Главное, чтобы толк был от вас. – Марта с Верой переглянулись между собой и направились в конец тупика, там в одиночестве стоял кран. Вера возле главного щитка крана стояла и плевалась:

– Ты посмотри, предохранителей нет. Мать вашу... Руки оторвала бы за такое.

– А ты не суетись и посмотри по углам, пошарься... – успокаивала её Марта. Вера полезла внутрь щитка, не скрывая радости, вытащила оттуда чёрные предохранители. – Вот они, дорогие мои брюнеты, – вставила в щиток и включила рубильник. По лестнице залезла наверх. Сидя в кабине, включила контактор на «виру». Грейфер пополз вверх. Вера уж хотела заорать «ура», вдруг – резкий толчок, и он встал. Покрутив туда-сюда рычаг, спустилась вниз. Открыв щиток, рассматривала с другой стороны дверки электросхему. Немного изучив, высказала соображение:

– Нужно посмотреть контакторы в щитовой части. Видимо, контакты залипают, а если их почистить, стабильный режим получится.

– Надо сказать начальнице. Нужно сделать то, и нужно это... Сразу всё не получится, – недовольно высказалась Марта.

– Смешная ты, приказ не обсуждается, – засмеялась Вера.
– Хватит смеяться, пойдём и обсудим. Делов-то... – И первая направилась в конторку мастера гортопсбыта. Следом за ней, словно собачонка, побежала Вера ...

Тем временем состав из шести пустых вагонов тронулся с гортоповской ветки. Со станции должны подать ещё пять угля-рок.

Фифа присела у небольшого костра, возле которого собралась вся её бригада. Вздыхая всей грудью, проговорила:

– Короче, так, бабоньки, за то, что мы здесь пашем, как лошади гортоповские, нам хотя бы выдавали обыкновенный кипяток. Рядом кусты малины, а подальше смородяжник с шиповником. Усекли, что я вам сказала? Не слышу... Ну, потом сами смотрите, – и она замолчала. Крешетка, шупленькая, средних лет шатенка, одесситка, встряла в разговор:

– Скажи «спасибо», что дают костёр жечь. А ты кипяток... размечталась!

– А ты вообще заткнись! Не знаешь, что здесь было, рот закрой, – резко одёрнула Крешетку Фифа.

– А что было? – не унималась Крешетка.

– Здесь, дорогуша, мы побузили, и нас один раз в месяц стали водить в баню. А ещё появился фельдшер, который смотрит за нами. Лечит. Тебе ясно? Так что заткнись и помалкивай.

На этот раз, стиснув зубы, Крешетка промолчала.

– Я сама «маме» скажу, чтобы она нам такое разрешила, – снова заговорила Фифа.

Бабы притихли, никто не проронил ни слова.

– А зачем мне говорить, – нарушила тишину Кустова. – Вас обеспечат кипятком, но чтоб вы работали без простоев. Это моё вам слово.

Бабы обернулись: сзади костра стояла и ухмылялась сама майор Кустова. Вдалеке раздался длинный гудок и скрежет колёс. Паровоз толкал вагоны под очередную выгрузку.

Утром в барак вбежала худенькая очкастенная девушка.

– Ой, сёстры, наши-то немцев не подпустили к Москве. Говорят, сибиряки там отличились. Победа! Ура! – на двух последних словах она повысила свой звонкий голос.

– Так, цыц! Хорошо петь и гнать, – возразила ей Фифа.

– Я лично слыхала разговор между конвоирами. Вот вам крест. – И она сразу перекрестилась.

– Ладно, потом узнаем, – немного подумав, возразила Фифа.

В бараке зашевелилась толпа. Весть, принесённая с воли, немного взбудоражила баб. Бывшая игуменья Серафима с внимательным взглядом (в миру Анна Иннокентьевна Прохорова из Подмосковья) перекрестилась и стала читать «Отче наш...», шепча себе под нос. Прочитав молитву, матушка Серафима повернулась к востоку, перекрестилась и поклонилась в пояс.

– Наши должны победить, и придёт конец войне, – без замешательства, спокойно сказала она.

Это услышала Фифа, и обратилась к игуменье Серафиме:

– Вот что, матушка, пойдёшь помогать фельдшернице в лазарет и возьмёшь свою монашку. Возражений не будет?

– Куда нас пошлют, туда мы и пойдём, и честно будем работать с сестрой Ариной. Благодать должна присутствовать в благостях наших настроений.

– Вот и хорошо, что меня поняла. А сейчас все по одной на поверку выходи!

Толпа зашевелилась и направилась к выходу. Начинался новый день, день надежд на счастливое будущее.

Раздался стук в дверь. – Кто там? Входите... – засуетилась фельдшер Зоя Павловна в своём кабинете. Тут она жила и принимала больных. Вошли две заключённые, матушка Серафима с сестрой Ариной. – Бог вам в помощь! – поклонились, крестясь, обе перед ней. – Нас послали вам помогать, – заговорила Серафима.

– Это хорошо, что прислали, мне нужны помощники. Вас нужно как-то разместить, чтобы вы здесь постоянно находились и помогали. Рядом с моим кабинетом имеется небольшое помещение, вам придётся оттуда вытащить хлам. Там есть одна лавка, по очереди будете спать, в ночь одна дежурит, а другая спит. Та, которая ночью отдежурит, до обеда должна выспаться. В общем, разберётесь. Пошли, я вам покажу и расскажу ваши обязанности.

Зоя Павловна вернулась к себе. «Странные эти помощницы. Присмотрюсь-ка я к ним», – что-то нехорошо подумала она, но со временем поймёт, что ошибалась в них. Характеризовать Зою Павловну Снегирёву можно так: ей нет ещё сорока лет, приятной внешности шатенка с голубыми глазами, коренная томичка. Очень спокойная по натуре. Родители её, Марья Евграфовна и Василий Саввович, оба были врачами, работали в клиниках медицинского института. Зоя Павловна решила идти по их стопам. Выучилась, и уже не первый год работает врачом. Выскочила замуж. Мужа Колно призвали на войну. Он военный лётчик. И успел получить медаль «За боевые заслуги» за сбитые им два немецких самолёта, на которых были нарисованы чёрные тузы, причём – в одном воздушном бою. О нём даже написали во фронтовой газете. Коля попросил корреспондента выслать газету ей. Зоя Павловна её получила.

Матушка Серафима, отстояв первую ночь на дежурстве, валилась с ног. Утром сестру Арину отправила вместо себя, закрыла глаза и сразу уснула. Проснувшись, задумалась. Когда пришли чекисты арестовывать её, за ней увязалась сестра Арина. Она говорила, что матушку не бросит просто так. Аринина наивность рассмешила их: стало быть, ты тоже вражья сила, раз на себя берёшь её преступления. Матушка Серафима лечила прихожан как травница и народный лекарь. А это значит – занимаешься вредительством против общества. Монастырь оцепили, всех монашек погрузили в машины и повезли. Привезли на железнодорожный вокзал, загнали в вагон. Через сутки подцепили к составу, эшелон их повёз в Сибирь. В вагоне матушка Серафима решила поговорить с сестрой Ариной:

– Значит, решила за меня умереть?

– Матушка, а как мне без тебя? Я тебя люблю. Без тебя мне плохо станет.

– Не всё так плохо, сестра. Бог терпел, и мы с тобой потерпим. – Сестра Арина промолчала. Матушка Серафима её сама принимала девочкой в монастырь. Отца убили на войне. Мать от горя запила и при драке в трактире её убили. Десятилетняя Арина осталась сиротой. Шла от купца Задорожного и увидела её. Подошла, взяла девочку за руку и повела в монастырь. С тех пор она воспитанница, всегда находилась при ней.

Сама матушка Серафима родом из дворянского сословия. От несчастной любви взяла и ушла в монастырь. Там у сестры Марии научилась лекарству. А когда началась Первая мировая война, пошла на фронт сестрой милосердия. За заслуги перед российским Отечеством получила высшую награду – орден Святого Георгия. Сам царь Николай Второй ей вручал его в торжественной обстановке. Их госпиталь в то время находился недалеко от передовой.

Дверь отворилась – прервав её мысли, заглянула Зоя Павловна:

– Матушка, ты чего расселась, мы там тебя ждём. Работы непочатый край. Давай, иди и помогай. – Матушка Серафима вздохнула, перекрестилась и вышла

6

Катька Рыжая стояла и хныкала перед Кустовой:

– Я не виновата. Он сам ко мне подошёл сзади. Я же слабая, а мне чего от этого терять? – и она расхныкалась всё сильнее и сильнее.

– Ты! Сука! Тварь ползучая. С ним я разберусь. А теперь иди, чтоб больше мне не показывалась на глаза. Сегодня поговорю с фельдшерницей, – грозно проговорила майор Кустова и закурила, нервно теребя папиросу.

Катька Рыжая ушла. Кустова приблизилась к окну. Мартовская оттепель. С крыши хорошо текло. На дворе весна сорок третьего года. Кустова решила вызвать того солдата, от кого за-

беременела Катька Рыжая. Открыла дверь и позвала дежурного. Тот сразу появился.

- Товарищ майор! По вашему приказанию прибыл!
- Вот что, вызови мне рядового Соколова. И быстро!
- Слушаюсь! – отчеканил дежурный. – Разрешите идти!
- Иди!

Она закрыла дверь. Через некоторое время стук.

– Разрешите войти? Рядовой Соколов прибыл по вашему приказанию!

- Входи!

Вошёл худощавый и высокий молодой солдат, шатен в очках.

– Ну, что встал? Проходи и рассказывай, как ты оттрахал ээчку! Знаешь, что тебе будет за это?

Соколов стоял по стойке «смирно» и молчал. Кустова продолжала:

– Короче! Завтра тебя поставят в караул, ты свою кралю должен убить, как при попытке к бегству. А иначе я тебя отправлю в штрафбат. А теперь подойди ко мне поближе.

Он шагнул и встал напротив неё. Она аккуратно ладонью потрогала его ширинку.

– Ого! Теперь мне всё понятно. Катька голодная, а я живая баба. С сегодняшнего дня станешь моим денщиком! У меня шикарная кровать, нам с тобой хватит на двоих. А сейчас иди, вечером меня проводишь до дома.

Соколов стоял и сквозь очки моргал. Она ещё раз положила руку на ширинку, стала мять и вытащила, он был внушительного размера:

– Хорош! Ох, хорош! Завтра ты должен эту суку убить, а сейчас иди, – тихонько она ему приказала, поцеловала головку члена и аккуратно его засунула на место.

Васька Соколов родом из Самары. Жил с родителями и сестрёнкой, работал слесарем на заводе. Его призвали с первых дней войны. Такую характеристику прочитала Кустова на этого парня, который только что ушёл.

Васька вышел весь красный, как рак, и вспотевший.

«И чего она ко мне прицепилась, вроде у неё был старший лейтенант, его здесь третий месяц нету. Так что я лучше с ней буду, чем с Катериной. Завтра всё решится», – так думал Васька, уходя из кабинета Кустовой. Соколов шёл и думал, как ему спасти Катерину. Переходя железнодорожные пути, чуть было не наступил на лежащую в крови собаку. И тут у него возникла мысль.

Окончив выгрузку, бабы стояли и ждали команды, чтобы строем уйти в барак. Наконец дали команду: «Шагом марш!». Строй тронулся с места. Васька шёл сзади, догнал толпу, вывел Катьку:

– Слушай меня! На станции стоит санитарный поезд, который идёт во фронттовую зону. Только с ним можешь обрести свободу. У тебя есть шанс. Я тут кое-что тебе на дорогу собрал.

– Вася-Василёк! Я так тебя люблю. Я так никого не любила. Ты бы знал, как мне сейчас больно. Если я не сохраню нашего ребёночка, меня не поминай лихом. Ты конвоир, а я – зэчка. Мы с тобой разные люди.

Они остановились, строй зэчек удалился вперёд. У каждого из них на душе висел камень. У Катьки появился первый мужик, когда ей только стукнуло тринадцать лет. Мать-алкашка её постоянно гнобила и унижала. Вася познал женщину в пятнадцать, ей оказалась материна подруга, той в то время было уже за тридцать пять. Жгучая полнотелая бабёнка, она притворилась пьяной и ему отдалась. После того случая она сама искала повод с ним встретиться, как потом оказалось, он, как малолетка, хорошо осваивал азы сексуальной жизни.

Так они шли, переговариваясь между собой. Он довёл Катьку до состава из разных вагонов и указал на углярку с лесом.

– Вот тебе на всякий случай адрес моих родителей, подожди меня, я сейчас вернусь.

Она осталась ждать. Васька к ней подошёл с другой стороны. Принёс вещмешок. Сунул Катьке:

– Переоденься.

Она разделась догола и сразу задрожала от озноба. Васька стал ей помогать одеваться. Катька на скорую руку оделась,

а всё, что на ней было, засунула в мешок. Время шло к расставанию. Васька её горячо поцеловал, и она полезла на вагон. Уже давно стемнело, и Катькин силуэт скрылся в темноте. Утром Васька принёс и показал Кустовой Катькину одежду вымазанную собачьей кровью.

7

Утром тридцать первого декабря 1944 года пригнали новую партию из двадцати зэчек. Среди них выделялась высокая и стройная блондинка приятной внешности. Аристократка с дворянскими кровями. Кустова сразу обратила на неё внимание и, уединившись в своём кабинете, первым делом стала изучать дело № ЖК113 на Валентину Аполлоновну Майкову, родившуюся в 1916 году в Туле. Дед – знаменитый поэт Аполлон Майков. Прадед – участник Отечественной войны 1812 года Худякин. Отец, Аполлон Аполлонович Майков, состоял в монархистах. Расстрелян ЧК в 1918 году. Мать, Марта Францевна Беккер, тоже в 1937 году могла быть расстреляна, но её сослали в Омск на пять лет. По доносу соседей, якобы она дома вела тайный кружок против советской власти. Как врагу народа на тот раз дали 10 лет...

«Ты, оказывается, ещё та штучка, но здесь тебе не прокатит. Будешь уголь выгружать как миленькая вместо библиотеки», – так думала майор Кустова. Она отложила в сторону дело Валентины Аполлоновны Майковой, задумалась...

О себе Кустова знала то, что она из семьи батрака из деревни Ольховка Орловской губернии. Родители давно умерли, старший брат Алёшка сгинул в Гражданскую войну, младшая сестрица Ольга вышла замуж и родила пятерых детей. Сама Марья Гавриловна одна из первых как дочь батрака вступила в колхоз. Потом в комсомол. Закончила ликбез и поступила в Тимирязевский институт. После окончания института её направили уже по партийной линии в НКВД. Казалось, обыкновенная характеристика коммунистки того времени. Но за ней был грех: чтоб вступить в ряды коммунистов, Кустовой нужно было только расставить ноги и дать институтскому парторгу Кровину, толстому очкарику, любителю «девочек», как он говорил. Кустовой пришлось сделать аборт. Аборт делала повитуха на дому. Ей сделалось плохо. Она

без сознания пролежала сутки. Ещё вся слабая, но встала на ноги. Пропустила два дня учёбы. Произошло такое событие на четвёртом курсе. В НКВД Кустовой дали должность архивариуса. Она отработала десять лет. И, как по сценарию закона подлости, ей пришлось столкнуться снова с парторгом Кровиным. На этот раз она ему дала хорошенько по лицу. Был большой скандал. После чего Кустову отправили в одну из зон Урала. На этом она прервала свои размышления...

Уже вечером Кустова сидела в кабинете и ждала, когда придёт с водкой её денщик и любовник ефрейтор Соколов Васька. Она в нём не ошиблась, он её устраивал как мужик. Правда, на семнадцать лет был младше. Петька ничего по дому не умел, а этот отремонтировал ей стол, переложил печь. В общем, Васька молодец – так она думала, ожидая своего денщика.

Стук в дверь. – Товарищ майор, разрешите войти! – В проёме двери стоял Васька и ей улыбался, вытаскивая из-за пазухи пол-литра «Московской» водки.

– Вижу! Спрячь! Старуха, у которой я квартировала, сегодня утром скоростижно умерла, меня хотят туда поселить постоянно. Короче, Вася, нужно там порядок навести, но только после похорон.

– Будет исполнено, товарищ майор.

– Ты пока туда не лезь. Я сегодня здесь переночую, на диване. А ты подежуришь в дежурке вместо ефрейтора Тычко. Он заболел, я его отправила в наш лазарет. Завтра после обеда возьмёшь пару солдат, отведёшь их в дом. До обеда сюда придёшь и отдохнёшь.

– Так точно! Я вас понял. – Васька поставил на стол бутылку и жадно посмотрел.

– Не пяль глаза. Только завтра. Иди...

Валентина Майкова стояла напротив Кустовой, уперев глаза в пол, та её отчитывала:

– Ты сюда приехала не на курорт. И с тебя я буду спрашивать больше, чем с других зэчек.

– Я вас поняла. Мне можно идти?

– Иди.

Майкова вышла, вслед ей зло посмотрела и усмехнулась Кустова.

Уже поздно вечером, после построения, привели в зону ещё тридцать эчек. В бараке их встретили настороженно. Фифа заговорила:

– У нас здесь не курорт, а если сука средь вас найдётся, ей здесь не жить. – Она повернулась к Наталье: – Я вроде бы правильно объяснила новосёлам?

– Правильно! – твёрдо ответила Наталья.

– Так вот, у нас не крысятничают, и живём мы не скучно.

И тут встряла в разговор ядрёная брюнетка из Одессы Мальва Рябко.

– Если по понятиям – никаких проблем. Всё будет в лучшем виде. Я отвечаю. Причём за свой базар.

– Базар – вокзал. Не гони. Короче, так, я вижу средь вас кавказских. Пусть идут на пищеблок и нормально готовят нам пищу. – Заговорила стройная, в глазах огонь, средних лет армянка Арусь:

– Мы постараемся, только знать бы, из чего приготовить еду. Я своего мужа сама кормила, кухарок не держала. Первым секретарём работал он в райкоме.

– А что с ним? Перекормила?.. – засмеялась Фифа.

– Забрали... – немного помолчав, грустно сказала Арусь. –

И расстреляли...

– Я тебя поняла... – на этот раз серьёзно ответила ей Фифа.

– Короче, вы все пойдёте туда, куда я вас послала. А ты будешь за шеф-повара. Это я тебе сказала, Фифа. Как мне известно, считается, армянская кухня – самая лучшая в мире. Чего стоит долма. Один раз попробовала, очень вкусно. – В ответ Арусь ей улыбнулась.

Глядя на смиренных, молоденьких татарок, заговорила Наталья:

– Рассказывайте, я слушаю вас. – Вышла из толпы красавица-татарка с суровым выражением лица:

– Меня звать Алсу. Гуляя поздно вечером рядом возле моей работы со своим парнем, я случайно увидела, как на территорию моей фабрики заехал грузовик. Насколько мне известно, вечером на территорию фабрики раньше никто не заезжал. Я знала дыру в заборе, и решила посмотреть, какого рожна она тут появилась. В последний момент увидела, как в машину закинули рулон материи. Я так поняла: привезённую ткань сменили на качественный материал. В общем, шум подняла, девчонки меня поддержали. Пошли в милицию с заявлением на директора, началась проверка. Короче говоря, чего искали, не нашли. Получилось, мы директора оговорили. Приехали на работу и всю бригаду арестовали.

– Значит, за правое дело, получается, пострадали. Ладно, с сегодняшнего дня у меня будете работать. Альмия будет у вас за старшую звеньевую. Там в углу есть свободные места, располагайтесь...

Все, кто там был, стали расходиться по местам.

Утром, до построения, вызвала Кравцова ту армянку, с кем вечером разговаривала Фифа. Та стояла и выжидала, что скажет ей начальница. Та сидела за столом и внимательно смотрела дело № 1099 зк Караян Арусь.

– Ну, рассказывай, как ты докатилась до такой жизни, – с издёвкой в голосе проговорила Кравцова и сурово глянула на эчку.

– Как, видите, не жалуясь на неё, окаянную, – спокойно ответила она.

– Я смотрю, вы все Караян. Родственники, что ли? Или я ошиблась?

– Да. Две родные сестры мужа и его мама с дочкой. Мама что-то захворала на пересылке, если можно, пусть посмотрит доктор.

– Ладно, это в моих силах. А сейчас иди на построение.

В дверь постучали.

– Входи!

На пороге появилась рыженькая, молодая, здоровая девушка, аккуратно закрыла за собой дверь, быстро отчеканила:

– Заключённая одна тысяча тридцать к вам, товарищ майор, прибыла.

– Я тут просмотрела твоё дело. Трактористка, и воевала на танке. А значит, трактор хорошо знаешь, с сегодняшнего дня будешь на нём работать.

– Так точно.

– После построения примешь его. – Девушка вышла, а перед Кравцовой лежало дело на имя Елизаветы Белых. Подумала: «Пока всё нормально, этот день как-нибудь проживём».

8

Май тысяча девятьсот сорок шестого года ничего хорошего не предвещал. Уже год как кончилась война, много горя и бед она, проклятая, оставила народу. Но жизнь помаленьку налаживалась. Два молодых мужика только через год после победы вернулись назад – те, которые до войны работали здесь на выгрузке вагонов. Это Пётр Сычёв и Костя Багров, два закадычных друга, они прошли войну без единой царапины в одном экипаже на танке «Т-34». Везеньем вроде не назовёшь, но они вернулись живыми и невредимыми. Следом за ними осенью вернулся Матвей Севрюгов, верзила и молчун, но если выпьет – разговорится, не остановишь.

Фифа сразу запала на Костю, а Петьке приглянулась Альфия. А чего тут плохого, всё хорошо.

Фифа сидела за столом, буквально недавно поужинали:

– Я хочу завязать с прошлым, – во всеуслышание сказала она, некоторые бабы бросили удивлённые взгляды. Не выдержала Капа, крутая брюнетка среднего телосложения, тоже из бластных:

– Никак влюбилась.

– А что, нельзя?

– Если он мужик – запросто. Я тоже в одного парня влюбилась, как кошка. Он как узнал, рассказал своим друзьям. После этого случая я его возненавидела.

– Да, тебе не повезло. Тот парень трепло.

– Ты сама раньше времени не вздумай ему сказать, что его любишь.

– Не учи, сама знаю. Ладно, все по местам – Фифа встала и направилась к своему топчану.

Кустова сразу узнала о Фифиной любви. «Дура. Завязать она решила. И ради чего? Ей ещё корячиться и отсидеть свой срок», – в гневе думала она. «Я ещё несколько лет здесь, может, отслужу, сразу уйду в отставку и уеду к сестре. Когда началась война, та успела с детьми уехать на Урал, там и осталась жить. Мужик к ней вернулся с войны без руки. Здесь мне делать нечего. Ваську, может, уговорю».

Она встала и закурила. Сделала затяжку. Но, подумав, затушила папиросу о пепельницу.

Дом протоплен основательно. Тепло. Кустова лежала с Васькой и сильно его обнимала.

– Вася! Я хочу дембельнуться раньше срока и уехать к сестре на Урал. Ты со мной или как?

– Маша, я домой хочу.

– Тебя там она ждёт?

– Нет, я просто хочу домой. Ты баба неплохая... – он на этой фразе замолчал.

Разговор не получился, Кустова лежала и думала, Васька закрыл глаза и засопел.

9

Декабрь сорок девятого года выдался морозным, колючим месяцем. Сильный холод. Сплошной туман. Весь лазарет был заполнен обмороженными и простуженными бабами. Фельдшерница не знала, как ей быть в такой ситуации. Обстановка накалялась. Кустова каждый день информировала вышестоящее командование и железнодорожное начальство. Только на пятые сутки в тупик пригнали на помощь роту стройбата из молодых солдат.

Вначале стройбатовцы шустро начали работать на выгрузке. Потом стали свою работу выполнять не торопясь – служба идёт, а солдат спит.

Прошла полоса холодов, началась оттепель. Весной запахло. Вагонов с углём стали меньше подавать под разгрузку. В

зоне осталось всего ничего – около сотни зэчек. Половина больных и немощных. Каждый месяц кто-то тихо умирал. Трупы увозили и закапывали ночью, чтоб никто не видел, не знал. После очередной разгрузки бабы сидели и грелись возле костра. Фифа позвала Капу в сторону, вытащила пачку и дала папиросину, закурили:

– Я попала.

– Ты это о чём?

– Беременная я, с Коленькой постарались. По моим расчётам, шестая неделя пошла.

– Не было печали. Пойдёшь сдаваться?

– Ой, не знаю. Мой срок закончится в мае. Я тебя оставлю за себя. С Натальей только не цепляйся. Она моя землячка.

– Подойди к Кустовой, может, тебя пораньше отпустят. Она одну такую отпустила. У той оставался срок ровно год.

– Ты же помнишь, как я с ней сцепилась.

– Как не помню. Хорошо помню. Нас бы всех расстреляли за бунт.

– Я, например, успела со своим мужиком только несколько раз. А знаешь, как получилось? Прошлым летом я от всех отстала, задержал меня молодой конвоир. Пока шли, я с ним договорилась, что зайду на полчаса в душевую, а он меня с улицы покараулит и уведёт в барак. За это я ему отдам целую пачку папирос «Север». Я вошла и стала мыться, а он сзади пристроился, и сделал так быстро, что я не успела пикнуть. А когда оглянулась, не поверила глазам, кто был он. Мы друг друга немного поласкали, я оделась и вышла. И так несколько раз я с ним была на том же месте.

– Удивительно, что ты мне ни разу не рассказывала о своих похождениях. Даже не сказала, кто он.

– Раз уж начала, скажу. Матвей.

– Вот тебе и молчун.

– Эх, Соня, – обратилась к ней по имени Капа. – Ты ничегошеньки не знаешь обо мне. Я питерская. Выросла в усадьбе графов Разумовских на Мойке. Мои предки им ещё служили, когда были крепостными крестьянами. Лично знала самого Лёньку

Пантелеева, который мне был неприятен. Имела хазу, схлопотала срок. Вообще-то это второй срок, я ещё малолеткой попадала за кражу. Вот и вся моя биография.

– Не завидую.

– А у тебя лучше?

Фифа только отмахнулась. – Ладно, пошли к костру. – Увидев приближающихся конвоиров, засуетились бабы.

11

Лето пятьдесят третьего выдалось не просто холодным, но и переменчивым. Большие изменения произошли в судьбах моих персонажей. Зону расформировали. Восемнадцать баб остались вольнонаёмными рабочими. Может, тут привыкли, а может, некуда было податься. В трудовых книжках они числились как грузчики угля. Для стажа незавидная женская профессия. Вот такое стечение обстоятельств. Жизнь шла своим чередом. Со временем многие женщины из этого состава стали по собственной воле просто отсюда уходить. Но кое-кто из них остался...

С тех пор утекло много воды. Летним вечером у палисадника возле двухэтажного дома присели пять баб на скамейку и завели разговоры.

– А вы помните Катьку Рыжую? Так это она всех сдавала Кустовой, – начала Фифа.

– Ну и сука она, – нехорошо в её адрес сказала Капа.

– Хуже. В Тайге её грохнул сожитель, с кем она жила. Она девку родила от этого очкарика-солдата. Мне недавно случайно о ней рассказал один человек, её родственник, – вновь заговорила Фифа.

– Да, бабы, сколько мы терпели здесь унижений. После пятьдесят третьего года, когда выпустили всех, я хоть родила ребёнка от Матвея. Боялась, что не рожу. Тут застудила почки, – продолжила разговор Капа.

– А у меня родились аж три девки, – вздохнула Валентина и посмотрела на баб.

– Не вздыхай, Валька! Я ведь тоже могла родить. Не смогла.
– Альмия тяжело вздохнула и отвернулась.

– Может, завтра соберёмся, нас всего пять осталось, – предложила Наталья.

– Я не знаю. Сын должен приехать завтра и привезти мне внука. Сад закрыли на карантин, – проговорила без смущения Фифа.

Бабы промолчали.

– Даже если приедет, привезёт внука, – вмешалась Альмия.
– Сядем, посидим, вспомним.

– А чего вспоминать, что было, то прошло, – с грустинкой в голосе проговорила Валентина.

– Ладно, бабы, завтра скопом соберёмся, встретимся, как положено, – решительно проговорила Капа.

– Я с первого сентября ухажу на пенсию. Останусь без работы. Мне бы её найти, – мечтательно сказала вслух Альмия.

– А банщицей пойдёшь? – предложила ей Фифа.

– Пойду! – уверенно ответила Альмия.

– Короче, завтра и поговорим, – предложила Капа.

– А я схожу в церковь Ильи Пророка, тут недалёко, и помолюсь за всех. Мне матушка Серафима про неё говорила. Церковь эту построил томский купец Кухтерин для своих рабочих. Здесь раньше находился картонажный цех для изготовления коробок под спички. Я туда часто хожу и молюсь. А скоро рядом девятиэтажку построят, – громко сказала и посмотрела на баб Наталью.

– Нет неправильно, мне другое говорила свекровка, – возразила ей Валентина. – Вообще-то церковь стояла на Черемошниках рядом с рекой. Её дважды затопляло, и решили перенести на Каштак. – Наталья ничего ей не сказала, лишь пожала плечами, молча встала и направилась в свой домик, где кроме кота её никто не ждал. Вслед за ней отправились остальные бабы.

КРАЙНЯЯ МЕРА

Север. Лесная полоса. Секретная точка между тайгой и тундрой, обслуживаемая гарнизоном стратегических войск Российской Федерации численностью около двух тысяч человек. Только ни на одной карте не указано это место. Последнее место, где дослуживал Сергей Петрович Мальцев в звании майора. Должность, конечно, интересная, но лично для него. Ответственный дежурный по объекту. Он полностью отвечал за радарную установку в смену. Смена состояла из нескольких человек. Каждый здесь занимался своим делом. Хотелось бы отметить, что майор Мальцев как офицер из личного состава гарнизона выделялся как грамотный специалист, но не всегда за свои высказывания нравился начальству. Может быть, поэтому его гоняли с места на место, то есть из гарнизона в гарнизон. Для него это было в порядке вещей. Да и жена его привыкла за двадцать пять лет супружества к таким манёврам. Она работала по образованию – медсестрой, для неё всегда на точках находилась работа.

А познакомились они, когда оба заканчивали училища по своим профилям. Вечер был посвящён Дню Военно-Морского Флота и Советской Армии, именуемому в народе «мужским днём» – 23 февраля. На праздничный вечер курсанты пригласили девчат из медицинского училища. Вечер подходил к концу. Сергей уже было хотел уйти, но к нему подошла Ирина стройная, зеленоглазая шатенка в сером брючном костюме, на каблукках, и пригласила его на дамский танец. С этого момента всё у них началось, закрутилось.

Сергей, бывший детдомовец, после армии сразу подал заявление в училище, куда был принят – здоровьем был не обделён, экзамены сдал легко. Пока учился, друзей в училище почему-то не находил, но и сам никому не навязывался.

Ирина выросла в деревне. В семье из детей кроме неё была младшая сестра Лена. Отец, Виктор Николаевич, и мать, Мария Фёдоровна, – обыкновенные сельские учителя. После окончания школы поступала в медицинский институт, но провалила вступительные экзамены. Она тут же забрала документы, и подала их в медучилище. Там был недобор, и её приняли по собеседованию. Аттестат об окончании школы состоял из пятёрок и одной четвёрки. Перестроечное время. Горбачёв. Ельцин. И наконец Путин. Всё это время они были вместе, куда бы их не гнала судьба. Рожать Ирина не могла – насадилась ещё девчонкой на уборке колхозной картошки. И обидно, и досадно. Сергей Ирину не бросал, смирился. Любил и жалел свою Ирочку, как он ласково её называл. На все отпуска они уезжали к её родителям. Родители состарились, год назад слёг отец, не вставал. Сестра вышла замуж за одноклассника и уехала с ним в Германию. Там она ему родила двух девчонок-близняшек. Вроде бы всё слагается в её пользу. Родственникам мужа она с первых дней пребывания почему-то не понравилась, и у них часто стали происходить ссоры. Лена не вытерпела и подала на развод, но не тут-то было: законы там не как в России. Нужно через определённое время снова писать ещё заявление, даже если бывший муж согласен. Полтора года их разводили. Лена уже отчаивалась, но из секретариата суда пришло расторжение на брак. Она с детьми уехала обратно в Россию, а теперь ей есть за кем приглядывать помимо детей.

Дети подросли. Таня и Люда. Отец умер. Лена сошлась с местным непьющим мужиком Василием, у которого жена траванулась палёным спиртом и умерла восемь лет назад. Детей к тому времени у них не было. После её смерти Вася решительно завязал. И, что бы ни сказала ему Лена, он её слушал и делал, как она ему велела.

Сергей второй месяц гулял пенсионером. Дома делать нечего, вот и слонялся от безделья по военному городку. Направляясь в очередной раз в лазарет к жене, увидел перебегающего дорогу рыжего котёнка. «И каким тебя сюда ветром занесло?» – подумал он, глядя на убегающего за угол котёнка. И, как бы ему в подтверждение, на соседней сосне встрепенулась ворона и каркнула.

– И ты туда же! – презрительно взглянул на ворону Сергей, покачал головой. По верхушкам деревьев как бы ответом пробежал ветерок, они согнулись и сразу выпрямились в обычное состояние. Сергей направился своей дорогой. Зайдя за угол жилого дома, он снова увидел этого рыжего несмышлёныша. Котёнок спокойно сидел, созерцал и никуда не уходил. Он подошёл, взял котёнка в руки, и сунул за пазуху. И не раздумывая повернул назад, неся котёнка домой. Мальцевы жили в «хрущёвке» на первом этаже. Уже перед входом, у подъезда, его окликнул коренастый, говорливый сосед – вдовец, подполковник запаса Хмуров:

– Ты кого там тащишь? А ну-ка покажи!

– Ох, любопытен ты, Пётр Сергеевич, – недоброжелательно ответил ему Мальцев.

После смерти жены Хмуров выглядел занудным мужиком, и на этот раз Мальцеву хотелось его послать, но он сдержался. Сергей не стал ждать Хмурова, вошёл в подъезд и по ступенькам направился к себе на площадку. Подошёл к двери, вставил и отомкнул приготовленным ключом дверь своей квартиры, вошёл и плотно закрыл за собой дверь. Включил свет. Вытащил из-за пазухи котёнка и поставил его на пол. Пока раздевался, котёнок прошёл вперёд. Сергей внимательно следил за его поведением. За каких-то полчаса котёнок освоил всю квартиру Мальцевых. За это время Сергей зашёл на кухню, нашёл там капроновую крышку и в неё налил немного вчерашнего супа. Поставил на пол и позвал котёнка: «Кис-кис!». Котёнок подошёл к супу, полакал немного и отошёл в сторону. Сел и облизнулся, просверлив глазами-бусинками Сергея.

– Молока не проси. Не дам. Потому что его у нас в доме нет, – серьёзно ответил котёнку Сергей. Котёнок мяукнул и вразвалочку двинулся с кухни восвояси. «А ты не глуп, и с тобой предсто-

ит ещё не одна беседа», – подумал о котёнке Сергей, посмотрел на часы. За окном пошёл мелкий дождь. Июнь месяц выглядел так, будто он не принадлежит лету. Каждый день то лил дождь, то падал снег, который сразу таял. Редко когда на точке появлялось солнце, тогда для местной ребятни был праздник. Вслед за ними вылазили пенсионеры и домохозяйки. Во дворах становилось шумновато. Три дня подряд стоит такая погода, какая сейчас за окном. Мальцев оделся и вышел из квартиры, закрыл на ключ. На этот раз направился в магазин.

Вечер. Сергей и Ирина расположились на диване. Котёнок клубком улёгся в кресле. Между супругами шёл деловой разговор.

– Ты, Серёжа, подумал, когда его брал?

– Ирочка, у нас с тобой деток не было. Пусть хоть он у нас будет за ребёнка.

– Котёнка нужно вымыть, проглистовать. А лучше вернуть хозяину.

– А он ему нужен? Если был бы нужен, он бы не бегал по улице.

– Ладно, уговорил. У меня где-то осталась марена красильная, я тебе давала год назад в виде чая. А ещё чесноком попробую из него глистов вывести.

– Ну вот, другое дело. Я его попробую научить ходить в туалет на ящик.

Ирина вышла из комнаты. Сергей включил телевизор. На экране мелькала старая хроника. Вошла Ирина, держа в руке небольшую коробочку:

– Кое-как нашла. Я думала, что её выкинула, – с ноткой досады проговорила она.

– Ирочка, а как мы кота назовём? Может, Огоньком. А? – спросил и поглядел на жену Сергей.

– Ты, наверное, помнишь старенький фильм с участием Марка Бернеса, он там играл вора в законе по кличке «Огонёк». Нет, Серёжа, лучше Рыжиком. Звучит более солидно, – поморщила нос Ирина и поставила на столик коробочку с мареной. Подошла к Сергею и присела рядом.

– Сегодня главврач нас всех загонял. Его недавно на точку перевели. Несколько серьёзных операций успел сделать. Жена с ним работает постоянно ассистентом. Приятная в общении женщина.

– А ты, Ирочка, помнишь – в Карелии был такой же субъект, чем-то на этого похож. Так тот хоть вас там построит, а потом придёт и нормально с вами разговаривает, – прервал жену Сергей и продолжил разговор:

– Ты недавно сама говорила, что главный наорал на тётю Дашу, санитаркой у вас работала, той пришлось писать заявление на увольнение.

– Нет, это было до него. У нас работал полгода другой главврач. Так тот всегда молодых медсестёр себе брал на операции. А потом с ними ехал в кафе гулять. Одним словом, бабник. Да и специалист так себе. С женой у него была проблема, не мог развестись. А насчёт тёти Даши... может, и неправ. – И она замолчала, глубоко вздохнула. Вышла из комнаты, Сергей выключил телевизор. За окном потемнело. Он включил свет, подошёл к окну и задёрнул штору. «Спать охота!» – и начал стелить постель...

* * *

Прошёл год. Мальцевы, как и остальные отставники, ждали очередь на квартиру и отсюда не уезжали, к тому же Ирина осталась без работы. Попала под сокращение. На точке произошли серьёзные изменения с составом. Зарплату не стали платить сразу после Нового года, а по какой причине – непонятно. В посёлке то там, то здесь стали появляться пьяные и обидчивые вояки. Контингент довольно-таки опасный. Сергей тоже как-то незаметно пристрастился к водке, хотя раньше за ним такого не наблюдалось. С деньгами в семье стало совсем плохо. Но наконец она нашла работу. Продуктовые склады оставались пустыми. Два брата-близнеца, кавказцы, Тимур и Давид Дзагоевы, которые служили на точке, тоже попали под сокращение. Договорились с командованием взять в аренду два склада под продукты. Забили их полностью овощами. Чтоб как-то сохранить картошку и другие корнеплоды, братьям Дзагоевым пришлось уговаривать людей поработать на складах. За работу они пообещали платить день-

гами. В первый день пришли несколько женщин, жёны бывших офицеров. Среди них оказалась Ирина. Она вместе с другими женщинами получила столько, сколько обещали Дзагоевы за весь световой день. Они остались довольны.

Вечером у Мальцевых состоялся семейный совет. Ирина начала ненавязчивый разговор.

– Знаешь, Серёжа, как мне трудно было сегодня? Ты бы знал, как я устала!

– Ты сама выбрала такую работу.

– Я к тому, чтобы знал – деньги просто так не даются. Пока сидела с женщинами на переборке, столько услышала в адрес вас, мужиков... Ты бы знал!

– А что им? Мели, Емеля, твоя неделя. Я бы им языки оторвал.

– Серёжа, и почему ты стал таким злым? Какая муха тебя укусила? Скажи!

– Какая-какая... Да никакая. Дожились – кадровый офицер стал спекулянтом. Я знаю этих братьев – хорошие спецы, так вон они куда ушли специализироваться... Система грёбаная. Я-то, ладно, отставник, а вот они... Эх, не хочу говорить... – и он в горячке махнул рукой.

– Сейчас, Серёжа, пришло для нас время выживания.

– Я знаю и без тебя. Управы нет на тех, которые в Кремле. Ладно, Ирочка, говори, что хотела сказать.

– А чего говорить, сам соображай.

– Не врубаюсь.

– Хорошо. Если хочешь, чтоб у нас семейный бюджет состоялся, с завтрашнего дня пойдёшь со мной на переборку.

– С вами, с бабами, офицер-отставник? Да ну, брось!

– Будешь пить – разведусь и к сестре уеду. А ты со своим Хмуровым здесь оставайся. – И тихонько заплакала. Сейчас Ирина выглядела маленькой девочкой. Она сидела на диване и немножко вздрагивала от наступивших слёз. Сергей засуетился:

– Ирочка!.. Ирочка, может, дать воды? – Чуть ли не бегом на кухню. Налил воды в кружку. Торопливо вернулся назад. – Вот, держи!

Она осторожно взяла и несколько глотков выпила.

– Спасибо! – и вернула ему. Взял кружку и поставил на стол. Сел рядом с женой:

– Ладно, завтра с тобой, моя голуба, пойду, – и привлёк её к себе. На этом разговор их окончился, они сидели молча, Сергей нежно гладил жену. Проскользнул в комнату рыжий кот, и важно прошёл, подняв хвост трубой, мимо дивана, где сидели хозяева. Сел, посмотрел на них. Встал. Выгнул спину дугой и снова отправился из комнаты. Со стороны выглядело забавно. А день подходил к концу. Закат оранжевого цвета сулил завтра хорошую погоду.

* * *

Две недели пролетели быстро. Мальцевы ходили на работу, как на праздник. Помимо Сергея, там появились и другие бывшие офицеры. И наконец на точку привезли пенсию и зарплату. У многих скопились долги по квартире и за то, что брали в магазинах. Деньги быстро расходились – и туда, и сюда... Мальцевых финансовая сторона тоже не обошла стороной. Причина, почему так долго не было пенсии и зарплаты, – выяснилось, что там, в верхах, бухгалтерия Министерства обороны не так вела расчёты, делом стала заниматься Генеральная прокуратура Российской Федерации. Полгода шло следствие. Из-за этого бардака многие квалифицированные офицеры уходили в отставку. Эта проблема оказалась государственной, дошла до самого президента, и в итоге получилась чрезвычайная ситуация в стране.

В этот день многие не вышли на работу. Ирина пришла одна, без мужа – вчера вечером Сергей выпил немного с Хмуровым и сегодня остался дома. Ирина обиделась и ушла одна, без него. Причина причиной, а работа не ждёт. Женщины с самого начала работы успели обсудить всех. Работали молча до обеда, только иногда между собой тихо переговаривались. После обеда немножко разговорились, каждая о своей проблеме. Ирина вообще не ввязывалась в разговоры. Работала себе молча и никого не обсуждала. Так до конца работы она не проронила ни одного слова. Женщины даже иногда на неё посматривали с недоумением. Получив деньги, все отправились в магазин. Ирина отстала и шла одна. Она не торопилась, знала, что муж сидит дома и ничего не

делает. Открыв дверь ключом, вошла. Её никто и не встречал. На душе у неё стало как-то не спокойно. Включила свет, разделась, сняла ботики. Сунула ступни ног в тапки и прошла на кухню. На кухне ничего не было приготовлено, даже чайник стоял холодный. Она включила электрочайник и вышла. Подошла к дивану, муж лежал недвижимо. Она по привычке медика стала шупать пульс, он не прощупывался. Подошла к телефону и набрала номер госпиталя.

– Здравствуйте! Вас беспокоит жена майора запаса Мальцева. Я пришла с работы, а муж мёртвый. Прошу прислать бригаду, чтоб зафиксировать его смерть и увезти в морг, – и она замолчала. На той стороне провода женский голос вежливо спросил:

– Ваш адрес?

– Улица Лесная, три, квартира один. Второй подъезд. Первый этаж. Мальцев Сергей Петрович.

– Ждите! – телефон загудел. Ирина положила трубку на телефон и направилась к мужу. Сергей просто лежал, и ему уже было всё безразлично. Ирина накрыла тело полностью простыней. Она отошла от покойника и села рядом на стул. Заплакала. Раздался громкий стук в дверь. Она прошла к двери, и, не спросив, кто там, открыла её нараспашку. На пороге стоял дежурный врач, позади его стояли два верзилы-санитара с носилками. Она молча пропустила их, они вошли. За ними закрыла дверь. Первым подошёл к покойнику врач, откинул простыню и стал шупать пульс. Посмотрел в глаза и прикрыл веки. Вытащил бумагу из кармана и стал заполнять.

– Ирина Сергеевна, распишитесь, – и дал ей ручку. Она взяла, и где было помечено галочкой, расписалась. – Я вам соболезную, крепитесь, Ирина, крепитесь, – и он слегка хлопнул её по плечу. – Так, ребята, аккуратней грузим и выносим, – обратился к санитарам. Санитары поставили рядом с диваном носилки и осторожно перенесли, положили в них труп. Дежурный врач прошёл вперёд и открыл дверь для выноса. Санитары легко приподняли носилки и понесли их к выходу. Ирина пошла за ними и закрыла дверь на замок. Вышла следом за ними. Санитары занесли носилки в «уазик-таблетку» и следом закрыли задние дверки. Ирина последний раз окинула взглядом «уазик-таблетку», повер-

нулась и пошла в подъезд. – «Я ему говорила, и не один раз, что дружба с Хмуровым до хорошего не доведёт, и вот, пожалуйста, в дураках остался ты, Серёжа», – с грустинкой думала она, уже входя в свою квартиру. Вертолётчики, летавшие на «большую землю», как здесь говорят, завозят на точку спирт, видимо, на этот раз привезли этиловый и некачественный, которым траванулся Серёжа. «Если сделают экспертизу моему ненаглядному, комбату не поздоровится», – сидя на диване, думала она. Потом встала и стала убирать в комнате. После смерти нужно всё убрать, что она и делала. На уборку ушёл целый час. Ирина, уставшая, присела на стул. Вспомнила о чайнике, который остыл. Встала и прошла на кухню. Кот Рыжик крутился возле пустой чашки.

– А про тебя я совсем забыла! – Открыла дверцу холодильника, который был почти пустой. На полке стояла глубокая тарелка со вчерашним супом. Она вытащила её, закрыла холодильник. Немного налив коту, остальной вылила себе в чашку. Поставила суп на плиту. Тот начал греться. Взяв ложку, помешала. Отошла. Чайник включила. Снова подошла к плите и отключила конфорку. Помешала ложкой суп, и, чтоб не обжечься, взяла тряпкой и убрала чашку на кухонный стол. Села и стала ужинать. Тем временем Рыжик облизнулся, мякнул и направился восвояси с кухни. Ирина быстро управилась с супом. Чашку понесла к раковине и оставила там, налила в неё немного воды для отмокания. Прошла к чайнику и налила в кружку чай. Снова присела за столик. Хлебнула немного чаю, встала и вышла из кухни. Настроение нехорошее. Подошла к телевизору, включила пультом. На экране замелькали новости. Она тщательно их просмотрела. Диван собрала, чтоб одной спать. Постелила и легла. Глаза сами по себе стали закрываться. Она стала проваливаться, сквозь сон видела перед собой лицо улыбающегося Серёжи. Сон входил в свои права.

* * *

Прошёл месяц. Ирина по-прежнему ходила на работу к братьям Дзгоевым. Как и всегда, она в обществе женщин на работе молчала. Денег, что она получала за свою работу, едва хватало на еду. В последнее время Хмуров стал её часто навещать, один раз даже пришёл к ней на работу, но с ним она была немногословна.

День сегодня выдался солнечным, безветренным. Ирина вышла из подъезда своего дома и направилась к складам. Уже почти возле складов её остановила Мария Фортунатова, пышная, высокая брюнетка из донских казачек. Подруга по работе, с которой Ирина долго работала в госпитале на точке. Муж её, бывший вертолётчик, два года как на пенсии. Она полгода назад тоже ушла на заслуженный отдых. И вот встреча.

– Ира, рассказывай, что у тебя нового.

– Нового ничего нет. Иду на работу, картошку перебирать.

– Я прослышала, что ты Сергея схоронила.

– Да.

– А мы с Колей к моим родителям летали в Ростовскую область.

– А чего не остались?

– За ипотекой приехали.

– Тратой времени только занимаетесь. Многие не дождались и уехали. Половина осталось, не считая солдат срочной службы.

– Подскажи, подруга, как быть.

– Отсюда многим сказали, что ипотеку можно получить на месте, куда поедут жить. Так что возвращайтесь и попутного вам ветра. На месте и получите ипотеку. Мы вот с Серёжей не дождались этой ипотеки. Плачевный исход. Уехали бы к моей сестре и там давно устроились бы.

– Ситуация, я смотрю, пока не в твою пользу, подруга.

– Ну что поделаешь, раз такое случилось.

– Ира, заходи к нам после работы. Мы тут недалеко живём.

Не забыла?

– Ладно, Маша, зайду вечером.

Они попрощались. Ирина пошла на склады, а Маша своей дорогой. А день только начинался, и неизвестно, чем закончится.

Ирина, получив деньги, вышла со склада. Пошла в сторону магазина. А там очередь. «Что-то опять дефицитное завезли», – пройдя мимо очереди, вошла в магазин. Купив бутылку сухого «Каберне», вышла. И не спеша дошла до дома, где проживала Маша. Вошла в подъезд и поднялась по ступенькам на второй

этаж. Подошла к двери под номером пять и постучалась. Дверь распахнулась, и она вошла. Хозяин, Коля, рослый, кареглазый супруг Маши, тут же помог снять верхнюю одежду. Пошарив в сумке, Ирина оттуда достала «Каберне» и направилась в комнату. Посреди комнаты стоял стол с разнообразным угощением и бутылкой самогонки. Поставив бутылку посреди стола, присела на стул. Коля взял бутылку, штопором вскрыл «Каберне». Маша внесла солёные огурцы и помидоры в тарелке. Поставила с краю и уселась рядом с Ириной. Коля стал разливать дамам в бокалы вино, а себе в стопку самогонку. – За встречу! – выпил и присел. Женщины чокнулись, и по глотку выпили вина. Поставили бокалы на стол и стали заедать салатом.

– Ой, Маша, что хочу тебе сказать, – начала разговор Ирина. – Меня выгоняют с квартиры, ведомственная она.

– И куда ты пойдёшь?

– Ой, даже не знаю, – пожалала плечами Ирина.

Встрял в их разговор Коля. – В общем, так: есть старинный женский монастырь. Полторы тысячи километров от нас лететь в сторону Енисея. Вот туда бы тебе попасть, Ира. Кормят, поят – чего ещё надо? А самое главное – не одна, – и замолчал. Женщины между собой переглянулись. Видимо, их Колин рассказ заинтересовал.

– А что, Ира, давай попробуй. Может, этот монастырь станет твоим душевным прибежищем. Смотришь, на пользу пойдёт твой поступок.

– Но я же некрещёная. Нет, лучше я поеду к сестре.

– Это пока, а потом сама подойдёшь к этому вопросу. Мы с Колей давно крещёные и венчанные. А пока вот давай думай. Мы полетим через два месяца и тебя заберём на материк.

– Там наступит зима. Холод. Голод. Начну сушить сухари.

– Правильно поняла вопрос жизни, – по-философски рассудила Маша. – Давай ещё выпьем и покушаем, – и она взяла бокал и половину его осушила, заедая яблоком. Наложила себе оливье и приготовилась его съесть. Коля тут же налил стопку, и, не закусывая, выпил. Встал из-за стола и вышел на кухню. Женщины остались одни. Ирина взяла бокал, осушила до дна, положила себе

картошки в чистую тарелку и несколько кусков селёдки. Перекусив, женщины налили по бокалу и немножко выпили.

– К богу прийти – серьёзный шаг, – заговорила первой Ирина.

– Рассуждения твои, Ира, правильные, никогда о них не забывай. Никогда.

– Ты тоже не сразу к нему пришла.

– Была маленькой, меня грудной и крестили.

– Получается, ступеньку перешагнула.

– Именно так.

– Ладно, Маша, я пойду.

– Я тебя провожу. Ой, погоди, я тебе фото покажу нашего сына. – Маша вытащила из комода несколько фотографий. На первой был молодой красавчик-мичман. Этот парень был здорово похож на Колю, только помоложе его. На следующей фотографии снова мичман, но с очаровательной девушкой. Девушка чем-то напоминала саму Ирину. Стройная красавица с живым взглядом. Хорошая партия для их сына. На других фотографиях снова они в разных ракурсах. – Его, как отца, зовут – Колей, а невестку Леной. После флота остался там, на море, и плавает на подводке. Невестка – местная, дочь его капитана. Очень хорошая девушка, выучилась на музыкального работника и работает в детском садике. Скоро мы с Колей станем дедом и бабкой. Почему так получилось, никто не знает, – зависла пауза. – Мы так думали: когда он отслужит, чтоб здесь не болтался, уедет в Ростов и поступит в институт. Но мы прогадали, сыночек остался по контракту и служит на Северном флоте, – и Маша замолчала. Женщины встали из-за стола и направились в сторону входной двери. Ирина быстро оделась. – Ну пока, подруга. – Пока, – тихо ответила ей Маша. Ирина вышла, и за ней закрылась дверь. Ирина посмотрела на время: – «А кот-то голодный, мой Рыжик». – И быстро зашагала домой.

* * *

Пролетела неделя, будто её языком слизнула корова. Утро понедельника. В квартиру Мальцевых раздался стук. Ирина, уже одетая, открыла дверь. На пороге стояла коренастая, смуглолицая

молодая женщина, разносчица телеграмм. – Пройти можно? – и вошла. – Вам телеграмма, – и её вручила Ирине Сергеевне. – Вам нужно расписаться, – и дала квитанцию с галочкой под роспись. Ирина сразу расписалась. Разносчица попрощалась, вышла, прикрыв за собой дверь. Ирина Сергеевна развернула телеграмму: «Мы похоронили маму. Лена». Кроме даты и времени, двух штампов, там ничего не было написано. Ирина, прочитав телеграмму, медленно опустилась на табурет. Рыжик вышел из кухни, приблизился к хозяйке, мяукнул. Развернулся и направился на кухню. – «Сегодня на склады не пойду, а схожу к Маше». – Так мысленно решила она, направляясь к выходу. Пока шла к Маше, в голове возник целый рой мыслей. Наконец знакомый дом и подъезд. Ирина Сергеевна подошла к двери Фортунатовых и постучалась. Молчок. Постучалась сильней, и дверь открыл заспанный муж Маши. Он молчком впустил её в квартиру и прикрыл дверь. Подошёл сзади и помог Ирине раздеться, снял куртку и повесил на вешалку. Ирина вошла в комнату и села за стол. Следом за ней вошла одетая Маша.

– Ира! На тебе лица нет.

– Мама умерла, а её без меня похоронили.

– Может, тебе налить немного спирту или дать валидолу?

– Лучше дай воды.

– Сейчас. – Маша направилась на кухню. Принесла стакан и дала Ирине, она залпом его выпила.

– Ты права, подруга, мне необходимо попасть в монастырь.

– Ира! Тебе нужно в первую очередь успокоиться. Я уже с Колей разговаривала, чтоб ты с нами пока пожила. У нас же комнаты раздельные. Так что сегодня можешь переезжать на новоселье. – Вошёл Коля и молча присел за стол. Наступила минута молчания.

– Ладно – я. У меня и кот имеется.

– Ну, если самостоятельный и деловой, возьмём. Правда, Коля? – Маша глянула на мужа. Он промолчал, а раз промолчал, значит, согласился с женой. Маша вздохнула. Ирина встала и прошла к вешалке. – Я кота вам принесу. Прямо сейчас, – сунув руки в рукава куртки, вышла.

В этот день Ирина перенесла почти свои вещи в квартиру Фортунатовых. Всё её хозяйство помещалось в двух чемоданах, не считая телевизора и кухонной посуды. Решила их оставить молодому лейтенанту и его жене, учительнице по образованию, которых должны вселить в её бывшую квартиру. Ключ от квартиры она была обязана отдать под расписку, почему пошла и вернула в отдел квартирно-эксплуатационной части. Сдав ключ, Ирина вышла из отдела и направилась на новое место жительства – к Фортунатовым. У самого дома, где жили Фортунатовы, столкнулась с Петром Хмуровым.

– Ты чего меня сторонишься, Ира, или я тебе не нравлюсь? – и Хмуров заулыбался.

– Нет! – резко ответила она.

– А зря, со мной бы стала жить – и тебя отсюда не выселили. Я бы договорился. А теперь ты как бомжиха, ни угла и ни ласки, – он злорадно захихикал, глядя ей в глаза. Ирина сперва с левой, а потом с правой, наотмашь ударила его по щекам. Хмуров такого от Ирины не ожидал.

– Я тебе не шлюха подзаборная. Я женщина. – И она резко оттолкнула его в сторону, направилась в подъезд. Хмуров было дёрнулся, но увидел, как возле подъезда на него посмотрела соседка Фортунатовых, старая сплетница. – «Валить отсюда надо по-хорошему», – подумал Хмуров, и, плюнув с досады, пошёл своей дорогой.

А в это время в квартире Фортунатовых долго смеялись Ирина с Машей и Николаем.

– И чего Хмуров захотел, тела комиссарского. Ха-ха... – смеялся басом Коля. – Я от тебя такого не ожидал, Ира. Хорошо ты ему врезала, ничего не скажешь, – и дальше содрогался от смеха.

– Так, муженёк, хватит смеяться. Возьми денег и сходи в магазин, купишь водки и колбасы с хлебом. Новоселье отметим и всё, что сегодня произошло, – она сунула ему пакет с деньгами. Взяв у жены пакет, Коля оделся и вышел.

– Этот говнюк, говорят, мстительный, когда был на точке политруком, гнобил мужиков. И они уходили отсюда, либо переводом, либо совсем увольнялись из армии, – Маша замолчала

и посмотрела, какую реакцию вызовет у Ирины этот разговор о Хмурове.

– Да он вообще для меня никто и ничто, – спокойно ответила она Маше. – За Серёжу ему не прощу.

– О плохом не будем, подруга. Мы с тобой живём и радуемся. Муж сейчас придёт. Сядем, посидим.

И действительно, открылась входная дверь, и вошёл с целым пакетом Коля. Он разделся и прошёл на кухню. Выложил там всё, что принёс. Вошёл в комнату:

– Задание выполнено, – басом проговорил он, Маша с Ириной пошли на кухню.

Ужин получился просто изумительным. Они и не заметили, как выпили пол-литра водки. Закусили колбасой, попили чаю. Посидели, поговорили. Коля первым встал и пошёл в спальню. Женщины остались, поболтали, и разошлись по своим местам. Маша к себе в спальню, а Ирина осталась в этой комнате. Расстелила на диване и приготовилась ко сну на новом месте. Уже в постель к ней через дверь проскользнул Рыжик, покрутился, прыгнув ей в ноги, и улёгся там. Ирина не заметила, как уснула.

* * *

«Ми-8» летел по намеченному маршруту больше трёх часов. Пассажиров было – две женщины и один мужчина, который держал корзину с рыжим котом. С ними находился груз – два чемодана, а также несколько бочек для спирта. До заправочной площадки оставалось лететь менее ста километров. Перелетев Енисей, они летели, углубляясь около часа над предгорьем Енисейского кряжа. Погода была безветренная и солнечная, хотя уже конец декабря. Зима давно вошла в свои права. Овчинные тулупы армейского покроя неплохо грели пассажиров вертолёт. В салоне, где они находились, стояла прохлада, да и за бортом вертолёт не жарко.

Неожиданно вертолёт накренился вправо и пошёл резко вниз. Под ним в разные стороны полетели искры, из кабины пилотов был слышен громкий мат. Вертолёт летел вниз. Взрыв. Облако дыма. Куча металла. Хвост вертолёт лежал в метрах ста от места крушения.

Ирина пришла в себя не сразу. Открыла глаза. Возле неё крутился кот и мяукал. Она лежала на снегу у молодой сосёнки. Кое-как встала на ноги и направилась к вертолёту. Шагать было тяжело, но она, преодолевая боль в левой коленке, шагнула по неглубокому снегу. Подошла к куче металла и начала его оттаскивать назад. Откинув последний лист обшивки, перед собой увидела пилота и штурмана. Оба, как пригвождённые, сидели вместе. У штурмана в горле торчал кусок стекла, а пилот был придавлен насквозь штурвалом. Она как медик видела смерть, и не раз, но тут так стало страшно, что даже отвернулась. Лишь собравшись с мыслями, снова полезла вовнутрь. Маша лежала без платка в замёрзшей луже крови с большой дыркой в голове, оттуда видны были мозги. Она взяла за ворот и потащила труп, волоча. Вытащив наружу, снова залезла в салон вертолёта. Кроме пустой бочки ничего не увидела. Она вылезла и стала обдумывать следующие действия. Посмотрела на вершину горы, в метрах трёхстах выше стояли две высоковольтные опоры ЛЭП и между ними свисал вниз порванный провод. Она сразу поняла, что произошло. Видимо, вертолёт летел низко над горами, не успел подняться выше, как зацепился за высоковольтный провод, произошла нелепая авария. Не мешало бы срочно похоронить трупы, пока их не растащили звери. А самое главное – найти Николая. Она не стала спускаться вниз, подошла к пилотам и пошарила по карманам, там ничего не нашла. При себе они имели пистолеты с полными обоймами, а на дне железного сундучка лежала карта с ракетницей, вдобавок полная медицинская аптечка. «Всё это пригодится мне, чтобы выйти отсюда к людям», – так подумала Ирина, и снова глазами стала искать чемоданы, в один из которых положила немного съестного на дорогу...

Солнце ушло за гору. Наступили сумерки. Зимние дни короткие. Стоит подумать о ночлеге. Деревьев много, но древесина сырая. Мысль возникла сама собой: может, в баке осталось топливо. Ирина обошла вертолёт и увидела кусок дерматиновой обшивки, который висел клочком. Порвала. Открыла бак, он был полный. Окунула туда кусок. Вновь его вытащила, пропитанным бензином. Сходила к пилотам и снова пошарила по карманам, у

одного нашла зажигалку. От маленького огонька кусок дерматина вспыхнул, загорелся, и рукам стало тепло. Рядом наклонилась молодая пихта. Ирина решила прикоснуться куском дерматина к веткам. Огонёк пополз по сухим хвоинкам и начал разгораться всё сильнее. На её счастье, пихта оказалась сухой. Она не стала ждать, пошла и оторвала ещё кусок дерматина. Снова сунула в бак. Пропитанный бензином кусок отнесла к пихте и приложила к огню. Кусок вспыхнул, и пихта опять разгорелась, ветки начали гореть. Отошла к вертолёту, сперва один труп оттащила, потом и остальных к той сосёнке, куда её отшвырнуло от крушения. Она не заметила, как стемнело. Вытащив кресло, села возле пихты, кот сел напротив неё, в пасти крепко держал трепыхающуюся мышку. Не успела она пискнуть, как кот зажал её челюстями и стал жевать. «Рыжик, ты молодец. Приятного аппетита», – мысленно пожелала Ирина, глядя, как кот трапезничает. Намаевшись от такого стечения обстоятельств, закрыв глаза, она заснула.

* * *

Ирина через сон почувствовала, что кто-то её сильно тормошил. Она машинально сунула руку в карман, где находился пистолет, и уже с открытыми глазами и направленным пистолетом проговорила: «Стой! Стрелять буду. Кто тут?» – И ответа не услышала, перезарядила и выстрелила один раз вверх.

– Ух ты, какая пряткая, – услышала за спиной удивлённый старческий голос, и перед ней предстал бородатый старик в овчинной шубе и шапке-ушанке, с карабином наперевес. – Я знаю, кто ты, – кашлянул он. – Вставай и пошли ко мне на заимку. Костёр твой давно погас. Замёрзнешь, ночью ударит мороз, – и старик пошёл вниз. – Погодите, а как же тут трупы, их растащит зверьё! – Ответа не услышала, хромая, двинулась за стариком. Немного погодя она услышала от старика ответ: – Трупы я отвёз к себе.

А в это время всё небо было усеяно звёздами, светила полная луна и видно было, как днём. Ирина чуть ли не вприпрыжку попевала за стариком, старалась, шла как можно быстрее. Они спустились под гору, попали на перевал, прошли с километр, за

поворотом показалась избушка, где тёк не замерзающий ручей. Они услышали лай.

– Это мой Барсик, я его прицепил пока на цепь, чтоб твоих покойников не растаскали лисы, здесь их очень много, – не оборачиваясь, сказал Ирине старик. – Твой мужик пока лежит, ребро нижнее сломал, я ему примочку из трав приложил, должно помочь. – Она промолчала.

Возле избушки на длинной цепи сидел пёс, похожий на лайку, скулил.

– Барсик, перестань! – недовольно проговорил старик. Ирина остановилась.

– А он на меня не кинется? – осторожно спросила она старика.

– Барсик не дурак, подойди к нему и дай себя обнюхать, – заверил её старик. Ирина тихонько, крадучись, приблизилась и протянула ладонь. Пёс не заставил себя уговаривать, ткнулся носом, лизнул, – процедура знакомства прошла нормально. – Вот видишь, вы с ним и познакомились, – одобрительно проговорил старик. – А теперь заходи, – пропустил её в открытую дверь. Она очутилась в просторной избушке. На сбитом столе горела керосиновая лампа. Следом за ней вошёл старик и подтолкнул легонько в спину:

– Не стой! Проходи и раздевайся. Попьём чаю и спать.

– А у меня колено болит.

– Не бойся. Примочку приложим на спирту, утром танцевать будешь.

– Я вообще-то медсестра.

– Э, вон как. Значит, сама себя станешь лечить.

Ирина разделась и прошла к углу, где стояла широкая лавка. Присела, сняла валенки и гетры, на ней осталось нижнее бельё и длинный свитер. И тщательно стала осматривать колено. Оно выглядело припухшим и немного ныло.

– Так где, вы говорили, у вас спиртовая примочка? – спросила старика. Старик зашёл за печь, пошарился, вытащил поллитровую бутылку, две чистые тряпки, и дал ей. Она намочила одну тряпку, положила на колено, а другой привязала. – Ну вот, и по-

смотрим, как она меня вылечит, – и легла на лавку, закрыла глаза. Старик подошёл к вешалке и снял её полушубок. Подошёл к ней и укрыл. Перекрестившись, с лампой шагнул к печке, залез и там остался, потушил огонь, и в избушке наступила тьма.

* * *

В окошко светило утреннее солнце. Ирина открыла глаза, в избушке не оказалось старика, видимо, ушёл рано утром. Откинув полушубок, посмотрела на колено. Она тут же присела на лавку. Действительно, как ей предсказал старик, колено уже не болело. Ирина сняла повязку, стала одеваться, вдруг за печкой услышала стон. Она встала и осторожно прошла к ней, заглянула. На лавке лежал Коля с закрытыми глазами и постанывал. Она вышла и взглядом начала искать воду для него. Отворилась дверь, и появился старик с целой связкой зайцев.

– Воды бы ему, – попросила старика Ирина. Старик положил в угол связку молча подошёл к печке, снял с плиты чайник. Налил в кружку, подал ей, она взяла, отнесла к Коле. Подошла, приподняла голову, сунула ко рту кружку. Коля малыми глотками выпил полностью. Открыл глаза и ей улыбнулся:

– Ну, вот и живая твоя душа предстала передо мной, – и снова закрыл глаза. Она промолчала, вышла. Старик тем временем разделся, затопил печь.

– Простите, а как вас зовут? – спросила она старика.

– Нилом меня зовут. Фомичом, – услышала она от него ответ.

– А меня Ирина, а его Николай, – ответила она старику.

– В общем, так, Ирина. Каждый из нас будет своим делом заниматься. Например, ты занимайся больным, а я буду добывать дичь. Варить пищу буду тоже я, если не возражаешь. – Она не стала с ним спорить и промолчала.

Старик содрал шкурки с зайцев и с кишками вынес на улицу, пока дремал больной. Ирина решила выйти и посмотреть, куда попала. Оделась и вышла. На цепи сидел Барсик, увидел её, заскулил. От солнца слепило глаза, глядя на белоснежный покров. Недалеко от избушки протекал хрустальный ручей, который не замерзал, а над возвышенностью плоскогорья росли сосны и пих-

ты. Смотрела и любовалась на эту красоту, как будто попала в сказку Берендея. Вдруг услышала знакомое «мяу!», и посмотрела на противоположную сторону ручья, – Рыжик находился на другом берегу, и не мог попасть к хозяйке. Покружившись на одном месте, кот разбежался, прыгнул через ручей, без промедления побежал к своей хозяйке. Ирина взяла его на руки, направилась к избушке.

Старик тем временем занимался приготовлением пищи, он даже не обратил внимания на появление Ирины с котом. Она отпустила кота на пол, сняла полушубок, прошла за печь и посмотрела на больного, тот лежал с закрытыми глазами. Потрогала лоб и пощупала пульс. Вышла. Старик увидел кота.

– Ух ты, какой красавец, – восхищённо проговорил он. – Наверное, голодный? Сейчас дам ему кусочек, – и полез в кастрюлю, вытащил кусок зайчатины. Отрезал ножом кусочек и бросил Рыжику, а остаток положил назад.

Пообедав, Ирина услышала шум от пролетавшего вертолётта. Фомич тоже приподнял голову кверху.

– Ну вот и прилетели. Вас заберут, а я останусь один, – с горечью в голосе проговорил старик.

– Лично я не собираюсь отсюда улетать. Где-то в этом районе находится монастырь, – Ирина посмотрела на Фомича.

– Да, есть такой, вёрст так сто до него идти, – ответил ей Фомич. – А тебе он зачем? Грехи решила отмаливать? – с ног до головы оглядел Ирину. – Знаете, Нил Фомич, у меня большой опыт медицинской сестры, он пригодится для монастыря. Может, вся моя идея не в этом заключается, но ясно одно – моё место там. – Она встала из-за стола и начала прибираться. Фомич прошёл к двери, оделся, вышел. Подошёл и отвязал Барсика.

– Засиделся. Пошли, прогуляемся. – Барсик стал прыгать, Фомич цыкнул на него, и они отправились вниз по течению ручья. Убрав чистую посуду, Ирина присела на лавку, и в углу увидела икону. Образ святого выглядел достопочтенным стариком.

Вдруг в дверь кто-то постучался. – Входите! – ответила Ирина. Друг за другом вошли четыре мужика в синих тёплых комбинезонах и куртках. Они даже были чем-то похожи друг на друга. Бородатый мужик сразу завёл разговор:

– Тут такое дело, хозяйка. Мы энергетики, прилетели устранять аварию. Нам бы у вас сегодня переночевать, завтра сделаем работу. Улетим.

– Я сама жертва этой аварии. Фомич хозяин избушки. Нужно срочно увезти раненого, у него два ребра сломаны, он лежит за печкой, и три трупа в морг.

– Наше дело устранить аварию. Ну, раненого мы увезём. А насчёт трупов – передадим, куда нужно.

– Я здесь не решаю, дождитесь Фомича.

– А чего его ждать? Нас четверо, один идёт за водой, двое за дровами. Я сяду и подумаю над устранением аварии.

Эти трое вышли, Ирина пошла за печь посмотреть за больным, в это время бородач без приглашения подошёл к столу, сел. Закурил.

– У вас сейчас неважное положение. Мы лишние здесь, – начал бородач.

– Для меня вы не лишние, авария никого не спрашивает, – ответила Ирина.

– Да, вы правы. Хочешь не хочешь, а принимай незваных гостей. Давайте познакомимся, меня зовут Евгений Николаевич Поздняков, бригадир аварийщиков. А вас?

– Ирина. Где-то ваши работники пропали. Как ушли, так с концами.

– А вы не волнуйтесь, они сейчас дойдут до контейнера, всё, что нужно, оттуда возьмут и принесут сюда.

– Может, есть у вас болеутоляющие? Для него... – и кивнула в сторону печки. – Скажем, анальгин.

– Знаете, Ирина, честно – не знаю, что там есть. Ребята принесут, и вы посмотрите.

– Как начальник должны знать, – покачала головой она.

– Так-то оно так, только в последний момент об этой аптечке вспоминаешь, что там есть.

Застонал за печкой Николай:

– Ирина, это с кем ты там разговариваешь? – забасил он.

– Да гость тут у нас, бригадир аварийщиков, – и она прошла за печь к нему.

Залаял Барсик. Открылась дверь, и вошёл с большой вязанкой дров один из аварийщиков, следом за ним Фомич. Вязанку тот оставил возле входа и прошёл к бригадиру.

– Ты давай сходи к ребятам, – обратился к нему бригадир. – И помоги принести что-нибудь. Погоди, пошли вместе! – они вышли.

* * *

Пообедав, бригада сразу ушла к месту аварии, так захотел бригадир, только трое остались в избушке: Ирина, Николай и Фомич. Больной закрыл глаза и дремал, а Ирина копалась в аптечке аварийной бригады. Фомич взял карабин и разобрал, каждую часть протирал тряпочкой. Заговорила:

– Нил Фомич, я видела у вас в углу образ. Кто это?

– Нил Столобенский с Селигера. Был такой святой монах.

– А чем он отличился?

– Жил на острове. Никому вреда не делал, много молился. Только Сатане его уклад жизни не нравился, и тот на Нила насылал зло. С самим Сатаной говорил он правдой, а Господь ему помогал, и никак Сатана не мог его сломить. В честь его мои родители меня назвали.

– Интересную историю вы, Нил Фомич, мне сейчас рассказали, – и она глянула на образ.

– Тебе видней. Скоро гости придут, возьму сварю из их припасов что-нибудь. – Ирина промолчала.

«Вторые сутки пошли после аварии, а нас никто не ищет», – так думала Ирина, уже после обеда. Мужики ушли, чтоб оборудование и инструменты, чем устраняли аварию, убрать, сложить в контейнер. Следом за ними подался Фомич – проверять петли, Ирина осталась с больным.

Дверь резко распахнулась, на пороге стоял высокий пилот с точки и улыбался:

– Не ждали, а мы тут как тут, – он вошёл, следом за ним вошли ещё пять военных, дверь за последним закрылась.

– Где трупы? – задал вопрос старший по званию: на погонах у него была видна одна майорская звёздочка.

– Больной за печкой, а трупы на взгорке под сугробом. Оружие и документы у меня, – ответила Ирина.

– Нам нужен старик, чтоб рассказал и расписался в протоколе, вас тоже эта процедура касается, – и майор просверлил взглядом Ирину.

– Пока Нила Фомича нет, я покажу, где лежат трупы, – она оделась и вышла вместе с пятью военными.

* * *

Утро стояло морозное. Уже с полчаса как улетели отсюда военные с энергетиками. Фомич с Барсиком опять пошли осматривать петли. Ирина, прибравшись, присела на лавку. Задумалась.

В первую очередь – как отсюда добраться до монастыря? Хотя Фомич говорил, что находится недалеко, но до него ещё нужно добраться. Старик интересная личность, ему, наверно, около ста лет, думала она. Как он сюда попал? Вопросы совсем заполнили голову Ирины. Она встала, шагнула к печке. Налила в кружку чай, прошла и села на своё место. Чья-то тень промелькнула в окне, она насторожилась и быстро к печке. Здесь всегда стояла в углу двустволка, заряженная картечью, и коробка с патронами – на всякий случай. Она взяла ружьё и нацелилась на дверь. Ждать долго не пришлось, приоткрылась дверь, тихо вошёл коренастый тунгус-крепьш. На его лице было написано «незванный гость...». Ирина предупредила:

– Стой! Стрелять буду!

– Я мимо шёл. Замёрз! – повернул голову в её сторону и ехидно улыбнулся.

– Так, чтоб отошёл от двери в сторону. Дёрнешься, буду стрелять, – снова предупредила она. Тунгус молча отошёл в угол. А время не торопится. «Ну где же Нил Фомич?» – подумала Ирина. Неожиданно близко залаял Барсик. Дверь распахнулась, и на пороге возник Фомич. Тунгус было дёрнулся, глухой выстрел, он лежал на полу и выл. – Я же тебя предупреждала, а ты не послушал, – спокойно проговорила Ирина.

– И откуда ты взялся на нашу голову! – подошёл к нему Фомич и стал осматривать рану на правой ноге. – Где ты так нау-

чилась стрелять? – старик внимательно посмотрел на Ирину.
– У меня муж военный, вот меня и научил стрелять.

* * *

Стемнело. Лампу они не стали зажигать, натопили избушку. У тунгуса Фомич извлёк картечь из раны. Ирина растолкла стрептоцид в порошок, приложила на больное место, закрыла повязкой. Дали ему целый стакан спирта, который оставили аварийщики. Тунгус уснул, но кто его знает, был он один или их было несколько человек, старик с Ириной не могли знать. На всякий случай Фомич залез к нему в оленью доху и там пошарил, кроме охотничьего ножа и пистолета с глушителем ничего такого у «гостя» не было. Фомич на всякий случай вышел на улицу, внимательно осмотрел окрестность вокруг избушки, но кроме старых охотничьих лыж ничего не нашёл в сугробе. В начале зимы ему попадался след от подобных охотничьих лыж, который уходил в сторону старого скита. Он тогда не придавал значения этому случаю. Правда, иногда сюда заглядывали либо военные, либо большие «шишки» пострелять в медведей или кабаргу. Приедут, от скуки постреляют, водки попьют и довольные уезжают. У самцов кабарги можно взять железу для приготовления косметики, хотя и лапы медвежьей тоже пригодились бы. Тунгус занимается браконьерством, – такой вывод сделал Фомич. Завтра он попробует его разговорить, может, удастся у него что-то разузнать. Фомич закрыл глаза и стал проваливаться, Ирина наоборот лежала с открытыми глазами, у неё была бессонница.

* * *

Под утро все, кто находился в избушке, крепко уснули. Через сон Ирина услышала далёкий лай Барсика. Неизвестный громко прикрикнул на пса: «Ату!» – Барсик ещё сильнее залаял, Фомич молча слез с печки, оделся. Приоткрыв немного дверь, прикрикнул: «Нельзя, Барсик!». – Захватив карабин, тихо вышел. Ирина встала, убрала постель, но пистолет спрятала под подушку на всякий случай. Села на лавку и ждала.

Отворилась дверь, вошли с Фомичом трое вооружённых людей. Усатый с лукавым глазом зыркнул на Ирину.

– Старший егерь Иванов Сергей Ефимович, – вытащил удостоверение, показал. – А вы кто будете? – обратился он к ней.

– Я случайная жертва, после аварии, – и она замолчала.

– Гм... А что, здесь была авария? – лицо у него изменилось.

– Была. Вертолёт налетел на высоковольтную опору. Три трупа. Ирине и ещё одному пассажиру повезло, остались живы, – ответил Фомич. За печкой завозился тунгус.

– Я не понял, а там кто? – старший егерь глянул на Фомича.

– Вчера сам к нам пришёл, а по какой надобности, не говорит. Хотел уйти, да Ирина его подстрелила. Картечь пришлось вытаскивать из раны, – объяснил Фомич.

– Так-так. И больше ничего не скажешь? – недоверчиво глянул старший егерь на Фомича. – Да, забыл сказать, нож, пистолет и лыжи мы у него конфисковали, – с мрачной улыбкой проговорил Фомич, а сам подумал о старшем егере: «Явился не заплылил-ся, умник».

– Вещи его чтоб мне лично отдал, – снова заговорил старший егерь. Фомич подошёл, из-за пазухи вытащил нож и положил перед ним, следом Ирина Сергеевна вытащила пистолет с глушителем, отдала ему в руки. Старший егерь присвистнул, увидев эти экземпляры. – Короче, мы его забираем с этими вещами, – старший егерь посмотрел на Фомича.

– Я как бывшая медсестра против того, чтоб вы забирали больного отсюда. Пусть рана заживёт как следует, после чего и забирайте, – вступила в прения со старшим егерем Ирина.

– Так. А ты кто такая со мной здесь пререкаться? Ты свой паспорт мне покажи. Хозяин этих мест я, – с наглой ухмылкой заговорил старший егерь. Мужики, которые сопровождали Иванова, прошли и молча присели на лавку. Один из них не вытерпел и заступился за Ирину.

– Ефимыч, она права, пусть останется, через две недели мы его заберём, тем более она медик, – они друг на друга посмотрели, как бы давая согласие.

– Ладно, Гриша, пусть будет по-твоему. Мы его заберём ровно через две недели, смотри, старик, головой за него отвечаешь. Не дай бог, упустишь – распрощаешься с этим местом на-

всегда. Мы уходим, но через две недели сюда вернёмся, тебе моё слово, – они трое вышли.

Фомич вслед им перекрестился, читая молитву. Вышел, хромая, тунгус:

– Вы меня не отдавайте этим волкам. Мне нельзя с ними встречаться.

– Ишь как заговорил, – удивился Фомич, лишь Ирина промолчала. – Вчера молчал, а сегодня язык у тебя развязался.

– Я всё о них расскажу, только вы не отдавайте меня. Они занимаются браконьерством, этот егерь липовый, его несколько лет как уволили. Он бывший мент, участковый, взяточник, почему его оттуда попросту пнули, сделав документы. Стал Ивановым, пошёл работать егерем, где опять прокололся. Короче, у него настоящая фамилия Миронов Пётр Ефимович.

– Ты, что нам сейчас рассказал, потом расскажешь следователю, – прервала тунгуса Ирина.

– Я не знаю, как вам доказать, чтоб поверили.

– Ладно, нам с Ириной нужно подумать, мы потом тебе скажем, – такой ответ тунгус услышал от Фомича. Тунгус, прихрамывая, ушёл за печку.

– Воды нет, кончилась, – Ирина взяла ведро, пошла по воду. Фомич вышел следом.

– И что, верить ему, али нет? – заговорил Фомич.

– Да вроде бы не врёт. Сказал всё, что знал о егере. Не хочет, чтоб его забирали отсюда.

– Нет, что-то здесь не так, они не забрали лыжи тунгуса.

– Давайте, Нил Фомич, ему поверим, верней, сделаем вид, что поверили.

– Хорошо. Давай! – Они подошли к ручью, зачерпнули ведром воду, обратно двинулись к избушке.

* * *

Быстро прошла неделя. День заканчивался, темнело. Тунгус поправился в меру, вышел, прихрамывая, из избушки по надобности. Пустым не пришёл, занёс большую охапку дров на рас топку. Зато Фомич как с утра ушёл, лишь к вечеру возвратился с

целым ворохом зверья. Ирина сидела в углу и аккуратно сдирала шкурки с принесённых им зайцев.

Они готовились отсюда уйти, для троих, не считая собаки и кота, нужны припасы еды. Заячьи тушки Фомич закидывал на чердак, завтра с утра они должны тронуться в путь. Нашлись старенькие лыжи для Ирины в этот поход. У Фомича имелись санки, на них погрузят припасы, чтоб добраться до монастыря. Да и само время подгоняло – морозы пока стоят за двадцать градусов.

Раннее утро, все на ногах. Безветренно. Ночью ударил немножко морозец. Настроение у троих нормальное, причём собираются без суеты и лишних слов. Фомич собрал всё, что мог, и загрузил в санки. Закрыли избушку, тронулись по чуть заметной тропинке на восток вдоль ручья. Таким образом прошли за световой день около восьми километров. Решили сделать привал. Нашли сухую пихту, тесанули топором и подожгли. Прогорев, дерево упало на снег. Фомич остался дежурить, подкинул сухой лапник, который набрал рядом в пихтаче. Костёр разгорелся, только успевай подкладывать сушняк, которого вокруг хватало с избытком. Ирина сходила к ручью, зачерпнула воды в чайник, принесла к костру. Фомич зацепил чайник на железную треногу, через некоторое время закипевший снял. Сейчас втроем сидели у костра, прислонившись спиной к старой ели, обжигались, глотали из кружек маленькими глотками чай. (Чай состоял из трав, которые собрал летом Фомич.) Наконец Ирина с тунгусом прислонились к ели, закрыли глаза и задремали. Фомич остался дежурить у костра. Барсик улёгся возле его ног на снегу. Рыжик грел Ирину под полушубком. Стояла звёздная ночь. Среди елей, пихт и других деревьев, а также вершин гор, небо казалось таинственным и загадочным видением. Фомич засмотрелся и забыл подложить в костёр, а когда почувствовал холод, сразу вспомнил о своих обязанностях. Рядом с краю взял охажку еловых веток и положил в костёр. Взметнулось пламя, костёр вспыхнул и разгорелся.

Утро. Встали, умылись снегом. Немного пожевали заячьей солонины, запили кипятком. Костёр почти потух, на всякий случай забросали его снегом. Загрузили санки, пошли своим путём. Барсик, опередив людей, убежал вперёд, Рыжик поверх груза

восседал на санках. Забуранило. Солнце исчезло во мгле. Стала портиться погода. Фомич остановился и остановил своих попутчиков:

– Недалеко, три версты отсюда, землянка со сложенной печкой, я её на лето делал, чтоб не находиться в избушке. Тут уйма хариусов водится, как сюда попала эта рыба, узнал случайно. Птицы икринки принесли, вот и расплодилась она. К тому же там дальше ручей расширяется, и есть омут на два метра глубиной и метров десять шириной. До того омута ещё два ручья поменьше впадают в этот самый ручей. В низине где-то, превращаясь в небольшую речку. – Он вздохнул и пошёл вперёд. И действительно, им по пути встретились два небольших ручья. Успокоился буран, снова появилось солнце.

Привал. Стемнело. Барсик остался у входа. Все улеглись отдыхать. Среди ночи Барсик стал громко лаять. Фомич осторожно вышел с карабином, и никого не увидел. Барсик к нему стал ластиться.

– Обманщик. Сам к нам захотел. Ладно, сиди и сторожи, – такой ответ пёс услышал от хозяина. Фомич ушёл в землянку, прилёг, но не спал. Уже под утро уснул. Разбудил снова лай Барсика и звук вертолёта. Тунгуса в землянке не было. Ирина сидела и расчёсывала гребнем волосы. – Ну и куда наш попутчик девался? – задал вопрос Ирине Фомич.

– Только что вышел, пока вы, Нил Фомич, спали, – она пожала плечами. – Неспроста ночью лаял Барсик. – Фомич посмотрел кверху. Приоткрылась дверь, и вошёл тунгус.

– Это за мной они полетели, – прошёл и сел в угол. Тунгус выглядел расстроенным.

– Не будь бабой. Стрелять можешь, если что, станем отстреливаться, у меня карабин и винтовка. Я взял целый патрон-таш и пять коробок полных. Нам терять нечего, – снова завёл разговор Фомич.

– А мне что делать? У меня даже палки нет, чтоб потом отбиваться, – выразила недовольство Ирина.

– А зеркало есть? – спросил тунгус.

– Как любая женщина, имею, – твёрдо ответила она.

– Если они начнут нас догонять, старайся в глаза пилоту пускать «зайчики», – такой совет услышала она от тунгуса. – Мне об этом рассказал один «афганец», бывший военный, таким образом спасся от неминуемой смерти, когда из плена бежал. За ним гнались на машине, на разбитом газике увидел зеркало. Снял, навёл на водителя. Попал ему в глаз, тот от неожиданности развернулся, полетел в пропасть.

– Интересный случай, но быть готовым надо к любому происшествию, – высказал свою точку зрения Фомич.

Два дня прошло, и никакой погони. Стемнело. Они прошли сегодня больше десяти километров. Ручей расширился и выглядел небольшой речкой. Фомич остановился. – Там за поворотом стоит избушка. Брёвна почернели, хоть круглый год живи, – оглянувшись на своих попутчиков, пошёл дальше.

Избушка действительно оказалась просторной, с окном и ставнями, но с покатой крышей. Внутри чистота и порядок, и даже сложенная русская печь. Вдобавок две широкие лавки и небольшой стол. В углу к потолку привязанная люлька с ворохом тряпок. Глядя на обстановку, казалось, будто отсюда недавно ушли хозяева. Фомич не стал ждать, что скажут ему попутчики, и, чтоб как-то разрядить обстановку, заговорил первым.

– В этой избушке раньше жила семья, изгнанная из скита. Большевики гонялись за бандой Горелого и наткнулись на них, мужика арестовали, а его жену с двумя детьми выгнали. Правда, потом она сюда вернулась, забрала пожитки, и с ребяташками пошла назад в скит. Староста её принял, она осталась у своих родителей, о дальнейшей судьбе не знаю. Меня самого красные антихристы забрали в армию как мобилизованного перед войной. Я снайпером воевал, много немцев положил в Сталинграде. Объясню, почему был снайпером: мне как староверу не положено было стрелять в дичь, убивать зверя. Когда банда Горелого уходила от погони, то решили в ските спрятать оружие. Я взял без спросу винтовку и стал ходить охотиться на дичь, в этом проявился у меня талант. А когда демобилизовался, вернулся сюда, в свои края. Скита нашего не стало, в 1942 году всех арестовали и отправили в Магадан. Мне пришлось сходить в артель охотничью

и устроиться охотником, так до сих пор у них числюсь. Ну да ладно, будем располагаться на ночлег.

* * *

Погода стояла изумительная. Снег мельтешил, искрился от блика солнечных лучей, они уже шли почти два часа без передыха. Вышли из лесополосы, куда их вывел ручей. Барсик не стал их ждать и убежал вперёд, они решили остановиться и сделать привал. Ирина взяла котелок и направилась вверх по ручью, Рыжик соскочил и побежал вслед за своей хозяйкой. Тунгус с топором прошёл назад влево, зашёл вглубь. Фомич тем временем расчистил место для костра. Подошла Ирина с котелком, следом за ней тунгус приволок сухую пихту и сосновые ветки. Фомич вытащил из мешка бересту, зажёл, положил на чистое место, сломал ветку сосновую, подкинул сверху на огонь. Огонь стал лизать хвою, Фомич снова подкинул, Тунгус ломал пихту по частям, если у него не получалось, подрубал её топором. Ирина подошла к соседней сосне и аккуратно отламывала с неё ветки, кидая их ближе к костру. Костёр понемногу разгорался, появился огонь. Фомич на треногу прицепил котелок и аккуратно поставил его на середину костра. Сверху видно было, как закипала вода. Покипела несколько минут. Тунгус ловко зацепил котелок варежкой и разлил по кружкам, выставленным на санках. Фомич из мешочка кинул траву, отчего пошёл ароматный запах. Каждый взял по кружке, и отхлёбывали кипяток небольшими глотками, успевали ещё остужать, дуя на него. Прибежал Барсик. Фомич молчком каждому сунул по куску зайчатины, кинул псу заячью ногу. Тот с ней отбежал, сел на снег и отчаянно стал грызть. Перекусили. Появился Рыжик с замёрзшей мышью в пасти, подошёл близко с ней к костру, грыз, урча себе под нос от наслаждения. Они не заметили, как исчезло солнце за горой. Появился сумрак. Наступала темень. Фомич, чтоб как-то разрядить обстановку, заговорил:

– Нужно много натаскать веток, чтоб до утра хватило. Нам осталось пройти ещё немного. Не забывайте, что за нами идёт погоня. Спать по переменке через два часа каждому из нас.

Тунгус и Ирина промолчали, они прекрасно понимали, в какую попали историю. Хорошо бы дойти до конца. Тунгус и

Ирина разбрелись по разным сторонам. Таскали столько, сколько мог каждый из них принести, Фомич тем временем следил за костром, а из веток на снегу сделал лежанку. Рыжик залез в пустой мешок, оттуда блестели кошачьи глаза. Барсик лежал на снегу рядом с санками. Куча для костра понемногу росла. Фомич, видя, как они оба устали, не смолчал:

– Хорош, отдыхай! – и стал потирать перед костром свои руки.

– А не мало будет? – спросила Ирина.

– Самое то, – такой ответ она услышала от него. – Первым после меня за костром следить пойдёт он. – И Фомич посмотрел на тунгуса, тот кивнул ему в знак согласия. Он прислонился спиной к Ирине, и они оба моментально заснули. Фомич, глядя на них, подумал, усмехнувшись: «Хорошая пара бы получилась, тунгус как мужик всё умеет делать, казалось бы – чего ему далось это браконьерство. Ирина женщина серьёзная. Кто её знает, может, и вправду сойдутся, а как бы хотелось, чтоб у них получилось», – очнувшись от этой мысли, вспомнил, что нужно подкинуть в костёр. Подошёл поближе, кинул несколько больших веток, вспыхнул огонь и осветил округу. Рыжик, видимо, не вытерпел – вылез из мешка и побежал к хозяйке, ткнулся ей в лицо. Ирина Сергеевна открыла глаза. – Давай лезь сюда, – открыла полу полушубка, и кот исчез там. Она закрыла глаза, снова провалилась в сон. Крепчал мороз. Небо полностью усеяно звёздами. Луна серпом вылезла из темноты. Барсик калачиком свернулся на хвойной ветке. Фомич опять несколько веток подкинул в огонь. – «Скорее бы очередь тунгуса, сильно клонит ко сну», – думал Фомич, у которого слипались глаза. Его кто-то тормозил. Он открыл глаза, перед ним стоял тунгус и грозил пальцем. – Э, чего спишь. Не спи, а иди ложись к Ирине, – подтолкнул старика к лежанке. Он подошёл к ней и бухнулся с другой стороны.

Рано утром Фомич соскочил, сразу устремился к костру. Костёр хорошо горел, возле него сидел тунгус и из кружки отхлёбывал кипяток. – Ты что, здесь всю ночь ночевал? – такой вопрос задал Фомич тунгусу и сразу получил ответ: – Всю. А что, нельзя? Запрещено? – буркнул тунгус. – Нам надо добраться до избушки, а это шесть вёрст с лишним пройти. Ты их пройдёшь после такой

ночи? – Фомич с усмешкой глянул на тунгуса. – Пройду, старик, не беспокойся, – уверенно ответил ему тунгус. – Ладно, посмотрим, буди Ирину. – Фомич взял котелок и пошёл к ручью. Будить не пришлось, она встала, когда услышала их разговор, и именно с самого начала. С одной стороны, ей было приятно, что тунгус отстоял её время, но с другой – неприятно, как Фомич унижал тунгуса. С такими мыслями она пошла в сторону ручья.

Они прошли половину пути, как в воздухе услышали шум. Остановились. Шум приближался всё ближе и ближе. – В ста метрах впереди от нас камни, там можно схорониться, – такую мысль высказал Фомич, который сразу помчался и потащил за собой санки. Ирина и тунгус тоже побежали за ним. Только успели все трое спрятаться за первый попавшийся камень, как на горизонте появилась маленькая точка. Она быстро приближалась и увеличивалась. Это летел вертолёт, который их искал. Барсик выскочил и залаял. Фомич заорал: «Ко мне!» – но в ответ услышал глухой хлопок и громкий визг Барсика. Фомич скинул с плеча карабин, перезарядил. Стрельнул пару раз, задымил вертолёт. Взрыв – и от него почти ничего не осталось, непонятное огненное пекло стало падать вниз, и ещё разорвалось, куски отлетали в разные стороны. Все трое смотрели и не верили своим глазам, что они победили. Фомич побежал к Барсику. Пёс лежал на боку и не дышал. Подошли тунгус с Ириной. Она наклонилась и стала щупать пульс, он не прощупывался. Было понятно – погиб пёс. Фомич снял шапку, отвернулся и горько заплакал. Жаль пса, но он погиб на боевом посту, защищая всех троих. Появился Рыжик, покрутился, и снова куда-то улизнул.

– Жаль его, семь лет в одной с ним упряжке, – Фомич замолчал на какое-то время, потом продолжил: – Свободно на медведя с ним ходил, отсюда за триста вёрст. Приехал как-то залётный генерал и позвал меня с моей собакой Сильвой на медведя. Когда она пошла на медведя, генерал нечаянно выстрелил и попал в неё. Хорошо, я успел ещё выстрелить, попал в медведя. Генерал, чтоб я не обиделся, Барсика взял и мне подарил.

Наступила пауза. Заговорила Ирина: – Нил Фомич, его уже не вернёшь. Давайте с нами в монастырь, там всё забудется, – она жалостливо посмотрела на старика.

– В этих камнях есть место, куда схоронил своего пса мой приятель. Туда и мы Барсика похороним. – Фомич озабоченно глянул на тунгуса и Ирину.

Похоронив пса, они решили разыскать «чёрные ящики», чтоб избавиться от улик. Долго рыскали по окрестности, но ничего не нашли, кроме обломков вертолётной обшивки. Сам вертолёт был небольшим, а почему взорвался, было понятно: Фомич попал в его бак. Теперь нужно уйти с этого злополучного места, что они и сделали, где-то за полтора часа дошли до избушки, здесь снова начиналась лесополоса. Натопили и легли спать. Фомич снова не мог уснуть, думал о своём. Под утро крепко заснул. Ирина Сергеевна встала и сходила за водой, принесла полный котелок. Тунгус проснулся, вышел на улицу, занёс немного дров, аккуратно сложил возле печки. Фомич через сон учуял, как запахло свежим ароматом чая. Встал, сел за стол. Для него оставили целую кружку душистого чая. Фомич выпил глоток, крикнул от удовольствия.

– Надо собираться, десять вёрст отсюда до монастыря, – встал и вышел, тунгус с Ириной в спешном порядке начали собираться.

* * *

Матушка Арина (в миру Ирина Сергеевна Мальцева) стоит перед Казанской иконой Божьей Матери и читает тихонько молитву. Прочитав и перекрестившись, она уходит. Уже год матушка Арина находится в монастыре. Для неё вхождение в вероисповедание оказалось большим шагом. Помимо неё тут находятся десять монахинь и их наставник отец Пётр с дьяконом Феофаном. Несколько послушниц разных возрастов, не считая Нила Фомича с тунгусом и юродивого Гриши. Вот в таком составе и находился тутошний народ. Из живности монастырь имел старого коня Ретивого и трёх собак. До ближайшего населённого пункта отсюда двести километров. Правда, до кордона, где жил лесничий, намного меньше, километров десять, там жило пять семей. Туда изредка навещался отец Феофан с Гришей. Гриша, молодой, крепкий парень, почему-то был психически нездоров. После смерти жены, которую убили на его глазах в перестрелке бандиты на улице среди белого дня, он «сдвинулся» и заболел.

Попал сюда, в монастырь, случайно. В Енисейске отец Пётр, где нёс последнюю службу перед тем, как уехать и принять монастырь, увидел этого парня. Гриша в потёртых джинсах, разутый и грязный, сидел прямо на церковном крылечке. Потерявший дар речи после всего пережившего, практически не говорил. Отец Пётр молчком взял его за руку и повёл в свою келью. Накормил и отдал послушнику, чтоб тот увёл и умыл. Так Гриша попал в монастырь.

Запрягая коня, отец Феофан подозвал Гришу. Жестикулируя, показал тому, чтоб сажился в сани. Они медленно ехали почти час. Светило солнце. Стоял мороз. Нужно засветло успеть попасть на кордон. Отец Феофан стеганул Ретивого, тот ускорил шаг. Проехав несколько километров, услышали в небе гудение. Здрав головы, они ничего не увидели. Вертолёт пролетел где-то в стороне. Снова вернулся, покружил над ними, улетел. «Неспроста он летал над нами», – отец Феофан развернул обратно коня и ударил вожжой, Ретивый рванул, побежал рысью, с каждым шагом ускоряя темп.

Уже в сумерках они подъехали к монастырю. Мороз крепчал. Они заехали во двор. Гриша распряг и отвёл Ретивого в стойло, накинул на него старый бушлат. Дал охапку сена. Отец Феофан пошёл в келью к отцу Петру.

– А что так быстро вернулись? – И отец Пётр с любопытством посмотрел на Феофана.

– Мы только выехали на лесную полянку перед ложбинкой, как над нами стал кружить вертолёт. Вот и пришлось вернуться.

– Так это он вас напугал?

– Получается так.

– Ладно, иди и позови матушку Арину. – Отец Феофан вышел. «Хорошо, что сказал, другой бы промолчал. Хотя кто его знает», – подумал отец Пётр.

Постучали в дверь. Вошла матушка Арина:

– Я вас слушаю, отец Пётр! – и она покорно склонила голову.

– Не доезжая ложбины, на лесной поляне над отцом Феофаном и Гришей кружил вертолёт.

– Я вас поняла, батюшка. Мне можно идти? – и она повернулась к выходу.

– Иди с богом! – И он посмотрел на Арину. «Неглухая женщина. Всё понимает, – усмехнулся отец Пётр. – Не зря была женой военного, не то что я, – гражданский бухгалтер, вдовец. Сюда пошёл служить по убеждению». – Он отвернулся, прервал сам себя на этой мысли. В миру Пётр Сергеевич Мосин, отец Пётр когда-то был главным бухгалтером одного из городских управлений. Как-то поехали с женой на дачу и попали в аварию, жена погибла. В то время единственная дочь Рита уехала отдыхать на Чёрное море. Узнав, что случилась такая беда в их семье, ругнулась с отцом, обвиняя того в смерти матери. Похоронив жену, стал часто ходить в церковь. Был долгое время послушником. Дали сан. Ну, в общем, всё как у людей перестройки.

* * *

На следующий день отец Феофан с Гришей направились по намеченному пути. Ехали не спеша, обходя небольшие снежные наносы. Солнце скрылось за вершинами Енисейского кряжа. По времени они должны уже быть на кордоне. Проехав ещё пару километров, услышали одиночные выстрелы. Отец Феофан остановил лошадь и посмотрел туда, откуда доносились выстрелы. Больше выстрелов он не услышал, только поглядел на Гришу. И тут Гриша заговорил: «Батюшка, не езжай туда. Там притаилась смерть. Я тебя умоляю». – И он готов был разрыдаться. – Ты смотри на него, заговорил. И успокойся, бог в помощь, если что, молчи, – и отец Феофан, недовольный Гришиной истерикой, глянул на него. – Но, пошёл, Ретивый! – Он слегка ударил коня вожжой. Гриша притих и смирно сидел, внимательно глядел в ту сторону, откуда были слышны выстрелы. Уже подъезжая к кордону, встретили человека в чёрной маске, тот направил на них автомат.

– Стоять! Кто такие и откуда?

– А мы монастырские, – пробормотал отец Феофан. – Пропусти! – услышали они сзади твёрдый голос, и вновь сани тронулись в путь. Проехав немного, они свернули вправо. На небольшой поляне стояли пять домов, огороженные с одной стороны.

Подъехав к сараю, они вылезли из саней. Отец Феофан пошёл привязывать лошадь и кинуть ей на спину старое одеяло, Гриша направился к копне сена, взять охапку и дать лошадке. Сделав свою работу, каждый по очереди вошли в средний дом. Вошли и поздоровались. За столом сидел хозяин кордона и двое в чёрной униформе. – Так, монастырские, рассказывайте, зачем сюда пожаловали, – начал допрос коренастый с короткой стрижкой, но повисла минута молчания.

– Значит, так, приехали мы сюда по нужде за мукой и подсолнечным маслом. Хозяин подтвердит, – замолчал и насупился отец Феофан.

– Да, это так, – встал и ответил рослый мужик Фёдор, хозяин кордона.

– Фёдор, мы, как и обещали, бочонок мёда тебе привезли, скажи своим, чтоб забрали, – заговорил отец Феофан. – Во всяком случае, я не шпион и не бандит. А служу Богу. А вот кто вы, я не знаю, но предполагаю, – и он замолчал.

– Мы ищем Миронова Петра Ефимовича. Здесь недавно пролетал вертолёт, вы его видели? – Нет. Мы только сегодня сюда приехали, – соврал им отец Феофан. – А этот что молчит? – встрял лысоватый мужик. – Так он немой, – за него ответил отец Феофан. Фёдор в знак согласия наклонил голову. – Короче, так, вы завтра отсюда уедете, а сейчас идите и отдыхайте. Нам тоже не мешало бы появиться у вас в монастыре.

– Ваше дело, – ответил им отец Феофан.

Их вдвоём поселили в натопленной избушке, уже лёжа перед сном, отец Феофан вслух высказался: «Странно, почему они не показали удостоверения. Что-то здесь не так», – и он глянул на спящего Гришу. Да не отец Феофан он, а бывший лейтенант-энкавэдэшник, конвоировал зэков, сослан в тридцатые годы в Красноярский край за ротозейство. Его обвёл вокруг пальца бывший сослуживец Антонов, отпустил зэка, который не вернулся в зону. Зэк был не простой, а комдив-орденоносец, один из приближённых Сталина, как потом оказалось, враг народа. Сослуживца расстреляли, а Колю Фёдорова отправили золото мыть на целых десять лет. После смерти Сталина получил амнистию, но

когда находился на прииске, познакомился с отцом Никодимом Римским-Корсаковым из Питера. (Предок его – знаменитый композитор.) Коля в последнее время делил с ним последний кусок, правда, не сразу пришёлся отцу Никодиму, такое оказалось их начальное знакомство. Пока они были вместе, отец Никодим учил уму-разуму Колю. Приобрёл к главному – чтобы тот верил и любил бога. Сразу после всего пережитого Коля случайно попал в Енисейск. Там действовала церковь, сначала был в ней дворником, потом сторожем. Только после пятнадцати лет достойной службы в храме Коля получил сан дьякона и стал называться отцом Феофаном. А сейчас отец Феофан лежал и думал о своём. Глаза стали слипаться, и он уснул.

* * *

Утром, кое-как разлепив глаза, отец Феофан лежал с открытыми глазами, затем присел. Глянул на лежанку, где должен находиться Гриша. Почему-то того не оказалось на месте. Скрипнула дверь, и вошёл неизвестный мужчина в армейской форме, где на каждом погоне по три звезды. «Полковник. А этому чего здесь надо?» – подумал отец Феофан, глядя на вошедшего полковника. Тот с порога: «Одевайтесь, мы вас ждём», – и тут же вышел. Отец Феофан, одеваясь, соображал, выходя во двор. Двое саней с людьми стояли и ждали его. Он сел рядом с Гришей в розвальни, и их небольшой обоз тронулся.

Въезжая, увидели на снегу монастырского двора завёрнутый труп. Кто это был, никто из них не знал. Да и самих никто не встречал, только собаки учуяли чужих, залаяли. Псы находились в стае. Вышел один Нил Фомич:

– Отец Пётр молится с сёстрами. И меня попросил, чтоб я вас всех разместил. Пойдёмте. – И повёл в сторону ближней избы. За ним пошли несколько человек.

Тем временем молитва кончилась. Отец Пётр позвал всех на собрание. В столовой монашки скромно сидели и тихонько переговаривались меж собой. Вошли Фомич и Феофан, они прошли и сели рядом с отцом Петром. Через какой-то промежуток времени появился полковник:

– Все вы тут друг друга хорошо знаете. Год назад появились среди вас три человека. С их появлением жизнь немного как бы изменилась. А что вчера произошло, вы уже знаете. Теперь подведу небольшую черту. Мы несколько лет разрабатывали свою операцию по Миронову, внедрили к нему своего человека, майора ФСБ Тунгусова Анатолия Петровича. Кстати, вчера был убит в перестрелке с людьми господина Ли. Сейчас его труп лежит во дворе. Так вот, операция эта связана с золотом, наркотиками и браконьерством, а занимался всем этим некий господин Ли, один из главарей Триады. Преступник с мировым именем. У этого господина аппетит на такие дела очень хороший. Чтоб вы меня поняли, это не пустые слова, а чистая правда. Позавчера ваши люди увидели вертолёт и приехали назад, и рассказали настоятелю монастыря отцу Петру. Тот вызвал матушку Арину и передал ей о появлении странного вертолёта. Оказывается, Миронова искали люди Ли. Он припрятал несколько килограммов золота. И с этим золотом хотел сбежать за границу, но Ли не дурак. На него работала русская женщина Люба, «любовница» Миронова и наш агент. Она всё, что знала о Миронове, передавала китайцу, как и нам. Миронов около года жил на заимке, там, где когда-то проживала семья, изгнанная из скита. Спасибо Фомичу. Это он его там засёк. Решил Фомич пойти поохотиться после двух месяцев проживания в ските. Пошёл и набрёл на свежие следы, углубился по ним, и они его вывели на заимку. Теперь о китайце. Три площадки имел он. На одной браконьерничал – кабарга и лапы медвежьи, и ещё кое-что. На второй – заброшенная драга и промывка золота. На третьей расфасовка спайса. Народ работал почти бесплатно. За лежанку и харчи. Вот мы эту заимку, на которую вышел Фомич, господину Ли и подкинули через Любу. Китаец туда своих людей послал, но они Миронова не сразу нашли. На кордоне мои ребята их спокойно взяли, те и пикнуть не успели. А вот здесь, в монастыре, пришлось пострелять, правда, мы боевого товарища потеряли. Миронова тоже убили в перестрелке с людьми Ли. Золото не нашли, да и не найдут. Мы отправили вчера на вертолёте. И опять благодаря вашему Фомичу. В общем, от себя лично дарю тебе, Фомич, часы на цепочке. Я с ними прошёл Афганистан, и,

как видишь, живой. – Полковник подошёл к Фомичу и вложил ему в руку часы.

– Да не возьму я. Мне солнце вместо часов, – начал куражиться старик.

– Бери, тебе говорят, – цыкнул на него отец Феофан. Фомич взял и спрятал их в карман.

– Всем спасибо за ваш тёплый приём, – полковник откланялся и вышел.

* * *

Год прошёл после событий. Весна ещё не вступила как следует в свои права. По ночам стоит морозец. Только днём с веток деревьев понемногу капает капель на землю. Матушка Арина после плетения решила отдохнуть, накинув полушубок, вышла на крыльцо. Вдохнув свежего воздуха, присела на скамейку и посмотрела на церковь. Две вороны сидели на церковной крыше и меж собой так сильно каркали, что проходящий мимо Фомич и то остановился.

– И чего раскаркались, делать нечего, – проворчал он, и подошёл к матушке Арине. – Рассказывай, что нового. – Фомич озорно глянул на неё.

– Ты же помнишь Николая, – мужа моей подруги. Так вот, жениться хочет на мне, и на днях сюда приедет. – И она замолчала.

– Женитесь, ты женщина ладная, и живите здесь, места всем хватит. Жалко мне тунгуса, – старик жалостливо посмотрел на матушку Арину.

– Не судьба! – она встала и пошла в избу. Фомич покачал головой: «Значит, не судьба».

Уважаемый читатель!

В книге представлены рассказы и повести писателя из народа А. С. Таразанова. Автор описывает разные периоды истории России: Великая Отечественная война, послевоенное время, 1970-е–1980-е гг., современный период (2010-е гг.). Герои его рассказов простые и понятные обычному человеку люди: рыбачка Варенька, стрелочник Пётр Ефимович Груздев, художницы Кира и Наташа, боксёр Олег и др. Все эти характеры по-своему проходят суровую школу жизни, раскрывая в бытовых ситуациях новые качества своего характера. Например, в рассказе «Варенька-рыбачка» главная героиня в тяжёлые годы войны усердно трудится на рыболовецком поприще вместо отца, ушедшего на фронт, проявляет терпение, храбрость и стойкость характера.

В центре внимания авторских размышлений оказываются нравственные вопросы: вопрос человеческого достоинства, добра и зла, чести и добродетели. Проблема народной нравственности проявляется не только через повседневные ситуации, но и через исторические потрясения. Например, коллективный труд в тяжёлые годы войны (рассказ «Варенька-рыбачка»). В рассказе «Ангел Наташа», когда Кира учится художественному творчеству у Наташи-инвалида, остаётся вечной проблема преемственности поколений, нравственной памяти. В центре внимания автора также остаются вопросы об ответственности личности за судьбу других людей, коллектива: рассказы «Стрелочник», «Варенька-рыбачка».

Рассказы автора живые и динамичные, написаны простым, лаконичным языком. Динамика рассказов проявляется не только через характеры героев, но и быстро сменяющиеся действия, обстоятельства. Нередко автор прибегает к неожиданной, внезапной развязке, которую преподносит сама жизнь. Предельная простота, правдивость, искренность героев, авторский оптимизм отличают эти рассказы. Автор создаёт атмосферу повседневной жизни обычных людей, которая очень знакома читателям. В каждом герое читатель наверняка узнает своего друга, знакомого или соседа.

К. А. ДОРОХОВА, литературовед

содержание

ангел Наташа	3
беглянка	6
Варенька-рыбачка (маме)	14
Игнат и попугай	23
как-то раз однажды было...	32
Корешок	35
Мишка и Машка	39
мой лучший друг Тайсон	51
на лавочке (рассказ Аиды)	57
невыдуманная история	63
осечка	80
подпасок	83
Снегурочка	88
саксофонист	91
на покосе	103
Юрьев день	108
Евдокия	114
подружка	122
стрелочник	129
доля бабская, горемычная	134
крайняя мера	160

А. Таразанов Ангел Наташа
сборник рассказов

Дизайн, макет, рисунки: В.Вайнштейн

Выходные данные

Формат: 60x84/16

Гарнитура "Nimes new roman"

Тираж: 100 экз.

усл. печ. листов: 11;

усл. изд. листов: 6,25

авторское издание